

СВЯЩЕННИК СЕРГИЙ ПЕТРОВСКИЙ

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ

«Мастер Студия»
Ульяновск
2019

*В книге использованы материалы семейных архивов
Петровских и Расторгуевых и Государственного
архива Ульяновской области*

С.П.Петровский (1881-1933), сельский священник, основатель Карлинского общества трезвости. В 1915 году за выдающую пастырскую деятельность и насаждение трезвости награжден Императором Николаем II золотым наперсным крестом.

В книгу вошли «Автобиография» - воспоминания, написанные им в 20-е годы прошлого века, и наиболее интересные печатные труды, в основном, посвященные делу народной трезвости.

Думается, что мысли, жизнь и дела священника, о котором потомки его прихожан хранят благодарную память в течение ста лет, заслуживают внимания наших современников.

Приведенные в книге статьи краеведа, журналиста Владимира Константиновича Кузьмина подтверждают, что интерес к деятельности и личности отца Сергия не ослабевал никогда.

«Честно и талантливо описанная жизнь имеет вдохновляющее значение и действие на читателей. Она показывает, какое употребление можно сделать из жизни. Она ободряет наш дух, оживляет наши надежды, дает нам новые силы, увеличивает наше мужество и усиливает веру – веру в других и веру в самих себя. Она побуждает нас к деятельности. Жить с такими людьми, читая их жизнеописание и чувствуя себя под вдохновением их высоких примеров – значит возвращаться в избранном обществе».

**Священник Александр
Рождественский,
названный народом
апостолом трезвости**

Дорогие друзья,
братья и сестры!

Вы держите в руках потрясающую книгу. Потрясающую не своим объемом, но тем настроением, которое она несомненно передаст каждому читателю. Названная «В борьбе за народную трезвость», она в первую очередь, наверное, неподражаемо передает ту реальность, которой жили предшествующие нам поколения. Книга начинается с автобиографических заметок священника Сергия Петровского, которые и представляют для всех нас, жителей Симбирской земли, огромную ценность. Они передают те настроения, те бытовые детали, которыми жили простые люди до и в первые годы после революции, рассказывают об укладе религиозной или деревенской жизни. Сейчас, когда жизнь многих из нас наполнена по-

стоянными информационными потоками, когда кажется, что совсем ни для чего не хватает времени, мы можем прочесть о том, как человек переживал пение птиц, красоту природы, течение рек, цветение весны и увядание осени... Все строки отца-протоиерея пропитаны нежной любовью к Божиему творению – природе и людям. Невозможно безэмоционально читать о том, как он жертвует своей карьерой и обучением в Санкт-Петербургской Духовной Академии ради простых жителей деревни. Небезынтересным представляется и описание того, как меняется уклад жизни в войну или голод. Неизменным, пожалуй, остается только его любовь к тому уделу, который вручил священнику в таинстве хиротонии Господь.

Протоиерей Сергей Петровский, как и его отец-мученик диакон Петр - это яркие звезды на церковном небосклоне многострадальной Симбирской земли, земли пережившей как мало какая другая земля ужас большевистских гонений на Церковь. Однако даже после расстрела своего родного отца, священник Сергей не теряет любви к пастве, к тому делу, которое он начал – борьба с пьянством. Более десяти тысяч обетов было принесено, благодаря учиненному им делу, сколько материнских слез было утерто, сколько судеб было исправлено!

Мы сейчас очень робкими шагами пытаемся возродить дело церковной борьбы с этим тяжелейшим

недугом. И в этом деле пример отца Сергия – большая поддержка для всех нас и опора.

Не нам дано судить человека и нам неведомо, как Верховный Судия всех – Господь распорядился загробной участью священника Сергия, но, прочитав его труды, непоколебимой остается все-таки надежда на то, что Бог принял его чистую и светлую душу в селения с праведными и сейчас отец-протоиерей Сергий продолжает проливать слезы молитв пред престолом Божиим за всех нас, порою потерянных в буре житейских страстей жителей Симбирской земли.

Вечная память дорогому отцу-протоиерею Сергию Петровскому, а всем читателям этой книги мне хочется пожелать подобно автору строк автобиографии научиться слушать природу, научиться удивляться ее красоте, научиться любить свою родную землю так, как любил ее он – отец Сергий - и в этой любви продолжать жить на своей земле и менять ее к лучшему, менять в первую очередь начиная с самих себя.

Храни всех Воскресший Господь!

АНАСТАСИЙ

Митрополит Симбирский и Новоспасский

АВТОБИОГРАФИЯ

Предисловие автора

Мысль заняться описанием своей жизни пришла мне совершенно случайно: после покойного отца моего осталась нам небольшая тетрадь, в которую его рукой занесены были многие факты из его жизни, но, к сожалению, очень кратко описанные, Чтение этой рукописи, найденной после его трагической смерти, было настоящим утешением. Как живой, вставал он предо мною в этой своей краткой семейной хронике, и хотелось читать, читать и перечитывать ее без конца...

Вот тут то и блеснула у меня мысль: а хорошо бы заняться описанием своей собственной жизни.

С одной стороны, этот труд, может быть, сделается интересным и дорогим для моих сыновей, а с другой – так приятно отдаться воспоминаниям о своем родном былом, унести на крыльях мечты к своему золотому детству, к дням быстротечной юности и воскресить в памяти те чудные грезы и сны, которыми была так богата и красна весна моей жизни.

Хотя и сравнительно мало еще пройдено, но как много пережито, как много всяких – и отрадных, и тяжелых - впечатлений легло на сердце, как много разного рода людей встречалось на жизненном пути, и если бы все это подробно описать, то получился бы солидный труд, может быть, в некотором отношении интересный, но я и не задаюсь такой основательной и обширной задачей и не ставлю перед собой такой серьезной цели.

Буду писать последовательно обо всем, что воскресит мне моя память, стараться выдерживать тот тон беспристрастности, который всегда в автобиографиях берется под сомнение читателями, но буду надеяться, что никто и никогда не будет читать моих строк, кроме моих близких родных, которым предназначается и посвящается мой труд.

*1920 года января 22 дня,
с. Карлинское*

Годом моего рождения был 1881-й. 21-го сентября в с. Степное Анненково¹ Симбирского уезда, у моих родителей Петра Григорьевича и Пелагеи Алексеевны Петровских родился сын Сергей, то есть я.

Так как детей, родившихся ранее меня (их было четверо), не осталось в живых, рождение нового ребенка, естественно, внесло в семью надежду, что, может быть, этот новорожденный останется жить и принесет родителям те счастливые семейные радости, без которых нет смысла в совместной супружеской жизни. А мои родители в это время особенно нуждались в чем-нибудь таком светлом, радужном и отрадном, чем была бы хоть немного скрашена их горькая, нерадостная жизнь. Лишь незадолго до моего рождения прибыли они в с. Анненково из далекой Пермской губернии, куда в 1875 году отец был сослан без лишения прав по делу о неправильной выдаче двух метрических выписей на одно лицо и откуда ему разрешено было по Вы-

¹ Ныне Цильнинский р-н Ульяновской обл.

сочайшему повелению снова возвратиться на родину в 1881 году.

Из далекой ссылки родители возвратились в Симбирск, а потом в Анненково в конце августа 1881 года и поселились пока в доме моего дедушки, отца моей матери, Алексея Ивановича Воецкого, служившего тут в то время псаломщиком. Следовательно, дом дедушки и был моей первой колыбелью, приютившей новорожденного сына изгнанников-родителей.

Оба старика были прекрасными людьми, и в их доме мы прожили до начала 1882 года, когда отец мой снова был принят на службу по духовному ведомству и определен псаломщиком в с. Осока Сенгилеевского уезда. Оттуда в конце этого же года он был перемещен в родное Анненково на место дедушки, который по слабости своих сил и недоразумений, возникших с местным священником, сдал свое место моему отцу и помог ему купить собственный домик рядом со своим домом и зажить нормальной жизнью семейного сельского псаломщика.

У меня об этом родительском доме сохранились отчетливые впечатления: он был небольшой, уютный, а главное, находился рядом с домом дедушки и бабушки, которых я так любил и к которым постоянно можно было бегать. Из кухни дедушкиного дома на наш двор выходило небольшое окошечко, и в него можно было видеть, что делается внутри: обедают, пьют чай, или бабушка вынимает из печки какие-нибудь вкусные булочки. Из кухни раздавался ласковый привет, и через минуту ты уже был там...

Бабушка Капитолина Федосеевна была совершенно глухая, но симпатичная и добрая старушка – она всегда ласкала и привечала нас, своих маленьких внучат. Объяснялись мы с ней, крича громко над самым ухом, а то просто брали ее за руку, подводили к запертому заветному чулану, где всегда хранились всякие сласти, и своими ласками и поцелуями доводили до того, что она брала ключи, отпирала чулан и наделяла нас гостинцами. Старики жили в достатке, и не только ни в чем не нуждались, но еще в достаточной степени помогали своим детям, особенно моим родителям, и дом их всегда был полной чашей. Дедушка Алексей Иванович был премилый старик. Высокого роста, с большой бородой, всегда в подряснике, он казался на вид почтенным, солидным протоиереем. Помню даже один курьез, происшедший с ним: когда впоследствии он приехал к нам в Суляжное и пришел в церковную сторожку, сторож почтительно встал и подошел к нему под благословение. «Не моя неделя», — пошутил старик, а потом объяснил, что он только заштатный псаломщик. Был он удивительно словоохотливый и остроумный собеседник, а уж если «попадет рюмочка», то шуткам его не было конца.

Из того далекого детства я помню свое увлечение церковным чтением и церковной службой: стараясь изображать собою священника, обыкновенно брал я первый попавшийся головной платок, концы его, наподобие ризы, завязывал у подбородка и отправлялся к «дединьке с бабинькой» с «молебином». За «службе-

ние» молебна обычно давался трешник (1 коп.) или семишник (2 коп.), после чего открывалась приятная дорога в лавочку к «Полиевктовне» за пряником или конфеткой.

Годы моего детства в Анненкове были непродолжительны: вскоре мой отец получил место диакона в с.Суляжное¹ Алатырского уезда. Но все же первые детские впечатления от Анненкова были сильны и ярки. Я прекрасно помню расположение села, архитектуру анненского храма, два огромных пруда около него, а вдали тенистый лес и постоянно вертящиеся мельницы на окраине села. Даже теперь, много лет спустя, когда я несусь своими воспоминаниями к дням моего золотого детства, как-то грустно делается на душе, так жаль этих милых, промелькнувших как сон, невозвратных дней, этого ясного утра моей сознательной жизни!..

В 1887 году, 12 июля, мой отец был рукоположен в сан диакона. Рукоположение совершалось в Симбирском кафедральном соборе, на это торжество был взят матерью и я, но воспоминания обо всем виденном у меня сохранились настолько неясные, что я, как во сне, представляю и собор, и архиерейскую службу, и одетого в духовную одежду отца, но зато отчетливо помню карусель, на которую меня посадили вечером, и то обстоятельство, что мой конь остановился по окончании катанья не там, где я сел на него и где стояли мои отец и мать, а на противоположной стороне, и я, не находя глазами своих, начал горько плакать.

¹ Ныне с.Раздольное Порецкого р-на, Чувашия.

Наш семейный переезд в Сутяжное почему-то затянулся до осени, кажется, причиной была болезнь матери. Вдвоем с ней мы дожидались подвод от отца из Сутяжного, которые прибыли уже по санному пути. Помню, приехали мужички, их радушно встретили, нагрузили две подводы небогатым добром, и мы навсегда покинули Анненково.

Дорога была длинной, тяжелой, ехали три-четыре дня и сильно измучились. Но зато с какой любовью и радостью встретил нас отец, нанявший к тому времени уютную квартиру и принявший в услужение Ивановну, которая с тех пор в течение пятнадцати лет была нам второй матерью, и которая первая выбежала нас встречать, взяла меня на руки и осыпала поцелуями и ласками, и чьей любви хватило потом на всю нашу последующую жизнь! Это была пожилая вдова, помнившая времена крепостничества, детей у нее никогда не было, и она всю нежность своего женского сердца перенесла на нас, то есть на меня и на последующих детей. В высшей степени честная, благородная и строгая по своей жизни, она оказывала на нас благотворное влияние. Мои родители любили ее, как сестру, а мы свою любовь к ней соединяли с той боязнью и уважением, какие питают обыкновенно дети к родителям. На своих руках она укачивала нас (меня и моих сестер), пела нам свои немудреные, но задушевные колыбельные песни, рассказывала сказки, но зато за шалости умела и бранить. И как любили мы ее! Теперь, когда я пишу эти строки, ее давно нет на свете, но благодарная память о

ней живет в моем сердце, и мне так сладко вспоминать это имя, с которым связано столько отрадных событий детства и золотой юности.

Вот так и началась наша жизнь в Сутяжном. Здесь прошло все мое сознательное детство, вся юная пора жизни, и для меня нет на земле такого же уголка, который был бы так близок моему сердцу, так полон воспоминаниями, где каждый куст, каждый овражек, каждая «вершина» (так назывались овраги, поросшие орешником и дубняком) были хорошо знакомы с самых юных дней. Туда я бегал со своими сверстниками за ягодами и орехами, там, как вольные птички, порхали мы по родным полям и лугам «ни забот, ни печали не зная».

Бог помог отцу купить свой собственный домик с небольшим фруктовым садом, и вот этот-то сад в течение целых пятнадцати лет был источником наших светлых радостей и удовольствий; он заставил нас природу, «как невесту, любить и с природой тогда, как с сестрой, говорить». Туда, в этот милый сад, под эти стройные яблони и тихие вишни, и теперь уношусь я часто в мечтах, вспоминая с грустью невозвратное прошлое, сказки моего далекого милого детства и золотые сны моей красной юности...

Сутяжное раскинулось в глубокой впадине, или, лучше сказать, в овраге, на берегу которого стоит старинная каменная церковь, с устремленным ввысь шпилем и колоннами по бокам. Я любил этот храм с его высоким светлым куполом, с его чудным светлым звоном. Особенно любил несравненный звон большого коло-

кола - в пасхальную ночь поднимавшего в душе целую бурю самых возвышенных мечтаний и чувств. С замиранием сердца ждали мы всегда этого изумительного пасхального звона и, как дивной музыкой, упивались волною его серебряных звуков, заглушавших всю грешную скорбь и земное томление души.

Если в самом селе нельзя указать особо красивого места, то вид, открывавшийся из нашего сада, особенно с его восточной стороны, был просто восхитительный. Направо и налево были сплошные сады, а впереди, с востока, являлась взору великолепная панорама Засурья (за рекой Сурой): чернел высокий темный бор, белели песчаные утесы правого берега Суры, несколько ближе виднелись избышки ближайшего села Сырьсь, а левее его зеленела дубовая роща, как бы дополняя собой тот милый, задушевный уголок природы, которым я так привык любоваться и на который любил задумчиво смотреть с юных лет и вплоть до того самого дня, когда пришлось окинуть всю эту картину грустным, прощальным взором...

Рядом с нашим садом был сад местного священника; он был запущенный, старый, но к нему примыкала такая прелестная вишневая роща, каких я мало видел потом. Весной, «как молоком облитые, стоят сады вишневые», а летом, как кровавым пурпуром, оденутся эти ветви в свой наряд из красных ягод, позднее же осенью, когда начнется листопад, принарядятся эти деревья в свое золотое убранство, которое ярко блестит при печальном свете холодного осеннего солнышка.

В отцовском саду была крытая деревянная беседка, из двери которой как на ладони были видны и дом, и церковь, и весь сад, а также та великолепная панорама Засурья, о которой я выше говорил. С конца мая и до самого конца августа эта беседка была нашей детской дачей, куда мы переселялись со своими постелями и книгами, и здесь, в нашем товарищеском кругу, велись те нескончаемые разговоры и рассказы, вызывавшие трогательные переживания и придававшие нашим вечерам и тихим летним ночам ту поэтическую окраску, которой так богата эта золотая пора жизни.

Особенно нравились мне тихие, ласкающие июльские ночи, залитые задумчивым лунным сиянием, - я любовался усеянным звездами ночным небом, восхищался спокойным безмолвием тихого сада, заслушивался грустными, хватающими за сердце мотивами деревенских хоровых песен, которые «по весне, на заре долетали до нас»; я любил звуки вечернего колокола, эхом перекатывавшиеся по вечерним долинам, я мог часами смотреть в ту неоглядную даль, где «заря, догорая, легла, где виднелись убогие избы села и мерцали дома огоньками».

А больше всего любил я песню, задушевную, сердечную песню, которая плакала, и своими словами и звуками волновала грудь и поднимала в ней целые волны благородных порывов и чувств. И с песней, как с другом, текли эти незабвенные дни. Пели все: мои товарищи, я, мой отец, обладавший великолепным слухом и приятным голосом, сестры, и даже мать. Пели про

красоты природы, про «хлебородные нивы», про «вечерний звон», про «детинушку, что на чужбине сгубили враги», про «лучинушку», про «дубинушку» и про «белые снега». Вообще трудно перечислить все детские радости и те восторги, какими одаривала нас жизнь в теплом родительском гнездышке, под крылом нежной, любящей матери и при молчаливой ласке доброго отца.

Незаметно, как во сне, промелькнули первые детские годы. Настала пора школьного учения, которая ограничила время детского беганья и всевозможных развлечений, но все же еще оставила широкий простор для других занятий, более соответствующих школьному возрасту. Первым моим учителем был мой родной отец. В Сутяжном он был не только диаконом, но и учителем церковно-приходской школы, которая своего здания не имела и помещалась в церковной сторожке. Учиться я начал с семи лет, первой книгой моей был букварь Тихомирова, и грамота мне давалась сравнительно легко. Но, к сожалению, мой учитель, то есть отец, сам не имел педагогической подготовки, учил нас просто, как умел, примитивным способом, отчего, конечно, и не могло быть правильной постановки дела. На мне это сказалось потом, в духовном училище, и даже в семинарии, когда я долго не мог усвоить ни правил орфографии, ни правил арифметики, а привычка запоминать материал механически, не всегда понимая его смысл, осталась у меня чуть ли не на весь период моей школьной жизни.

Научившись читать и писать, я вскоре освоил и славянский язык и уже на втором году своего ученья вы-

ступал в церкви, читая часы, шестопсалмие и кафизмы, не пропуская ни одной праздничной службы и помогая псаломщику в его клиросных трудах. Поэтому псаломщики (их в Сутяжном сменилось несколько) были моими большими друзьями, всегда старались оказать мне какую-нибудь любезность, а один из них (Н.М. Троянов) даже как-то взял меня гостить в дом своего отца, заслуженного четвертаковского¹ благочинного, что явилось целым событием в моей детской жизни.

Кроме пения на клиросе, я был певчим в основанном моим отцом хоре. У меня был высокий, чистый и приятный дискант, с нотами я скоро освоился, и дискантовая партия в хоре отца никогда не страдала. У отца была впечатлительная музыкальная душа, он страстно любил пение, и особенно церковное, а потому воспользовался своим положением школьного учителя, чтобы организовать церковный хор, в состав которого вошли и любители из взрослых.

Перед праздниками Рождества и Пасхи целые вечера уходили на разучивание нотных пьес; вкладывалось много труда, а еще более любви в это милое дело, но зато какое нравственное удовлетворение испытывалось всеми участниками хора, когда после торжественной службы похвала и благодарности сыпались со всех сторон. После обедни хор вместе с причтом шел с «концертом», причем маленьким певчим давали деньги, а взрослые получали «натурой», то есть по рюмке или стакану водки, и ко времени вечерни представители те-

¹ Ныне п. Тургенево Ардатовского р-на, Мордовия.

норовой и басовой партий были уже «в состоянии невменяемости». Это было давно! Но в душе моей до сих пор живет мотив концертного «Дева днесь...», как живые, возникают образы исполнителей, особенно души этого хора – моего отца. Вспоминается церковная сторожка, где происходили спевки, и встают в памяти те ясные лунные морозные ночи и длинные вечера, когда мы, расходясь с этих спевок, поднимали шум и возню среди сонной улицы и, придя домой, сладко засыпали,

Петр Григорьевич и Пелагея Алексеевна Петровские.

убаюканные золотыми мечтами о предстоящих святочных забавах.

А встреча Страстной недели и Пасхи – о! сколько трудов, забот, разного рода волнений выпадало тут на нашу долю! Надо было наделать фонарей, разучить новые хоровые пьесы, организовать сбор пожертвований на пасхальные украшения и с честью выйти из всех этих начинаний и хлопот. Памятна и глубоко поэтична была всегда эта дивная, несравненная и светозарная пасхальная ночь! Совпадая обычно с пробуждением природы и с первыми теплыми весенними днями, Пасха действительно ощущалась и переживалась как «праздников праздник» и символ победного воскресения. В воздухе чувствовался аромат оттаивающей земли и первой весенней травки, слышалось громкое журчание крикливых ручьев и веселое щебетанье перелетных пернатых гостей.

Печально и уныло пел обычно колокол в дни Страстной седмицы, и вместе с ним пела и плакала верующая человеческая душа. Но как оживала, как действительно воскресала эта же душа вместе с первыми словами пасхальных песнопений, с первыми торжественными звуками полуночного пасхального колокола!

В Сутяжном пасхальный звон к утрени предварялся тогда выстрелами из двух старинных, Бог весть отколе привезенных, пушек. Одна была большая, другая поменьше. К моменту звона они заряжались, и в назначенный час и минуту раздавался громоподобный выстрел, за ним следовал единичный удар в колокол; далее

звучал второй выстрел, и уже за ним начинался торжественный, певучий, хватающий за сердце частый пасхальный звон... Церковь сияла разноцветными огнями, густой непрерывной вереницей шли в храм богомольцы, и начиналась пасхальная утренняя – тот воистину «пир веры», как великолепно охарактеризовал эти святые переживания и несравненные пасхальные восторги святитель Иоанн Златоуст.

С особенной любовью вспоминаю я чтение Евангелия на литургии: торжественный перезвон колоколов предварял его чтение. Но лишь только отец начинал: «В начале бе Слово...» как в этот момент по сигналу опять раздавался пушечный выстрел, который не только оттенял торжественность и важность момента, но, к слову сказать, отгонял ту убийственную дремоту, которая обычно начинает к этому времени клонить уставших, не ложившихся в эту ночь спать, богомольцев.

Из других церковных и памятных дат в моем детстве я помню 26 июня, день престольного праздника — Тихвинской иконы Божией Матери, но о том, как он проходил, тяжело и грустно вспоминать. Это был какой-то пьяный кошмар, продолжавшийся три-четыре дня. Трезвую публику можно было видеть только утром первого дня в церкви, а дальше начинались в полном смысле пьяные оргии. Пьяные толпы ходили по улицам, орали дикими голосами что-то похожее на песни, ругались, дрались, безобразничали во всех формах и действительно выходило по-некрасовски, что «все село шаталось». «Как вышли на пригорочек, крестьянам по-

казалось, что все село шатается и даже церковь старую, с высокой колокольней, шатнуло раз-другой».

«Гости», конечно, заходили и в дом моего отца, но это были те пьяные дяденьки, которые, проходя мимо нашего дома, припоминали, что «тут живет диакон и с него непременно нужно спать». Чаше всего от таких посетителей приходилось запирается, и «гости», наткнувшись на запертую калитку, начинали не только ворчать, но и посылать по адресу обитателей дома довольно сильные эпитеты. И только мы, детвора, оставались в стороне от этой грустной действительности, всматривались печальными глазами в эту ужасающую грязь жизни, вслушивались в пьяные стоны, и в нашем детском уме вырастал неумолимый протест против этих безобразий и пошлости, против этого веками сложившегося пьяного уклада жизни, и уже тогда мы относились к этому отрицательно и приходили к убеждению, что когда мы вырастем большие, то так жить мы не будем.

Сразу после этого праздника начинался сенокос. С отуманенными с похмелья головами шли мужики делить свои луга, к которым примыкали и наши церковные покосы. Это была великолепная ровная долина, известная под названием Машаровки, куда я со своими сверстниками бегал чуть ли не ежедневно. Здесь рвали мы цветы, бегали взапуски, катались на своем детском тарантасике, бродили решетом рыбу, и, кажется, нельзя указать еще другого места, которое бы мы так любили и с которым связано было у нас так много детских воспоминаний.

Помню, что ежегодно на этой самой Машаровке повторялась одна и та же сцена. Ошалелые после праздничного похмелья мужики к вечеру собирались на церковных лугах, и стоило только батюшке или отцу пообещать «полведерочко» водки, как их трава через час или два уже лежала скошенной.

Между селом и Машаровкой был высокий обрыв, называемый хрустальной горою, и в его земных наслоениях мы действительно находили кристаллы хрусталя, то есть какого-то стекловидного минерала, но что с ним делать и каково его применение, мы не знали.

Моими товарищами по играм были обыкновенные крестьянские дети, в них, кажется, никогда у меня не было недостатка, но самыми приближенными друзьями были Ванька Присняков, он же Князек, и Федя Аниськин. Первый был сын бедных-пребедных родителей, часто ходивший собирать милостыньки, а второй был круглый сирота, так и выросший в нашем доме; позже он учился во второклассной учительской школе, кончил курс и стал деревенским учителем.

В кругу моих сверстников я был центром, вокруг которого они группировались. Кстати, у меня был очень интересный детский тарантасик на железном ходу, в который я обычно запрягал тройку самых дюжих из мальчишек, и эта тройка несла меня во всю прыть на ту же Машаровку, где нашим играм, резвости и развлечением не было конца... Да! «Детские годы, счастливые дни, как вешние воды промчались они...»

Подходила пора учебы в духовном училище, и вот осенью 1892 года, когда мне исполнилось 11 лет, я был

представлен в подготовительный класс Алатырского духовного училища. Небольшой городок, расположенный при впадении реки Алатыри в Суру и имеющий со стороны Суры восхитительный вид на безбрежный сосновый бор, произвел на меня хорошее впечатление. О доме я особенно не грустил, думаю, потому что попал в семейную обстановку, под покровительство любимшей меня материнской любовью моей тетки и крестной матери Екатерины Алексеевны Знаменской. Муж ее, Павел Иванович Знаменский, в то время был регентом училищного хора, люди они были бездетные, и я сделался им вместо сына, даже и звать-то они меня стали сыном. Это было мое особенное счастье, что первые шаги моего ученья на чужой стороне проходили в такой обстановке. В семье стариков царил строгий порядок: вовремя вставали, подолгу молились, в определенные часы обедали, ужинали и пили чай.

Учиться я стал хорошо, трудолюбия у меня было много, уроки были несложные. Преподавателем подготовительного класса был умный человек, священник Сергей Тимофеевич Руднев, который дал нам немало полезных знаний и добрых советов, часто обращая сухую обстановку классного урока в милую, душевную беседу любящего отца с детьми.

Как ни симпатична была семейная обстановка Знаменских, но, помню, порой находила на меня тоска, и тогда я долго и безотчетно о чем-то грустил. Грустил о родимых полях и лугах, о любимом саде, отцовском доме и в своих печальных мыслях рисовал безрадост-

ные картины. В моем больном воображении чудилось мне, что среди заброшенного поля расстилается убогое сельское кладбище и на нем, на самой пустынной окраине его, стоит одинокая могила, с простым деревянным крестом, а в ней... мой любимый, мой милый отец. Мне слышались напевы зимней метели, рисовались сыпучие снега, заметавшие одинокую могилу, а особенно отчетливо вставал предо мною простой, скромный крест на могильном холме. И я так боялся, что эти печальные предчувствия мои могут обратиться в страшную действительность, но, слава Богу, этого тогда не случилось! Однако, произошло это потом, лет 25 спустя, и именно так, как рисовалось моему больному детскому воображению, но об этом речь будет ниже.

Помню, как в квартире Знаменских суровыми зимними вечерами и темными осенними ночами печально и монотонно гудел ветер в трубе – протяжно, тоскливо и грустно, «словно как мать над сыновней могилой». Под эти хватающие за сердце звуки в душе моей и слагались печальные, грустные картины, черным похоронным флером покрывающие мое ясное детское мирозерцание и сообщавшие моему характеру оттенок меланхолии и безотчетной тоски.

Годы моего пребывания в училище шли ровно, гладко, хорошо. Был я все время среди первых учеников, радуя своими успехами и родителей, и чету Знаменских, хотя эти успехи мне давались нелегко, – трудился я много и добросовестно, – но зато каникулярное время было в моем полном распоряжении.

Случился, правда, на первом году моего пребывания в училище инцидент довольно печального характера, но зато он имел для меня и благие последствия. У меня был друг-приятель из моих одноклассников Н. И. Колосов. Однажды, играя с ним, я нечаянно толкнул его на топившуюся железную печь, и он, прислонившись ладонями, обжег себе (конечно несерьезно) обе руки. Это сейчас же было доведено до сведения смотрителя училища, и тот за «нечаянность» дал мне наказание — получасовое заключение в карцер. В карцер обычно сажали самых отпетых шалунов и злостных озорников, но я к таковым ни по характеру, ни по воспитанию совершенно не подходил и принадлежать не хотел. Вот почему такое унижительное наказание привело меня к полному отчаянию. Но воспитатели сумели учесть и понять мою психологию: балл по поведению у меня остался прежний – пять, я же после всего пережитого совершенно переродился, сделался степеннее, выдержаннее, а главное, стал строго следить за своими действиями и поступками, боясь, как бы излишней резвостью не нажать себе снова чего-нибудь подобного.

В Алатыре я проучился пять лет (приготовительный и четыре класса), и за это время состав учительской корпорации оставался неизменным. На некоторых лицах этой корпорации считаю нужным остановить свое внимание.

Особенно памятен мне помощник смотрителя училища священник Иоанн Семенович Кассеньев. Это был религиозный человек и благоговейный служи-

тель Божий, вдохновенно и слезно приносивший Богу бескровную жертву. Правда, он был суровый на вид и строгий с шалунами, недаром ученики дали ему между собою прозвище Иегова. От всей прочей корпорации держался он особняком, да и общего, правда, между ним и прочими учителями ничего не было: в их компании и попойках он никогда не участвовал, был человеком абсолютно трезвым и вообще аскетом и по виду, и по жизни, за что его и недолюбливали. Когда я учился, ему было уже около пятидесяти лет, но он не имел даже камилавки; очевидно, его намеренно игнорировали. Меня он почему-то любил, всегда о чем-нибудь спрашивал, когда утром я встречал его в классном коридоре и просил у него благословения; однажды он подарил мне маленькое Евангелие со своей подписью, а один раз даже удостоил меня счастья пить у него чай. Вообще, у меня сохранились добрые воспоминания о нем как о человеке, так и о воспитателе.

С таким же теплым чувством могу вспомнить и другого моего воспитателя, Алексея Егоровича Сахаровского. Солидный, серьезный, но в то же время мягкий и в высшей степени добрый, он был настоящим отцом для учеников. И поругает, и приласкает, и добрый совет сумеет дать. Несмотря на свой светский сюртук, он был на редкость религиозным человеком, и им можно было пленяться, когда он в церкви или в классе клал на себе крестное знамение или устремлял к Богу свое сердце и свой старческий взор. Любили его все без исключения: и товарищи учителя, и ученики, и все, кто только с ним

соприкасался. Он был преподавателем русского языка в первом классе. Помню, однажды вздумалось ему прочесть нам небезызвестную книжечку «Степаныч старичок», и кончилось это тем, что к концу чтения и сам лектор и мы, все слушатели, заливались самыми неприторными, искренними слезами под сильным впечатлением великолепного рассказа из духовного быта, да к тому еще написанного в стихотворной форме.

Помню еще преподавателя греческого языка М.С.Холуйского, который любил балагурить с учениками как в классе, так и во внеклассной обстановке, но среди шуток и смеха он так верно изучал характер, наклонности и способности каждого, что составить самую верную характеристику ученика ему было совсем нетрудно. Он же был и регентом нашего училищного хора, в котором я был одним из первых солистов альтовой партии. Очень любил я этого человека за его религиозность, порою удивительно симпатично проявлявшуюся в нем. Например, не имея возможности, управляя хором, молиться во время богослужения, он при чтении 1-го часа после всенощной опускался на колени и долго и умиленно молился, увлекая часто и нас, певчих, своим прекрасным примером.

Но был среди училищной корпорации человек, которого я без ужаса и омерзения не могу вспомнить, – это преподаватель арифметики П.И.Цедринский. Наше знакомство с ним началось рано, с первого класса училища, когда мы были еще малыми птенцами. Что он делал с нами, как издевался, дрался, ругался, топал нога-

ми, кричал, оставлял без обеда и чая и сыпал единицы в журнал, – обо всем этом тяжело и жутко вспоминать. Перед его уроком класс буквально замирал в томительном ожидании его появления, сердце усиленно билось от волнения и боязни, руки и ноги холодели от надвигающегося ужаса, нервы напрягались до последней степени. И вот среди наступившей мертвой тишины раздавался по коридору топот его сапог, и он бурей врвался в класс, и так же бурно проводил свой урок, потешаясь в своей необъяснимой злобе и раздражении над «малыми сими». Так было почти каждый день, а посему можно судить о том, как это влияло на нас.

Если теперь, когда, я пишу эти строки, мои нервы расшатаны до потери покоя и сна, то я откровенно свидетельствую, что главная «заслуга» в этом медленном моем умирании принадлежит Цедринскому, так беспощадно и жестоко начавшему убивать нас еще на алатырской школьной скамье. Духовенство, – наши отцы, были тогда сильно запуганы, жаловаться на его безобразия не смели, смотритель училища был с ним в близком родстве, потому все его деяния покрывались молчанием, и только, кажется, приехавший впоследствии инкогнито синодальный ревизор, познакомившись с его «деятельностью», немедленно убрал этого вредного человека из преподавательской среды. Но зло, которое он причинил целым поколениям за многие годы своего учительства, огромно, жертвам его жестокости нет числа, а посему суди его, Господи, по делам его и воздай ему по достоянию деяний его!

Вообще жизнь, учение и воспитание наше в духовном училище были суровыми, развития они не могли нам дать никакого, но зато зубрить заставляли и приучали нас к этому в совершенстве: бессмысленная зубрежка так искусно внедрялась в сознание учеников, что они отказывали себе в покое и отдыхе, немедленно после классов и обеда снова садились за книжки, долбили до вечерних занятых часов, а вечером, до самого ужина, зубрили уже по обязанности. Прогулки на воздухе, игры на дворе, развлечения – почти все это отсутствовало, но, в конце концов, сами наши воспитатели стали сознавать ненормальность такого порядка вещей и перед вечерними занятиями на полчаса всех без исключения стали выставлять из здания во двор.

Были и еще немногие в году часы отдыха и развлечений – это весной, во время трудных экзаменов, когда нас выстраивали рядами и вели или на Суру купаться, или гулять и резвиться в засурские луга. Одно из таких купаний для меня едва не окончилось трагически. Не умея плавать, я зашел далеко от берега, а так как вода в Суре очень быстрая, то я долго не мог справиться с течением, и если бы не чья-то помощь, я наверняка бы утонул.

Засурские экскурсии были полны такой поэзии и прелести, что трудно их описать. Вырвавшись из душных стен и освободившись от скучных учебников, мы были в таком восторге и восхищении, что недаром эти часы и минуты так прочно врезались в память. Мы пели хором алтайские канты, невинные песенки, гуля-

ли по пышноцветущим лугам и рощам, пили чай, ели булки, и так хорошо, так весело было тогда!

Быстро и незаметно прошли пять лет моего пребывания в училище, в течение которых все же лучшим временем были рождественские, пасхальные, и особенно, летние каникулы в доме моих родителей. Мои три сестры и брат были еще маленькие и не могли быть мне товарищами по играм, зато сами, в силу незначительной разницы лет между ними, до школьного возраста были неразлучны. Мне же приходилось относиться к ним с предупредительностью старшего брата: устраивать на Рождество елку, возить им из города разные безделушки, защищать от уличных забияк и пр. Но все мы пользовались свободой привольной деревенской жизни, дышали дивным воздухом цветущего сада, питались его великолепными плодами, любовались прекрасной картиной Засурья, какая открывалась из сада, и, наверно, в душах их сохранились те же незабываемые впечатления детства, какие остались и у меня.

Не могу не сказать об одном ни с чем несравнимом удовольствии, которое выпало не только на долю нас, детей, но и взрослых, и которым мы пользовались по несколько раз ежегодно летом, при наступлении каникул. Это увеселительные поездки на реку Суру. В один из намеченных дней начинались спешные приготовления: налаживались удочки, снаряжались корзины с печеньем и вареньем, укладывались самовары, а старички после таинственных переговоров старались незаметным образом уложить бутылочку или две

«очищенной» или какой-нибудь «померанцевой» настойки. Обыкновенно в таких поездках принимали участие две или три семьи: наша, семья священника И.Ф.Яблонского, его брата, священника с.Сыресь, А.Ф. Яблонского, псаломщика Л.А.Егорова, но чаще всего только две семьи, наша и священника, составляли обычную компанию.

У нашего батюшки была хорошая лошадь, по кличке Гарсон, хороший выезд, а у нас своей лошади не было до самого моего поступления в семинарию, потому при поездках на Суру стоило большого труда найти подводу. Раз, помню, одна женщина, по прозвищу Мартыниха, согласилась дать нам свою лошадь, а младший брат Ленья, которому в это время было пять или шесть лет и который весь день не отставал от меня в поисках лошади в надежде и самому принять участие в поездке, - стоит около телеги, с важностью заложив назад руки, и серьезно-пресерьезно спрашивает: «Силёзынька, это малтынихин мелин-то?» Я расхохотался, рассказал старшим, и это выражение «малтынихин мелин (мерин)» было долгое время ходячим.

Приготовления окончены, и мы пускаемся в путь. Расстояние в пять-шесть верст проезжаем незаметно, среди смеха и шуток компании, и пред нами открывается великолепная картина сурских поемных лугов, живописных озер с их желтыми и белыми лилиями, стройного бора, красиво и бесконечно раскинувшегося по ту сторону Суры. Надо было миновать луга, глухое чернолесье, два-три озера, и только тогда показыва-

лась сама Сура. Великолепная, милая река! Как я любил ее, каким дивным мечтам предавался я на ее песчаных берегах, какой чудной поэзией овеяны были ее окрестности, ее леса, какие удивительные сказки шептал ей темный сосновый бор и как баюкала она меня своей говорливой волной!

Потом, начиная с семинарии, я всю жизнь провел на Волге и вблизи ее, был на берегах царственной Невы и седого Волхова, любовался задумчивыми берегами тихого Дона, но для моего сердца не было ничего милее Суры, нигде не встречал я более красивой картины природы, как Княжой перевоз на Суре, куда обыкновенно мы ездили со своими чаями и самоварами... Княжой перевоз назывался так, очевидно, по имени бывших сутяжинских владельцев - князей Тенишевых. Сам паром был сколочен из досок и помещался на двух больших лодках, - на нем перевозили людей и экипажи с лошадьми на правый берег Суры. Левый берег был окаймлен и кустами молодых ракии, и высокой развесистой черемухой, которую ежегодно безжалостно ломали любители ее черных ягод, и раскидистыми дубами, и вязами, приютившимися в луговых долинах, и разными кустарниковыми деревцами, начиная с ярко цветущего душистого шиповника и кончая красной и черной смородиной,

Но зато правый берег Суры в этом месте был высок и обрывист, за многие версты белелся он своими сыпучими песками, а по краям его обрыва, как свечи, стояли прямые стройные сосны, образуя бесконечный сосно-

вый бор, так называемую корабельную рощу, пропитанную невыразимым ароматом хвои и смолы.

Стоишь ли на краю этого обрыва, где под ногами у тебя извивается светлая полоса реки и на десятки верст виднеются села и деревни левого берега, смотришь ли на этот обрыв снизу, с самой реки, где пред глазами у тебя голубое небо с прозрачными облаками, да дремучий бор с его таинственным шепотом, - все прекрасно, все восхитительно, все бесподобно! А когда в прохладный вечер польется, бывало, над рекой наша песня и начнет перекликаться эхом в сосновом бору и над сонными сурскими озерами, то плакать хотелось от полноты и прелести тех чувств, какими переполнялось сердце...

Вот с какими прекрасными впечатлениями и среди каких красот природы проходили годы моего детства и юности в Сутяжном. Отсюда понятно, почему я всей душой и навсегда полюбил деревню, ее тишину, патриархальность, а главное, природу, на лоне которой я рос не только физически, но и духовно, и, обвеянный ее красотами, составил себе определенный взгляд на жизнь и на свое жизненное призвание. Уже тогда я задумал посвятить себя деревне, где среди тишины, простоты и ласки решил в роли сельского священника прожить назначенные мне Господом дни.

И этому решению я не изменил ни в годы своего пребывания в училище в Алатыре, ни в семинарские годы, ни даже потом, когда, уже в звании сельского священника, предо мною встало искушение: или поступить

в духовную академию, или перейти на служение в губернский город.

Прошло семнадцать лет моего служения в деревне, и вот сейчас, записывая эти строки, я счастлив от сознания, что остался верен своему решению, выношенному с самого детства в сердце моем: деревня была и навсегда осталась для меня родной стихией, в которой я только и могу свободно дышать, где только и могу сознательно и счастливо жить.

Но вот подошли и семинарские годы. Одним из первых учеников я окончил Алатырское духовное училище и поступил в 1897 году в Симбирскую духовную семинарию. Отправиться в Симбирск мне пришлось одному, так как по причине болезни матери (ее убила корова, поранив рогами) ехать со мной было некому. Отец посадил меня в Алатыре на поезд, который должен был подвезти меня к Волге у Вязовых (станция Свяжск), а там пароходом – до Симбирска.

Путешествие это я совершил благополучно. Пешком явившись с пристани в семинарию, представился начальству и был принят в семинарское общежитие. Здесь на меня сразу повеяло новым духом: я увидел, как некоторые семинаристы свободно курили, другие выпивали, третьи цинично выражались, все это мне показалось странным и неприятным, ничто подобное меня не привлекало к себе и не соблазняло, а заставило еще больше уйти в себя, отстраниться от всех.

В первых классах семинарии я не нашел себе друзей, держался как-то особняком от всех и в своем уе-

динении стал предаваться меланхолии и грусти, от чего меня спасала только учеба, увлекавшая меня своей новизной и интересным содержанием. Особенно нравились мне теория словесности и история литературы, да и нельзя было не полюбить этих предметов, ведь преподавателем их был знаменитый автор учебников, Николай Михайлович Ливанов, с безграничной любовью и самоотверженностью занимавшийся своим делом. Под его руководством я и проходил эти предметы в первых трех классах семинарии. С окончанием программы я навсегда простился с талантливым ученым и педагогом, который впоследствии сошел с ума и вынужден был покинуть преподавательскую кафедру, а затем вскоре где-то скончался.

Воспитательная сторона дела в семинарии была поставлена невысоко. Правда, держали нас строго, следили, чтобы никто не напился или не показался на улице с папироской; как солдат, перекликали на вечерних занятиях и в столовой за ужином, но и только. О том, кто чем интересовался, кто чем жил, страдал или мучился, — об этом никому из преподавателей и инспекции дела не было, в нашу душу не заглядывал никто. Ректор был поставлен на недостижимую высоту, разговаривать с ним могли только шестиклассники; инспектор и его помощники несли полицейскую службу, а преподаватели вели свое дело, как принято говорить, «отзвонил и с колокольни долой».

Трудно было, даже при желании, заняться чтением или самообразованием. Из фундаментальной библио-

теки получить какую-либо книгу можно было только по особому разрешению ректора и преподавателя. В ученической библиотеке книг в достаточном количестве не было, а про городскую Карамзинскую библиотеку запрещали и думать. Отсюда – крайнее литературное невежество семинаристов и отсутствие интереса к книгам. Чтение Некрасова, Чехова и Достоевского считалось чуть ли не преступлением, а замеченные в подобном чтении семинаристы слыли неблагонадежными либералами. Получался какой-то заколдованный круг: с одной стороны, требовали знаний, осведомленности, написанных литературно ученических сочинений, а с другой – боялись подпустить к тому источнику, откуда эти знания можно было почерпнуть..

Говорили о поэзии Некрасова, восхищались бытописателем Чеховым, с серьезным видом отмечали значение в литературе творений Достоевского, а где взять, где достать их произведения, этот вопрос всегда оставался открытым. Эти сочинения мы читали из-под полы, доставая у родных и знакомых, а то и из товарищеской библиотеки, тайно организованной на средства самих же семинаристов, хотя, конечно, с большим риском для учредителей.

В учебном материале, которым мы питались, было много лишнего, бесполезного. Зачем, например, эти классические языки, которые преподавались во всех классах семинарии, и притом так «умело и успешно», что в шестом классе мы почти разучивались правильно читать. Зачем какая-то непостижимая пасхалия, кото-

рую нам так и не сумели досказать? Зачем библейская история, изложенная дубовым, архаическим языком, которую мы хорошо знали еще в первом классе духовного училища и теперь только перечивали на новый безобразный лад? Было немало и другого балласта, совершенно не пригодившегося потом ни в жизни, ни в пастырстве, но на напрасное изучение которого было потрачено много сил, ума и души, в ущерб здоровью и общему умственному развитию.

Высшим руководителем будущих пастырей являлся, конечно, местный Преосвященный, каковым в то время был епископ Никандр¹.

Это был один из образованнейших архипастырей своего времени, замечательный оратор и на редкость красивый и представительный человек. В великолепной карете, разодетый, он раза два в год приезжал в пятый и шестой классы, просиживал с полчаса на каком-нибудь уроке, задавал два-три общих вопроса, – этим и ограничивалось его руководство пастырской школой. Правда, ежегодно 30 января, в день престольного праздника, он торжественно служил в нашем семинарском храме и говорил соответствующие поучения — и вот они-то действительно были достойны всякого внимания, как по глубине и оригинальности мысли, так и по форме художественного выражения. Иногда эти наставления печатались отдельным оттиском и раздавались каждому из нас.

¹ Молчанов, (1852-1910).

Бывал он у нас в качестве почетного гостя и на литературно-вокальных вечерах, о которых, как о лучших минутах нашей школьной жизни, стоит сказать. Это было ежегодно на масленицу. Вечера устраивались в здании Симбирского духовного училища и, конечно, вносили много оживления в монотонную школьную жизнь. Не могу назвать особенно выдающихся личностей из числа семинаристов по исполнению литературной части вечеров, но вокальные выступления, как хоровые, так и солистов, были очень хороши. Хоры – архиерейский, семинарский и хор епархиалок – были всегда на высоте, исполняя такие серьезные вещи, как «Хор русалок» из оперы «Русалка» или всю первую картину с песнями Баяна из оперы «Руслан и Людмила». Но с особым восхищением слушал я всегда пение воспитанника А.И.Кассеньева, нашего семинарского Баяна, с его дивным лирическим тенором, исполнявшего с чувством и мастерством настоящего артиста такие вещи, как «Думка» из оперы «Галька» или «Куда, куда вы удалились...» из оперы «Евгений Онегин». Он был сыном того моего воспитателя из духовного училища, о котором я уже говорил раньше. С Кассеньевым нам приходилось иногда ездить вместе на рождественские каникулы от Симбирска до Алатыря «на долгих», то есть на лошадях.

Не могу забыть одну из таких поездок, когда мы ехали целым поездом, большой компанией, с пьяными кучерами, с веселыми седоками. Тихой, теплой, задумчивой

декабрьской ночью добрались мы до сурского соснового бора около с. Барышская Слобода, откуда нам нужно было преодолеть еще верст пятнадцать лесом, чтобы выехать на берега Суры. Снег, незадолго перед тем падавший обильными хлопьями, засыпал и запустил огромные сосны и ели, которые стояли теперь, как белые привидения, протягивая свои огромные руки. Я ехал с В.Н.Добролюбским, земляком-семинаристом, а впереди нас с кем-то ехал А.И.Кассеньев. Волшебная картина природы заволокла всех нас, и каждый, тая молчание, сладко предавался своим заветным мечтаниям и грезам. Ехали тихо, шагом. И вдруг среди этой фантастической обстановки полилось за душу хватающее пение: «Невольню к этим грустным берегам...» – пел Кассеньев. И так хорошо, так восхитительно он пел!

Давно это было, но, как живая, стоит в моем воображении эта картина волшебного леса, и, будто сейчас, льется в моей памяти эта изумительная ария, полная тоски и грусти о «грустных берегах», о «юности красной», о «ее привольных, свободных, навсегда закатывшихся днях». Вот такие певцы услаждали и лелеяли слух наш на семинарских литературно-вокальных вечерах, о которых так приятно иногда вспомнить и унести на крыльях мечты к далекому, невозвратному прошлому!

Из других облагораживающих развлечений, какие выпадали на нашу долю в период семинарской жизни, был театр. Мы посещали оперу, драму, трагедию. Надо отдать честь нашей инспекции в лице А.И. Соловьева -

очень строго разбиралась она в тех пьесах, на которые можно было дать разрешение. Драма всегда сравнительно неплохо исполнялась провинциальной труппой: с удовольствием смотрели мы Островского – «Грозу», «Лес», «Бедность – не порок» и др., с затаенным дыханием слушали драматические монологи Отелло и Гамлета и в восторг приходили от чарующей поэтики Чехова в его драматических пьесах «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Три сестры».

Но высшим эстетическим наслаждением для меня была опера, которую весной можно было слушать даже в исполнении столичных певцов, обычно совершавших в это время путешествие по Волге-матушке и ее большим городам. За все время своей семинарской жизни я посмотрел оперы «Жизнь за Царя», «Евгений Онегин», «Русалка», «Аскольдова могила», «Галька», «Трубадур», «Фауст» и «Демон», из них некоторые даже не один раз. Таким образом получил я некоторое музыкальное образование и вкус, давшие возможность разбираться в музыке и производимых ею впечатлениях.

Мне, русскому сердцем и душой, больше всего нравилась музыка русских композиторов. Когда я впервые пришел на «Жизнь за Царя» и «Евгения Онегина», мне казалось, что и мелодии оркестра, и арии, и хоры оперы я где-то, когда-то слышал. Да, слышал! В тоскливой песенке «птенчика» Вани мне вспоминалась колыбельная старой бабушки, матери моего отца, иногда приезжавшей к нам погостить и баюкавшей нас своими сказками и песней: «Не ездите в гости, вас там потеряют...». А

эти хоры, эти русские мотивы! Сколько раз слышали мы их, когда благоухающей летней ночью деревенские хороводные песни долетали до нас! Так гениально вылилась русская душа в этих бессмертных творениях Глинки и Чайковского.

Приятно вспомнить и искусство другого характера и направления – церковное пение семинарского хора. При мне сменилось несколько регентов из семинаристов, но искусство хора оставалось на одной высоте, с первого и до последнего года моего пребывания в семинарии. Ректор семинарии, протоиерей А.В.Стернов, любил торжественность службы и сам был великолепный служитель. Служба всегда была истовая, продолжительная, торжественная, пение хора – художественное. Но особенно ярко выражалась красота и эстетика пения в богослужениях Страстной седмицы, отчего семинарский храм был в эти дни (четверг, пятница, суббота) переполнен молящимися. Ректор семинарии был не только благоговейный служитель алтаря, но и образованный проповедник. Правда, выступал он на проповеднической кафедре очень редко, но зато его речи и слова были исполнены художественного вкуса. Только однажды мы видели его в большом смущении, когда он предстал перед нами, только что назначенный в Симбирскую семинарию. Он пришел к нам в храм на утреннюю молитву, чтобы представиться, и начал свое обращение к семинаристам такими словами: «Когда люди впервые встречаются и знакомятся, то обычно говорят друг-другу: «Здравствуйте». Лишь только произнес он

эти слова, как среди воцарившейся тишины какой-то балагур из задних рядов басом отвечает за всех: «Доброго здоровья!». По храму пронесся сдержанный смех, смутивший нового начальника, но он быстро овладел собой и продолжил свою речь, которая сразу же произвела на нас хорошее впечатление.

В последних классах семинарии я был им выдвинут и приближен в качестве репетитора его сына, он почему-то меня любил, сохранив ко мне добрые, оте-

В год окончания семинарии

ческие отношения и по окончании семинарии: писал мне в деревню сердечные письма и всегда звал к себе. А наши беседы до настоящего времени (1920 год), когда он уже состоит в должности кафедрального протоиерея, сохранили тот сердечный тон духовной близости, каким всегда отличались все наши разговоры и наша сердечная переписка.

Продолжая вспоминать семинарию как свою alma mater, я должен сказать, что, в конечном итоге, даже при упомянутых ее недостатках и несовершенствах, она дала нам многое. Изучение богословия: основного, нравственного, догматического и обличительного, знакомство с церковной историей, основательное объяснение и изучение Священного Писания – все это было обширным материалом, который мы усваивали не только умом, но и сердцем; все это вело (по крайней мере, некоторых из нас) к сознательному приготовлению к служению на том поприще, которое предстояло нам после семинарии, и к добровольному избранию того пути, который всегда рисовался моему юношескому воображению и неотразимо звал меня к себе всею силою, всем величием своего идеала. К концу семинарии я окончательно и бесповоротно решил посвятить себя служению в деревне в скромном звании сельского священника.

Оставив на время свои семинарские воспоминания, я снова уношусь мечтами к отчому дому в Сутяжном, к тем восторгам свиданий, какие меня всегда ожидали в нем, к тем родным, теплым ласкам, которым не было

меры и не было конца... На летние и рождественские каникулы я неопустительно стремился домой. Летом этот путь был продолжительный и увлекательный: от Симбирска до Казани ехали по Волге, а там, до Алатыря, железной дорогой. Собственно, поезда дожидались не в самой Казани, а несколько выше, в Вязовых. Ожидания эти были интересны: семинаристов до Алатыря ехало много, тут устраивались пикники с чаями, стерляжьей ухой, выпивкой, с песнями, и даже купанием и катанием по Волге.

Не было и никогда не будет в жизни ничего полнее этих юношеских восторгов! Позади оставались душный Симбирск с казенными стенами семинарии, скучные учебники, мучительно-трудные экзамены с их бессонными ночами и сплошными тревогами, а впереди... пышное лето, полный отдых и покой, родительский дом с его милым садом, поездки на Суру, прогулки за ягодами и орехами в сутяжинских «вершинах» и та малая дача-беседка в саду, куда «будут песни к тебе хоро-водные по весне на заре долетать» и где «будут нивы тебе хлебородные безгреховные сны навевать».

В Алатыре на станции меня всегда ожидал отец, хотя поезд приходил поздно ночью. Он нежно обнимал и целовал меня, и мы отправлялись с ним на постоялый двор, где в отдельной комнатке у него уже был накрыт стол со всевозможными снедями, а когда я учился в старших классах семинарии, то и с легкими напитками, И начиналась у нас с ним та милая, задушевная, нескончаемая беседа, которая замолкала только с утренней за-

рей, когда мы ненадолго засыпали, а пробудившись, отправлялись мимо зеленеющих нив и нескольких сел в наше родное Сутяжное.

Одним из моих друзей семинарского периода, с которым меня связывала дружба не только в стенах семинарии, но и в каникулярное время, был Владимир Добролюбский, четырьмя годами старше меня, живший со своими родителями в с.Напольное, верстах в десяти от Сутяжного. Мы и наши родители были между собой большими друзьями, часто гостили друг у друга, и шуткам, веселью и смеху не было тогда конца. Отец моего друга, Н.А.Добролюбский, был удивительно остроумный, находчивый и комичный собеседник, мы помирали со смеху от его каламбуров, запоминали его остро-ты, которые потом долго были в ходу меж нами.

Однажды в Напольном мы собрались большой веселой компанией, долго засиделись и нам с отцом пришлось заночевать. Мы, мужчины, находились в отдельном доме и стали укладываться спать. И вот, смотрю, хозяин дома, Н.А.Добролюбский, молча, с видом неподражаемого комизма, раздевается на ночлег: один сапог его летит в угол комнаты, другой к порогу, а портянки бережно сворачиваются и кладутся в карман. «Николай Александрович, – спрашиваю я – зачем это вы так делаете?» – «Да боюсь, как бы ночью пожар аль еще что-нибудь такое не случилось: сапоги стоят – ладно уж, а портянки-то ведь – ценность!». И это было сказано с таким артистическим юмором и проделано с такими жестами, что мы, молодежь, до полуночи потом хохоч-

тали над этим каламбуром, когда сам Н. А. уже давно и безмятежно спал с портянками в кармане и видел десятый сон.

Добрые отношения с Владимиром Николаевичем у нас существовали и по окончании им семинарии, когда он сделался священником: я гостил у него в с.Выползово, он бывал у нас в Сутяжном, но, к сожалению, эта дружба нечаянно оборвалась, вследствие непобедимой гордости его новых родных, главным образом его тестя, который оскорбил моего отца в доме Владимира, и я, вступившись за честь родителя, написал Владимиру письмо, в котором вылил всю горечь обиды, но ответа на него не последовало.

После этого инцидента, произошедшего в 1901 году, я больше не видел своего бывшего друга, но, следя за ним издали, знал, что он в своей жизни несчастен, начал пить горькую и в 1911 или 1912 году окончательно сгорел от вина и чахотки. Родителей его я случайно видел потом в 1914 году, они оба бесконечно грустили в своем одиночестве и не могли без слез вспоминать о погибшем сыне...

Другим моим близким другом был Вася Мосин. Его родиной было Сутяжное, родители его были зажиточные крестьяне, у которых имелся собственный дом и прекрасный сад. Мы с ним были сверстники, вместе учились у отца в начальной церковно-приходской школе, но потом как-то разошлись в разные стороны и были настолько далеки друг от друга, что нельзя было и подумать не только о возможности какой-либо дружбы, но даже и знакомства. Он поступил в Порецкую учи-

тельскую семинарию, но почему-то курса в ней не закончил и перешел для продолжения образования в Казанскую семинарию.

И вот уже года за два до окончания им курса, когда я был в третьем или четвертом классе духовной семинарии, мы встретились с ним в Сутяжном на летних каникулах и сделались друзьями. У нас оказалось много общего: пристрастие и склонность к литературе, музыке, пению, любовь к красотам природы и даже наши идеалы: он мечтал о служении народу в роли сельского учителя, я – в роли сельского священника.

Одним словом, мы полюбили друг друга и стали искренними друзьями. Он недурно играл на скрипке, я вторил ему на гитаре; у него было много нот, и мы частенько распевали с ним дуэты. Он был немножко либерал, а я был человек определенных убеждений, и мы часто спорили с ним о предметах и вопросах философского характера. И чем больше было общения между нами, тем более мы убеждались в том, как мы привязаны и дороги друг другу. То у меня в саду, то у него мы великолепно проводили вакационное время, и было бесконечно грустно нам расставаться, когда мигом пролетало лето и дождливый август давал знать, что вakat закончился и нужно было отправляться одному в Симбирск, а другому в Казань.

В разлуке мы часто переписывались с ним и в письмах утешали друг друга надеждами на будущее свидание, которое вознаградит нас новыми радостями и новыми удовольствиями. И действительно, приходил

вакат, мы опять встречались в Сутяжном, где наперебой спешили поделиться друг с другом теми новостями, какие за целый год накапливались у каждого. Вновь раздавались звуки гитары, снова плакала скрипка, опять оживал наш милый сад, и в его беседке шли нескончаемые дружеские беседы или лилась задушевная песня, которую так часто любил запевать мой отец, слова и несравненная мелодия которой и теперь живут в душе и останутся жить в ней вечно:

*Снова мне слышится песня родимая,
Снова мне видится родина-мать.
Ты предо мной, моя нежно-любимая,
Ты предо мною опять!..*

Мы дружно подхватывали знакомый мотив, и любимая всеми песня разносилась по саду. Тихая июльская ночь опускалась на землю, на небе загорались одна за другой яркие звездочки, а семейная компания наша все еще не уходила на покой. Посреди сада горел костер, заливая деревья фантастическим светом, на костре шипел незатейливый ужин, недалеко от него на всех парах пыхтел самовар, возились и шумели сестренки и братишка, а кругом все смолкало, стихало и уходило на ночной покой...

Питая любовь к искусству и увлекаясь в то время театром, мы однажды решили с Васей испробовать свои силы в этом направлении. Не имея в своем распоряжении ни подходящих драматических пьес, ни соответствующего артистического состава, мы должны были все это изобрести силою собственного гения. Вдвоем мы

написали пьесу «Звезда закатилась» с ролями, подходящими по характеру мне и ему, но весь трагизм положения заключался в том, что в нашем кругу не было никого, кому можно было бы поручить исполнение женских персонажей: одну роль пришлось назначить моей сестре Клавдии, хотя она тогда была еще девочкой, а других барышень у нас, кроме поповны ничем подобным не интересующейся, не было. Решили обрядить в женское платье некоего Яку Ваганова, который, как на грех, говорил басом и к своей роли подходил мало. Гвоздем же труппы стал наш работник Вася, которому соответственно его комизму была дана подходящая роль и который на спектакле затмил своим исполнением, а главное «отсебятиной», всех прочих артистов.

Хотели в один из теплых июльских вечеров устроить представление в саду тихо, по-семейному, но младший братишка Леня «успел» всех оповестить, и в назначенный день и час сад переполнился публикой. Все сошло хорошо, гладко, особенно тронула некоторых заключительная сцена в тюрьме, а маленький Леня заявил, что он даже плакал. Этого было вполне достаточно!

Такое удовольствие выпало на нашу долю только один раз, и потому оно так врезалось в память со всеми своими подробностями. Мой отец до самой своей смерти берег у себя письменные наброски этой пьесы, и часто в наших семейных разговорах мы с особенной любовью уносились воспоминаниями к тому невозвратному прошлому, где закатилась наша золотая звезда – юность и с ней ее светлые, ясные, чистые грезы...

Но вот Вася окончил курс Казанской учительской семинарии и уехал на юг учительствовать, а я перешел в заключительный класс духовной семинарии. Последний совместный вакаут наш совпал и с завершением нашей жизни в Суляжном, так как, в силу сложившихся по службе отца недоразумений, ему нужно было переменить приход.

Это было для всех нас большим несчастьем: после всех тех радостей беззаботного детства и светлой юности, какие были пережиты в этом селе, приходилось разом все оборвать и начать новую жизнь где-нибудь в незнакомом месте, среди чужих людей и совершенно неинтересной обстановки. А любимый сад, а милый дом, а наша беседка? Разве легко все это покинуть?! И мы все бесконечно грустили, плакали, но сделать ничего не могли: факт совершился, был получен указ о перемещении отца сначала в с.Семеновское¹, а потом в более симпатичное с.Кладбищи² Алатырского уезда.

Окончательный переезд совершился, когда я уже уехал в семинарию, потому я не пережил той тоски расставания с дорогим сердцу краем, какая выпала на долю остальных членов семьи, и только получаемые от отца письма давали понять и почувствовать, как тяжело перенесли они это печальное событие. Оставалось, правда, маленькое утешение, что Кладбищи находятся всего в десяти верстах от Суляжного и можно будет время от времени навещать любимые места, но такие соображения мало кого утешали и тоска, тяжелая, гнетущая то-

¹ Ныне Порецкий р-н, Чувашия.

² Ныне с.Междуречье Алатырского р-на, Чувашия.

ска, долго-долго не отпускала всех нас. С Кладбищами я свыкнуться не успел, так как подходило время окончания мною семинарии, когда я должен был, как оперившийся птенец, вылететь из родного гнезда и начать свою самостоятельную жизнь, к которой я себя готовил и которой уже давно посвятил себя в своих юношеских грезах и идейных мечтах.

Предо мной вставал серьезный вопрос: кого выбрать себе в подруги жизни, с кем идти по тому тернистому пути, выбранному мною, по которому рука об руку со мной должна будет следовать та, кому я отдам руку и сердце? Народная молва уже давно наметила мне невесту. Это была дочь суляженского священника, но на этот раз глас народа не оказался гласом Божиим. Дело как-то само собою не состоялось, и в этом обстоятельстве я впоследствии увидел промыслительную десницу Божию, чудесно сохранившую меня от родства и близости к семье, которую я только позже окончательно понял и оценил по достоинству.

Меня ожидала другая судьба. Я был уже в последнем классе семинарии, вернулся с рождественских каникул, и те же старики Знаменские, которые еще в самом начале моего семинарского учения переехали в Симбирск (старик сделался диаконом собора), позаботились найти мне невесту. То была дочь их старинного знакомого, сенгилеевского жителя Дмитрия Яковлевича Расторгуева, которая только за год перед тем окончила курс в Симбирской Мариинской женской гимназии, а будучи гимназисткой, часто бывала у Знаменских на праздниках в качестве дальней родственницы. Ее звали все На-

Жених и невеста. 1903 год

денькой, под именем Наденьки Расторгуевой она еще раньше была известна и моим родителям и, конечно, мне.

Сделанное через Знаменских предложение было принято, и 12 февраля 1903 года, в среду на масленицу, в г. Сенгилее мы обручились и были объявлены женихом и невестой. Свадьба наша состоялась вскоре после нашего семинарского выпуска, а именно 30 июня, ког-

да я, уже как выпускник семинарии, был назначен на диаконское место в с. Кувакино¹ Алатырского уезда. 6 июля 1903 года я был рукоположен в сан диакона, а недели через две мы с молодой женой отправились на новое место служения и жительства, которое к тому же было мне знакомо и раньше, так как находилось в четырех-пяти верстах от Суляжного и почти на таком же расстоянии от села Кладбищи, где в то время жили мои родители. Следовательно, мы ехали не в чужой и безызвестный край.

На диаконство я смотрел как на переходную ступень к священству, а потому ехали мы в Кувакино на самое непродолжительное время, как бы на отдых после семинарских экзаменов. В кувакинском приходе царило тогда большое беспокойство: прихожане хлопотали на диаконскую вакансию своего голосистого псаломщика Никифорова, бывшего уже в сане диакона, но страдавшего известным русским недугом. Епископ Никандр просьбу их не удовлетворил, а назначил и рукоположил меня.

Я боялся недоброжелательного отношения ко мне прихожан. Но лишь только я приехал, отслужил первую службу и сказал краткое вступительное слово, недоверие сразу исчезло и водворились добрые отношения, поэтому шестимесячное пребывание в Кувакине осталось в моих воспоминаниях как лучшее время нашей жизни. Через шесть месяцев мы расставались уже со слезами, жалея, что так быстро промелькнуло время

¹ Ныне Алатырский р-н, Чувашия.

моего служения в этом селе. Юные, жизнерадостные, мы оказались в центре жизни кувакинской интеллигенции, около нас создалась такая великолепная атмосфера, в которой всем жилось и дышалось привольно, весело, беззаботно...

Священник Г.В.Феодоров, солидный одинокий старец, относился ко мне отечески мягко и покровительственно, как детей, ласкали нас и остальные почетные члены прихода, но лучшим нашим другом была просфорня, Душинька-просвирня, как ее все звали, – почтенная старушка, без которой мы не обходились ни одного дня, – то она у нас, то мы у нее. Мы так привязались к ней за время своего пребывания в Кувакине, что нам тяжело было с ней расставаться, а ее прекрасный нравственный облик и сейчас живет в наших душах, как одна из тихих мерцающих звезд, некогда мелькнувших на небосклоне нашей жизни. С тех пор прошло почти семнадцать лет, о старушке мы давно не имеем никаких сведений, наверно, она уже умерла, но в душах наших она жива и будет жить вечно...

Кувакино было расположено около глубокого оврага, но зато оно утопало в садах, и это обилие зелени придавало ему ту поэтическую прелесть, какую я любил с детства и которая неотразимо влекла меня в деревню. Дома общественного для диакона там не было, но на свое счастье мы нашли такую чистенькую и светленькую квартиру и обставили ее с таким вкусом и семейным уютом, что для деревни нельзя было лучшего и представить. Можно было среди такой обстановки прожить не шесть месяцев, которые мы прожили в Ку-

вакине, а целые годы, но горячая юная мысль не успокаивалась ролью деревенского диакона и неслась со всею силою к тому заветному, главному, что давно было выношено в сердце и манило к себе всеми цветами и красками своего прекрасного идеала.

Я мечтал о священстве, я думал найти такой приход, который был бы и небольшим, и нешумным, а главное, недалеко от леса, вблизи быстротекущей реки (лучше всего, конечно, Суры!), где я мог бы не только начать свое служение, но и окончить свой жизненный путь, отдав вверенной мне пастве всю свою жизнь и все силы души... Но, увы! Как часто жизнь беспощадно разбивает наши юные мечты и как жаль бывает потом этих несбывшихся надежд, этой рассыпавшейся в прах поэзии жизни, которую порой мы сами безжалостно размениваем на пошлую прозу.

Как-то совершенно случайно мне пришлось войти в переписку с самарским епископом Гурием¹ и в этой переписке выразить свои взгляды на священство и на мою будущую жизнь и деятельность. Сам идейный и легко поддающийся своим первым впечатлениям человек, епископ ласково пригласил меня в свою епархию и обещал немедленно место священника на Волге или недалеко от нее. И я с какой-то заглушенной болью в сердце покинул и родную семью, и отчий край, и милую Суру...

В начале 1904 года я был назначен на священническое место в с.Бобровка² Самарского уезда, в тридцати

¹ Бургасовский (1845-1907).

² Ныне Кинельский р-н Самарской обл.

верстах от Самары, с поручением мне заведования и законоучительства в Кинельской железнодорожной двухклассной школе (в шести верстах от Бобровки), куда я не менее трех раз в неделю должен был ездить для исполнения своих обязанностей законоучителя. В Самару для рукоположения меня в сан священника я вынужден был поехать один: жена была в то время больна и оставалась в Сенгилее у своих родителей. Епископ Гурий принял меня тепло и скоро назначил рукоположение, которое состоялось в его Крестовой церкви 17 января 1904 года, в субботу.

Мне было только 22 года, когда я должен был получить благодать священства! Несмотря на то, что всю свою юность я мечтал об этом, но в решительную минуту должен был себе сознаться, как слабо я был подготовлен внутренне к принятию этого Божественного дара. В святоотеческой литературе я был начитан мало, горячей любви к постоянному чтению Священного Писания у меня не было, навыка к подвигам поста и молитвы я не успел в себе воспитать и не дал себе времени хорошенько подумать о том, какой тяжелый крест я добровольно возлагаю на свои юные плечи. От этого бремени всегда трепетали даже лучшие люди, которым выпадало на долю это трудное и бесконечно ответственное пред Богом и людьми служение в сане священника. Все эти смущавшие мое недостоинство мысли особенно ярко вылились в момент рукоположения, когда старец-епископ стал читать эту потрясающую молитву: «Божественная благодать...» Но мое волнение

достигло еще большей высоты и силы, когда, как ново рукоположенному, епископ стал вручать мне Св. Агнец и произносить те страшные слова, от которых никогда, наверно, не может не содрогнуться верующая человеческая душа: «Приими Залог сей... сохрани Его цел и невредим... о Немже истязан имаши быти во второе пришествие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Слезы градом полились из моих глаз и я почти зарыдал... Епископ, видя мое волнение, сказал, чтобы я поставил дискос на престол и вытер лицо.

Таким образом, свершилось! Совершилось то, о чем я мечтал всю свою жизнь и к чему стремился, как к идеалу. Я искал в душе радостных, восторженных ощущений, но их не было, я ждал блаженного покоя души от сознания достигнутой цели жизни, но душа была подавлена силою пережитых впечатлений, на нее надвинулось сознание чего-то важного, тяжелого, ужасного, сознание той неизмеримой нравственной ответственности, которую я взял на себя как священник, сознание тяжести того священнического креста, который уже блестел на моей груди и который я «честно, свято, безгрешно, непостыдно и мирно» должен нести до конца своей жизни и с этим крестом явиться на Суд Всевышнего. Да к тому же в душе моей продолжали звучать слова епископа, сказанные им как наставление в момент моего рукоположения: «Если не отдашь всех своих сил своему пастырскому служению, если будешь проходить его небрежно и недостойно, лениво, то погибнешь ты, семья твоя погибнет, погибнет и твоя па-

ства...». Страшные, жуткие слова! Как много дум пробуждали они в душе, как много тревожных чувств порождали в сердце!

Итак, я священник. Но, думалось мне, что принесу я моей пастве? Да строго рассуждая, я и не пастырь, я только священник второго штата, а во главе прихода стоит другой, которого я еще не знаю и который может погубить все мои мечты, все мои думы об идейном пастырстве. А как горячо мечтал я быть именно священником, а не деревенским попом! Мечтал быть таким, кто понимает человеческую душу, кто во время богослужения горит огнем неземной благодати и рыдает слезами искренности и веры, кто в своем поучении зовет людей к Божией правде, и люди в его простом, немудреном слове слышат голос Самого Бога. Мечтал любить людей больше себя, больше жизни своей, плакать их скорбью и радоваться их радостью, мечтал за «счастливую долю народную жизнь всю до капли отдать». И вот это поле деятельности, эта Божия нива открылась предо мною, а я... я, как неискусный делатель, как неопытный работник, вышел на эту ниву и не знаю, с чего начать, как приложить мне те силы, которые берег я для этой святой работы, для этой предстоящей мне жизненной борьбы...

В день рукоположения я телеграфировал жене в Сенигилей и родителям в Кладбищи. Как новопоставленный иерей, учился я недолго и через четыре дня поехал в свой приход.

С железнодорожной станции я приехал ночью, так что ни села, ни храма увидеть при въезде в свой при-

ход не пришлось, и только утром моему взору открылось большое пустынное село, в котором не было ни деревца, ни кустика, а посреди его – большой деревянный храм, только что выстроенный вместо сгоревшего. Меня никто не встретил, никто не приветствовал, мое появление в приходе как будто никто и не заметил. Да оно и понятно: в приходе был настоятель, обычным чередом шла служба, так что второй священник никого и не интересовал. Я сразу почувствовал какую-то грусть, сиротливость и желание с кем-нибудь побеседовать, открыть свою душу. Но кругом были чужие, незнакомые люди, веяло холодом и тоской. И впервые среди этого одиночества у меня шевельнулись тревожные мысли: «Зачем я сюда попал? Разве не было мне места в родной епархии? Разве не дождался бы я священнического места там, на берегах родной Суры, среди ее живописных мест и необозримых зеленых лесов?».

В расстроенном воображении вставали картины прошлого, живописные пейзажи и милые образы покинутой родимой семьи. С такими-то вот невеселыми думами и чувствами я покинул свой новый приход, чтобы поехать опять в Кувакино и в Кладбищи, забрать оставленное там имущество и навсегда, как мне казалось, проститься с милыми сердцу и любимыми родными краями.

Когда я приехал в Кладбищи, отец, увидев меня с иерейским крестом, упал ко мне на грудь и зарыдал... Зарыдал, очевидно, не столько от радости, что видит меня священником, сколько от печали и горя, что так далеко

от него избрал я место своего служения, что не будет уже теперь у нас с ним таких частых свиданий, таких задушевных бесед во всю ночь, как бывало, и что так мало порадовался он своим родительским счастьем за своего только что оперившегося, но уже навсегда отлетающего из родного гнезда первенца... По крайней мере, это можно было понять из той короткой фразы, которую он успел проговорить, с рыданиями припав к моей гру-

Вся семья Петровских. (Слева направо) сидят – родители Петр Григорьевич и Пелагея Алексеевна, дети – Сергей, Клавдия; стоят – Екатерина, Варвара, Леонид. 1905 год. Всех мужчин этой семьи унесет «ветер революции», сестры доживут до преклонных лет.

ди: «Отлетаешь от меня, мой дорогой!». И от этой фразы, и от этих слез, и от предстоящей далекой разлуки у меня сделалось так тяжело на душе, что я впервые со всей ясностью понял, как ошибся, как по-юношески легкомысленно поступил, не обдумав и не взвесив всех осложнений, какие были связаны с оставлением мною родины и неожиданным и неоправданным переходом в чужую епархию.

При расставании с Кувакиным я служил там воскресную литургию, говорил прощальное слово, слушая которое, многие прихожане плакали, и собрав свое имущество, навсегда простился и с милым селом, к которому успел привыкнуть, и с его обитателями, которые всегда были добры и ласковы со мной.

Последние немногие дни я провел в родной отцовской семье в Кладбищах и, оплакиваемый задушевными слезами отца, матери и сестер, уехал в конце января сначала в Сенгилей за женой, а потом вместе с ней к месту своего служения.

Жизнь и служение в Бобровке пошли своей чередой, но меня безмерно тяготили мои постоянные поездки в Кинель для исполнения своих обязанностей законоучителя. Там бывало у меня до пяти уроков, и домой я приезжал почти ночью. А тут подошел и Великий пост, служба, говенье – так что такой массы дел для начинающего священника было чересчур много. Я чувствовал себя усталым и разбитым, а главное, нравственно неудовлетворенным, и все чаще и чаще стал в глубине души сознавать свою ошибку.

Пришла весна, первая весна на чужбине, открылась картина невеселой степной природы, и стало еще грустнее. С детства привыкший к долинам, пригоркам, горливым ручейкам и многодумным сосновым лесам, я увидел здесь с одной стороны бесконечную степь, а с другой – однообразный кустарник, окаймлявший реку Самарку. Вот и все. И стал я уноситься мечтой на свою родину, тосковать по ней в глубине души и все чаще и чаще задумываться.

В мае окончились экзамены в Кинельской школе, я сделался несколько свободнее, а потому стал иметь возможность отдавать своему приходскому пастырству больше внимания и труда, да к тому же в Бобровке я скоро остался один, так как старший священник о.Голубев сложил с себя сан и сделался народным учителем (будучи вдовцом, он пожелал вступить в новый брак, а потому и вынужден был выйти из священного звания). Приход был большой, народ был внешне религиозен, но пьянство и разгул царили в нем с такой силой, что я не мог оставаться равнодушным к этим отрицательным явлениям жизни.

Главное зло, которое нужно было настойчиво и немедленно изживать, было, конечно, пьянство, и я стал вести с ним борьбу. В день Усекновения главы Иоанна Предтечи в обстоятельной речи я впервые излил всю свою пастырскую горечь по этому поводу. Слово произвело впечатление, о нем заговорили, на него реагировали.

Кстати, это было время японской войны, мимо нас, через Кинель, мчались воинские поезда, унося с собой в

маньчжурские степи лучших сынов России, а деревня, отправляя набор за набором, не успевала осушать своих горьких слез. Указывая на факт войны, как на грозное посещение Божие, я звал к покаянию, к трезвости, к воздержанию, приглашал хотя бы на время, на два-три месяца, отказаться от губительной пьяной отравы.

И меня услышали. Помню, после очередной подобной речи в храме один из лучших прихожан во всеуслышание стал мне отвечать, что призыв к трезвости своевременен, что прихожане должны на него откликнуться. «И вот я, – говорил он, – как все вы знаете, пью и выпиваю, но отныне даю на три месяца обет воздерживаться от спиртных напитков, к чему приглашаю и других!». Откликнулось еще несколько десятков человек. Это и было началом моей противоалкогольной борьбы.

Но ей не суждено было развиваться здесь дальше, потому что обстоятельства неожиданно прервали не только эту деятельность, но и вообще мою пастырскую работу в Самарской епархии. Случилось, что епископ Гурий, так любезно пригласивший меня в свою епархию и отечески ласково принявший меня в ней, летом 1904 года был перемещен в мою родную Симбирскую епархию. Это обстоятельство, в связи со сложившимся у меня недовольством чужой епархией, навело меня на заманчивую мысль – вернуться на родину.

Долго никому не поведывал я своих тоскливых мечтаний, боясь обнаружить непостоянство своего характера и признать всю нелепость моего перемещения в

Самарскую епархию, совершенно чуждую мне и по характеру населения, и по условиям жизни, а главным образом, по красоте окружающей природы, среди которой я вырос, к которой с детства привык и с которой сроднился душой.

И вот однажды приезжает навестить меня мой семинарский друг и товарищ В.Сергиевский и в душевных разговорах с ним мы так отчетливо и подробно воскресили родные места, свою епархию, что у меня невольно вырвалось наболевшее желание поскорее вернуться туда, на родину, снова увидеть густые смолистые сосновые леса, побывать на роскошных берегах любимой Суры и, если можно, отыскать недалеко от нее небольшой приходик, в котором я мог бы пройти свой пастырский путь и найти себе место вечного упокоения...

К моему удовольствию, это желание встретило сочувствие и моей жены, и гостившего у меня друга - и я, не задумываясь долго, написал Симбирскому епископу Гурию прошение, приложив к нему и частное письмо. Через некоторое время я получил от него телеграфный ответ, в котором он предлагал мне приход в селе Пятино¹ Карсунского уезда и писал, что ждет немедленного ответа. Разумеется, положительный ответ был незамедлительно послан, - я снова возвращался в свою родную епархию.

В Симбирске епископ встретил меня, как старого знакомого, долго беседовал о своей бывшей епархии и

¹ Ныне Инзенский р-н Ульяновской обл.

с добрыми пожеланиями и благословением отпустил в новый приход.

Из Симбирска до Инзы мы добрались по железной дороге, в Инзе наняли лошадей до Пятины (35 верст) и по живописной местности, пересекаемой сосновыми рощами и чернолесьем, отправились в свой новый приход. Несмотря на то, что был уже октябрь и природа плакала осенними слезами, на душе была настоящая весна. «Снова мне слышится песня родимая, снова мне видится родина-мать», - звенели в голове моей слова знакомой песни. За станцией Инза мы сразу же въехали в сосновый бор, я оставил экипаж и пошел по лесу пешком, испытывая в душе такое сладостное чувство, какого давно не переживал. «Вот я и на родине, - думалось мне, - вот я опять в любимых сосновых лесах, недалеко от заветных берегов моей любимой Суры, которую я не надеялся больше увидеть!».

Поздним вечером мы добрались до своей Пятины и подъехали к пустовавшему дому священника. Дом был покосившийся, старый, мрачный, и это обстоятельство было первым облачком, налетевшим на наше радужное настроение. Явились церковный староста, отец диакон и церковный сторож. Диакон оказался моим давнишним знакомым, с которым мы у стариков Знаменских встречались еще во время моего пребывания в Алатырском духовном училище.

Церковным старостой был местный крестьянин Федор Матвеевич Сорокин. И каким редким человеком оказался он! С тех пор, до написания этих строк, прош-

ло около шестнадцати лет, много воды утекло за это время, много людей встречал я на своем жизненном пути, но таких, как Федор Матвеевич, было немного. Идеально честный, религиозный, добросердечный и отзывчивый, он с первой поры пленил меня своим симпатичным характером. По своей нравственной, абсолютно трезвой жизни это был редкий христианин; по такту и распорядительности – исключительный семьянин, владевший хорошим хозяйством и бывший примерным отцом своего многочисленного семейства. За эти добрые качества он и был избран обществом на почетную должность церковного старосты, в каковой сделал много полезного для местной церкви: соорудил новую каменную ограду вокруг храма с великолепными каменными воротами, накопил много новой утвари, облачений и вообще заботился о церковном имуществе как о своем собственном.

На другой день по приезде в Пятину я пошел знакомиться с храмом, с селом и с некоторыми прихожанами. Храм стоял далеко от дома священника, за селом. Это был редкий по своей архитектуре храм: громадный, пятиглавый, с массивными колоннами, он походил на городской собор, и только местами попортившаяся штукатурка несколько портила впечатление. Звон его колоколов, не очень массивных по своему размеру и весу, был довольно приятный, мелодичный, далеко разносящийся по дивному сосновому бору, который начинался прямо у храма, с его восточной стороны, и тянулся на целые версты.

*Храм во имя Живоначальной Троицы, с.Пятину Карсунского уезда
(фотография начала 20-го века)*

Храм этот был выстроен на средства пятинских владельцев, но каких именно, я теперь не помню. Предание говорит, что помещик, построивший его, истратил на это дело все свои средства, впал в долги, но все-таки не отступился от своих планов и намерений. Можно вообразить, как великолепно выглядел храм после его возведения, когда он был только что отделан и блестел своей новизной, потому что и теперь, спустя долгие годы, он приковывает к себе взоры и заставляет подолгу любоваться его величием и красотой. Правда, огромное влияние на производимое им впечатление имеет окружающий его природный ландшафт, а именно: высо-

кое, открытое место, внизу вьется змейкой река Аргаш, а там, на горе и далеко-далеко кругом, вечнозеленые, вечно прекрасные сосновые леса.

Но, к глубокому сожалению, внутренность храма не соответствовала его внешности: внутри храм был запущенным и обветшалым, стены мрачны и грязны, рамы окон совсем ветхие, в них дул ветер, а осенью и зимой врывался убийственный холод, заставляя удаляться для богослужения в правый алтарь, отделенный стеклянной переборкой от главной части храма, но здесь в большие праздники и даже в обычные воскресные дни царила такая теснота, что трудно было поднять руку для крестного знамения. Очевидно, прихожане не призывали прилагать старания и тратить свои средства на поддержание церковного благолепия, надеясь на своих помещиков, но когда этих благодетелей не стало, пришли в плачевное состояние и сооруженные их иждивением святые Божии храмы.

Местоположение Пятины было великолепное – на горе. С восточной стороны, в какой-нибудь полуверсте от села, красовался сосновый бор, внизу змейкой извивалась речка Аргаш, которая прудилась плотиной около барской мельницы и давала целое море воды. Посреди села стоял-шумел огромный барский сад, где весной раздавалось такое соловьиное пение, какого я не слышал ни раньше, ни после – так много этих птах водилось там и такую дивную поэзию создавали они своим хором в теплые майские благоуханные ночи. Правда, само село, то есть две его длиннейшие улицы, были крайне грязны-

ми, особенно осенью и весной, но наши причтовые дома были внизу, у реки, и их положение около воды и зелени делало их, особенно летом, настоящей дачей.

Народ пятинский был весьма симпатичный, ласковый, добрый – так что при всех этих положительных впечатлениях жилось нам на первых порах хорошо и спокойно. Конечно, немедленно по приезде в Пятину мы поехали полюбоваться любимой Сурой, которая была верстах в четырех и также быстро катила свои ясные воды по желтым пескам, как и около незабвенного Суляжного.

Но ближайшее знакомство с Пятиной показало нам потом некоторые неурядицы новой жизни, с которыми нам пришлось считаться. Во-первых, дом священника, купленный обществом крестьян незадолго перед этим у священника Эпиктетова, ушедшего за штат, был крайне ветхий, мрачный и сырой. Но так как дом был откуплен не совсем, а только дано было 100 рублей задатка, то после внимательного и беспристрастного решения вопроса священнику Эпиктетову было предложено продать дом в частные руки, для нас же решено было построить новый, крытый железом дом, с бревенчатым двором и со всеми необходимыми надворными постройками, каковой и был закончен к осени 1905 года, и, поселившись в нем, мы не могли надышаться дивным воздухом его смолистых стен и налюбоваться простором его высоких светлых комнат.

Только не мог я спокойно смириться с фактом громадной разбросанности прихода. Кроме села, в при-

ходе было четыре деревни: на расстоянии семи верст - Мамырово, пяти - Репищи, четырех - Тияпино и трех верст - Чаглы. Деревни были большие, особенно Мамырово и Тияпино, в каждой из них были попытки образовать отдельный приход.

В эти деревни мне ежедневно, ночью и днем, приходилось ездить для напутствования больных, но больных большей частью несерьезно, так как в народе жил гнетущий страх не столько перед Господом за свои грехи, сколько перед полицией и духовенством, часто создававшими невообразимую кутерьму в деле похорон скоропостижно умершего человека. И вот достаточно было угореть или заболеть простой лихорадкой - в ночь и за полночь посылали за священником. Были случаи, когда возили меня ночью в деревню к заболевшим каким-нибудь пустяком детям (лет десяти), а один раз к просто через меру подгулявшему на свадьбе мужичку, которому было слишком не по себе после недельного перепоя. А отказать приехавшему нельзя, так как он категорически заявлял, что больной умирает.

Так и стало проходить мое пастырское служение в непрерывном путешествии из деревни в деревню, большей частью по таким больным, которых и причащать-то по их неподготовленности не следовало, так как ни страха Божия, ни сознания своей греховности, ни умиления, ни благоговения нельзя было ожидать от этих несерьезно больных, которые утром нисколько не думали, что им сегодня придется приобщаться страшных Таин Христовых, а потому и не считали нужным готовить себя...

Пастырское служение мое этого времени не шло дальше обычных требоисправлений, заказных и праздничных служб, которые я старался исполнять не только аккуратно и благоприлично с внешней стороны, но и не жалел сил, чтобы согреть свою паству внутренним огнем воодушевления и умиления. Почти каждый воскресный и праздничный день я неопустительно проповедовал, а к престольным праздникам непременно писал речи и поучения, приглашая слушателей к соблюдению вечной Божией правды и святой евангельской любви. Прихожане с затаенным вниманием слушали мои слова, так как призывы к миру, любви и спокойствию были особенно своевременны в эти бурные 1905-1906 годы.

Время моего служения в Пятине как раз совпало с японской войной. Горя и слез в народе было слишком много, а посему попечение о том, чтобы пролить каплю утешения в измученные человеческие сердца было одной из главных моих пастырских забот. Все мои старания в этом отношении не шли дальше обычных словесных утешений чисто христианского характера, но для облегчения земного, практического, в смысле уменьшения бедности и нужды в осиротевших семействах, я, к сожалению, на первых порах сделать ничего не смог, потому что был слишком молод, неумел и неопытен в практических делах и не имел примеров организации церковно-общественной благотворительности.

Вдумываясь в дело моего служения, я начинал видеть и чувствовать разлад между своими идеальными

ми мечтами и настоящей горькой действительностью. Мне начинало казаться, что мое пастырство слишком отвлеченно, слишком оторвано от жизни, слишком беспомощно в тяжелой жизненной борьбе. И вот под влиянием этого нравственного разлада с самим собою я написал и впервые напечатал в местных «Епархиальных Ведомостях» статью «Мечты и жизнь», в которой уже определенно прозвучала эта нотка разочарования и разлада моих розовых юношеских мечтаний с суровой действительностью. Конечно, когда я смотрю теперь, с точки зрения своего жизненного опыта, назад, многое в этих жалобах кажется мне легкомысленным, я понимаю: что-то можно было бы устранить, в чем-то примирить человека с горькой действительностью, сколько можно было бы отереть слез, сколько светлой радости дать людям.

Но вся беда была в том, что семинария неумело готовила нас к пастырству: она только заставляла зубрить учебники, а «практическое руководство для пастырей» мы должны были проходить потом сами и уже не в школе, конечно, а в самой жизни. Вглядываясь в реальную действительность, изучая пастырство на наглядных образах, путешествуя по родной земле, а особенно по ее просвещенным центрам, я увидел многое, о чем прежде и не слышал, увидел пастырскую работу такого широкого масштаба, о каковом не мог и помыслить. Предомной прошли дивные образы о.Иоанна Кронштадтского, о.Александра Рождественского, о.Петра Миртова, иеромонаха Павла, о.Сергия Танаевского и других – с

их домами трудолюбия, обществами трезвости, трезвыми домами, школами трезвости, детскими союзами, с их громадными аудиториями, собиравшими тысячи слушателей и увлекавшими их из омута пьянства и разврата на путь праведной и трезвой жизни.

Как эти примеры захватили меня своим неподдельным обаянием, об этом речь будет потом, но, вспоминая свое служение в Пятине, я вынужден сильно жалеть, что упомянутые светлые образы не были известны мне тогда, формы их пастырской деятельности не могли мне присниться даже во сне, а потому и мое пятинское пастырство, будучи непродолжительным, было к тому же бледным, не таким красочным, как бы того хотела и к чему стремилась моя юная душа.

Но, видно, «от Господа стопы человеку исправляются...» Меня ждала иная паства, Господом в удел назначено мне было другое село, о котором я просто никогда не мог и мечтать. Как я уже упомянул, в Пятине меня застали 1905-1906 бурные годы. В пятинском народе, как бывшем крепостном, начал просыпаться дух мести по отношению к своим бывшим владельцам. Осенью 1906 года почти каждый день яркими факелами загорались помещичьи усадьбы, уничтожались барские постройки. Настроение было жуткое, зловещее. А тут, в довершение общего впечатления, явился карательный отряд и перепорол весь боевой элемент населения, а некоторых арестовал и угнал в Карсунский острог. Жена моя от пережитых ужасов серьезно заболела, а я повесил голову.

В это время я случайно был в Симбирске и зашел к своему архипастырю, епископу Гурию, который имел обыкновение с интересом расспрашивать обо всем, что творилось в деревне. Я стал ему рассказывать о всех пятинских событиях последнего времени. Выслушав мой рассказ, он вдруг заявляет: «А тебе надо отсюда уйти!» Я крайне удивился такому выводу владыки, тем более что все происходящее меня нисколько не коснулось, и говорю: «Куда же я могу перейти, разве вот в Карлинское?». А в Карлинском, как мне было известно из писем отца, прошло скандальное следствие и священнику необходимо было отсюда уйти. А ведь Карлинское – чуть не родина отца, которому хотелось, чтобы я попал в него, тем более что оно находилось в двенадцати верстах от Репьевки-Космынки, где в это время жили мои родители.

Такими отрывочными фразами наш разговор с владыкой о моем перемещении и ограничился. Это было 31 октября 1906 года, а 8 ноября того же года резолюцией владыки без всякого моего официального прошения я был переведен в с. Карлинское¹ Сенгилеевского уезда. И для меня, а тем более для пятинцев мое перемещение было большой неожиданностью, но так как я прожил в Пятине только два года и особенно крепкой нравственной связи у нас еще не сложилось, то никаких препятствий к моему уходу не оказалось, и я в начале декабря 1906 года покинул Пятину и переехал в Карлинское.

Семья моя состояла к тому времени только из двух человек: я да жена, хотя в Пятине у нас и родился пер-

¹ Ныне Майнский р-н Ульяновской обл.

венец Анатолий, но, будучи крайне слабым от рождения, он прожил только 3 месяца и умер 29 июля 1905 года. Его крестным отцом был дедушка Петр Григорьевич, специально приехавший к нам из своего прихода.

За те два года, пока я служил в Пятине, на моего отца обрушились тяжелые жизненные удары. Я уже говорил, что после Сутяжного он поселился в селе Кладбищи, где успел попривыкнуть и обзавестись хозяйством, но, будучи слишком прямолинейным человеком, он не сошелся со священником и впал к нему в немилость, которая выразилась в некрасивом, если не сказать больше, поступке со стороны священника Садовского. Воспользовавшись приездом в Кладбищи Преосвященного Гурия, он келейно наговорил ему на отца всяких обвинений, и тот, по вспыльчивости и невыдержанности своего характера, не разобрав законным путем возведенной на отца клеветы, лишил его места в Кладбищах и низвел на вакансию псаломщика в Рождественской церкви г. Алатыря.

Этот удар был слишком тяжел для благородного и гордого характера моего отца, и я, посетив его в 1905 году из Пятины, видел, как он нравственно страдал и тяжело переносил этот навет. Зная расположенность ко мне владыки Гурия, я решился воспользоваться этим и ходатайствовать пред владыкой о смягчении его участи. Владыка выслушал меня и дал мне слово только ради меня (хотя сам был добрейшей души человек!) изменить участь отца. В этот же день владыка перевел

отца на штатную диаконскую вакансию в с. Алово¹ Алатырского уезда, но так как село это было мордовское и нашей семье не понравилось, то через год по просьбе отца тот же Преосвященный Гурий переместил его на ту же должность в с. Репьевка-Космынка² Симбирского уезда, где он и оставался до самой своей трагической кончины и куда в соседство к нему, в Карлинское, ехал служить и я. Здесь в приятном и полезном соседстве мы прожили потом более двенадцати лет.

Итак, в начале декабря 1906 года, заехав предварительно в Репьевку к родителям, мы перебрались в Карлинское. Нельзя сказать, что первые впечатления были хорошими. Нас никто не знал, никто не встретил, никто не сказал нам ласкового, доброго слова. Семья же уходящего священника Лебедева, косо посматривая на наше переселение, старалась еще более омрачить наши первые дни в чужом, незнакомом селе. Дом, который мы должны были занять, оказался старым, запущенным и грязным. Двор был полуразвалившийся и холодный. Храм, где мне предстояло служить, был также ветхим, холодным и мрачным. И только второклассная школа, заведующим и законоучителем которой я был назначен, приятно манила и ласкала взор своим видом, да законченный снаружи, но не заверченный внутри новый каменный храм немного скрашивал унылую картину безлюдного и разбросанного села. Если бы не это, я, кажется, не вынес бы удручающего зрелища обвала и разрушения.

¹ Ныне Атяшевский р-н, Мордовия.

² Ныне Майнский р-н Ульяновской обл.

И не мог я ответить себе: зачем десница Божия оторвала меня от симпатичной Пятины и ее величественного храма и привела в эту пустыню, где все было так скучно, так мрачно, так бледно? И когда в глубине души я старался проанализировать все обстоятельства моего перехода сюда и задавал себе вопрос, не моя ли зарвавшаяся воля была причиной этого, и не мой ли затуманившийся ум привел меня сюда, я должен был ответить себе: «Нет! Не мной это все совершилось, я действовал как в каком-то сне, не отдавая себе отчета и ясно не всматриваясь в события – все совершалось как бы помимо моей воли». Следовательно, тут была воля Божия! И перед этим аргументом смолкали все протесты, какие стали зарождаться во мне, и постепенно таяла тоска и смирялась тревога моей наболевшей души.

Дом или, лучше сказать, одну комнату в доме мы стали приводить в порядок. Хотя после роскошного пятиятинского дома эта комната не могла нас удовлетворить, но приходилось мириться.

Первая моя служба в старом карлинском храме собрала, конечно, массу молящихся. В моем первом слове к пастве настойчиво звучала мысль о той великой создающей силе, имя которой – любовь. И к этой любви я звал мою новую паству, и в этой любви видел сущность и успех моего пастырского делания, обещая со своей стороны и сам отдать пасомым свою любовь и все лучшие силы души.

Мне хотелось искренности и задушевности наших отношений, но оказалось, что народ не был приучен к

пастырской ласке. Я ожидал, что ко мне, как к духовному отцу, придут страдающие и обремененные, раскроют свои души, поведают о терзающих их муках и страданиях, но ко мне приходили только с требами, как-то боязливо излагали свои просьбы и снова спешили уйти. Я видел, что в богоданном мне приходе между пастырем и пасомыми воздвигнута какая-то ледяная стена, и возводилась она в течение целых двадцати лет моим предшественником о.Лебедевым, который хотя и являлся человеком большого ума и непреклонной воли, но был в то же время холодным, сухим и властным, сумевшим только запугать своих прихожан и отдалить их от себя. Он не оставил по себе доброй памяти: никто не сказал о нем ни одного доброго слова, никто не пожалел о его уходе и не послал вслед ему горького сожаления. Наоборот, вспоминали все того, кто был двадцать с лишком лет назад его предшественником – о.Ивана Матвеевича Лентовского, и вспоминали любовно, тепло, с сожалением; говорили о его кротости и обходительности, даже о его недостатках высказывались с осторожной деликатностью, стараясь их извинить как простую человеческую слабость.

В этом сопоставлении нравственного облика двух священников: одного – любимого, а другого – только по необходимости терпимого, мне представился наглядный пример – кому я должен подражать, чтобы сделать желанным пастырем. И, кажется, именно с этой целью при любом удобном случае, при каждом моем частном разговоре с прихожанами мне старались особенно ярко

обрисовать симпатичный образ о.Лентовского и мрачный, тяжелый характер о.Лебедева. Я понял, что образом для подражания мне должен служить о.Иван Матвеевич.

После роскошной пятинской природы, после ласки и приветливости пятинских жителей на первых порах в Карлинском мне было и печально, и грустно. Вместо великолепного пятинского храма – убогая деревенская церковь; вместо зеленеющих далей Суры – удручающее безлесье; вместо зеркальной поверхности реки Аргаша и огромного барского пруда при мельнице – холодный, убивающий душу вид меловых карлинских гор и пустынных степей и, наконец, вместо ласки и приветливости пятинцев – закрытость души и почти полная холодность моей новой паствы. Вот что встретило меня на первых порах моей новой жизни в Карлинском.

Но и здесь нашелся для меня уголок, где можно было забытья, отвлечься от холодной действительности и отдохнуть душой. Это – второклассная учительская школа, заведующим которой я был назначен. Педагогический состав в ней был достаточно сильным, а старший учитель, П.Я.Флоринский, представлял из себя человека исключительно высоких качеств.

У меня было ежедневно три часовых урока. Занимался я по катехизису, церковной истории и богослужению. Полюбил я и свое дело, и учеников, и учителей. Лучшие минуты, душевные разговоры и беседы – все это было на первых порах только в школе. Приход продолжал хранить в отношении меня сдержанную холод-

Школа в селе Карлинском недавно отметила свое 120-летие

ность, не проявляя ко мне ни ласково добрых, ни резко неприятных чувств. То ли прихожане не могли понять меня, то ли я не сумел провидеть глубины их чувств, но между нами до самого 1908 года продолжала стоять разделяющая нас стена взаимного непонимания. Именно тогда произошло событие, которое пролило свет на наши отношения, выявило их истинную суть и заставило меня окончательно занять ту позицию, которой я придерживаюсь до сего дня (т.е. до 1921 г.).

Незадолго до этого времени последовало распоряжение высших церковных властей о разрешении женатым священникам поступать для продолжения образования во все четыре духовные академии. Не удовлетворенный своей пастырской деятельностью в селе, не видя

проявления никаких добрых чувств от своей паствы, испытывая постоянные уколы со стороны родных бывшего священника Лебедева, которые являлись на мой двор ломать то конюшню, то забор, то кладовую, считая все это своею собственностью, я, наконец, не выдержал и почти с отчаянной решительностью ухватился за мысль подготовиться и поступить в академию. В этом меня окончательно укрепил мой земляк и друг, а тогда уже студент Петербургской академии, священник Н.В.Розов, пообещавший мне свое содействие и помощь в деле приискания мне в столице места, которое могло бы меня обеспечить на время моего пребывания в академии.

Всю весну и лето 1908 года я лихорадочно готовился к вступительному экзамену: читал догматику, церковную историю, Священное Писание, философию, но в то же время чувствовал, как слаб я в объеме этих знаний, уже успевших испариться из моей памяти после окончания семинарии. Как ни слабы были мои общие познания для такого серьезного экзамена, каким был тогда вступительный во все академии, я решился попытаться счастья и в середине августа 1908 года поехал в Петербург.

Сначала предстояло сдать три письменных экзамена: по психологии – «Значение самопознания в деле нравственного самосозидания человека»; по сравнительному богословию – «Понятие о Церкви по православному, лютеранскому и римско-католическому учению»; поучение на текст – «Блажени милостивые...». Сверх моего

ожидания, все прошло прекрасно. По психологии мое сочинение было оценено баллом 4,75; по богословию – 4; поучение – 4. Это меня ободрило. Я стал держать устные экзамены: по церковной истории, догматическому богословию, Ветхому и Новому Завету, латинскому языку – и выдержал их удовлетворительно.

Семинарский аттестат у меня был блестящий: там было только три четверки, а остальные – пятерки. Все эти благоприятные в совокупности обстоятельства помогли мне поступить в Петербургскую духовную академию, куда я был зачислен 22-м студентом, и даже на казенный счет.

Должность ректора академии тогда исправлял ее инспектор, архимандрит Феофан¹, впоследствии епископ Полтавский, с которым мне довелось 29 августа служить в академическом храме Божественную литургию в сослужении еще с одним священником, студентом четвертого курса. А вечером этого дня и утром 30 августа я имел счастье присутствовать за всенощной и литургией в Александро-Невской Лавре, где по случаю храмового праздника служил сам митрополит Антоний в сослужении целого Синода и дивно и неподражаемо пел митрополичий хор – такого пения я до могилы не забуду и едва ли услышу когда-нибудь что-либо подобное. Правда, впоследствии, а именно в 1911 году, в Белгороде, при канонизации свт. Иоасафа Белгородского я тоже слышал великолепный хор, но все же по силе своей и по художеству он значительно уступал Александро-Невскому.

¹ Быстров (1872-1940).

Итак, предо мною открылась широкая перспектива: я – студент столичной академии и даже казенный стипендиат! Осталось только поехать домой, проститься со своей карлинской паствой и вместе с женой приехать в Питер, чтобы начать свое учение.

Но мне нужно было решить еще один серьезный вопрос: на какие средства мы будем существовать? Тот же Н.В.Розов и в этом помог мне. Он представил меня одному известному тогда в столице протоиерею А.П.Васильеву, а тот ходатайствовал за меня еще перед кем-то, и в результате за мной было зачислено место священника в домовая церкви одного лазарета с окла-

*Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Карлинском
(разрушен в 1930-е годы)*

дом 50 руб. в месяц. Вместе со стипендией это давало мне достаточные средства на устройство нашего с женой существования и надежду на более заманчивые и основательные перспективы в будущем...

Я телеграфировал жене, что возвращаюсь для ликвидации своих приходских дел, взял у академического начальства месячный отпуск и поехал в Карлинское. Здесь меня ожидало большое дело: спешно заканчивалась постройка нового каменного храма и мне хотелось устроить его торжественное освящение. По приезде домой, я, с одной стороны, занялся распродажей своего имущества, а с другой – стал хлопотать о скорейшей постановке главного иконостаса, престола, жертвенника и о подготовке торжества освящения нового храма. Оно было назначено на 21 сентября 1908 года, на что было уже дано разрешение и благословение местного архиепископа Иакова¹.

Среди этих хлопот и забот в приходе стала распространяться молва о том, что я скоро ухожу из Карлинского и место священника будет праздным. Эта весть была подобна набату, который будит спящих, и ко мне небольшими партиями стали приходить и мужчины, и женщины, спрашивая, действительно ли я уезжаю и нельзя ли мне оставить мое намерение. Я, конечно, всем определенно и ясно заявлял, что мой уход – факт уже свершившийся, в настоящее время я уже больше не священник села Карлинское, а студент Петербургской духовной академии.

¹ Пятницкий (1844-1922).

Как реагировали прихожане на мое заявление между собою, я не знаю. Но вот наступил канун 21 сентября. Съехались на освящение приглашенные духовные лица, прибыл благочинный о.Н.И.Богоявленский, приехали мои родители, стеклось много своего и чужого народа и началась обычным порядком всенощная. Закончилась эта первая служба в новом храме, замерли в высоких сводах последние звуки песнопений, – но почему же народ не выходит из церкви? Любуется ли он своим новым храмом или все еще восторгается его акустикой? Стою я в недоумении и вижу, что все взоры устремлены на меня. Из толпы выделяются два-три человека и спрашивают, достоверен ли слух, что я оставляю Карлинское? И когда я подтвердил, что это правда, и указал на то, что мной уже ликвидированы все хозяйственные дела и все приготовлено к отъезду, – тогда меня стали просить отменить свое намерение и остаться в Карлинском. Просьба эта меня очень удивила, ведь я даже и не подозревал о присутствии таких добрых чувств ко мне у карлинцев. Я сказал, что мое дело уже слишком далеко зашло, чтобы можно было от него отказаться.

И вижу я, как по лицам катятся одна за другой слезы, а некто М. П.В-в, умный, речистый мужчина средних лет, вынимает свой красный платок и, утирая градом льющисся слезы, спрашивает, почему я ухожу, зачем оставляю их сиротами, ведь с моим уходом этот великолепный храм опустеет и т. п. Признаюсь, я испугался этих слез. Сначала я думал, что ими движет

только простая деликатность, и не придавал серьезного значения этим словам, обычным в подобных случаях. Но слезы, которые я увидел на многих лицах, заставили меня иначе взглянуть на дело. По опыту я знал, в сколь редких случаях плачет деревенский мужик. Часто без одной слезинки он опускает в могилу самых близких и дорогих, а тут он оплакивает уход священника, и притом так мало еще послужившего ему. И когда окружившая меня толпа после всех слез и тщетных просьб прямо поставила меня перед выбором: «да» или «нет», – я нашелся сказать только, что я подумаю и свой последний ответ дам на другой день после освящения нового храма, отслужив первую литургию.

Мы разошлись. Дома мои гости, обсуждая случившееся в церкви, говорили, что, хотя это и отрадно, но, вероятно, я не рискну отказаться от академии. Когда я переговорил с женой, она не дала мне на это какого-либо дружеского совета, но я понял, что она была за отъезд. Я оказался в таком хаосе мыслей и чувств, что был не в состоянии привести их в порядок и что-нибудь решить.

День освящения храма прошел своим порядком, было много хлопот, волнений, и я ни минуты не мог принадлежать себе, чтобы обдумать свое положение и ответить в душе на тот роковой вопрос, какой мне был задан накануне. Что же я им скажу? Вероятно, скажу, думалось мне, что уже поздно что-либо изменить, дело зашло слишком далеко, чтобы можно было вернуться назад, да к тому же я уже почти все распродал!

В такой сумятице мыслей и чувств меня застало утро 22 сентября, когда я должен был служить литургию в новом храме и сказать свое последнее слово. Но так как это слово не вылилось у меня в душе в определенную форму, то я решил отслужить еще 26 сентября, в день Иоанна Богослова, и, сказав пастве свое последнее «прости», уехать в этот же день в Петербург.

Отзвонили к обедне, сошелся народ, началась обычная служба. По окончании литургии я вышел со святым крестом, пробежали, по обыкновению, детишки; видя, что я молчу, стали было подходить некоторые взрослые, но вдруг, останавливая всех и обращаясь ко мне, сельский староста М.М.Шешмин говорит: «Ну, теперь, батюшка, скажи нам свое последнее слово!». Толпа замерла. Сжимая в руках святой крест, я опустил голову, как бы собираясь с мыслями, что же им сказать? И в этот момент вся толпа мужчин и женщин с плачем опускается на колени. Несколько минут слышались только смешанные рыдания и голоса: «Не уходи, пожалей нас, останься!»

Я стоял, как громом пораженный, эта картина потрясла все мое существо, я не смел верить, что этот взрыв глубоких народных чувств относится ко мне, я не считал себя и в сотой доле достойным таких слез, таких просьб, таких молений. Но вот среди воцарившейся снова тишины раздался ровный ласковый голос 75-летнего старца С.А.С-ва: «Батюшка! Ты хочешь высокой науки, ты уезжаешь в столицу, но посмотри, что ты покидаешь: ты покидаешь народ, который так тебя

любит, так просит тебя остаться. А ведь любовь-то дороже и выше всего! Остайся, отмени свое намерение!». «Остайся, остайся!» – как эхо, снова пронеслось по церкви.

После этих глубоких по смыслу и чувству слов, после этой потрясающей картины у меня не осталось больше ни сомнений, ни колебаний – я услышал в этом народном вопле глас Божий и повинувался ему. «Я остаюсь, – сказал я громко народу, – да будет воля Божия и ваше желание!». Крики радости огласили храм, и слезы горечи и разлуки сменились слезами радости и умиления. Плакал народ, плакал я, плакал причт. Стали служить благодарственный молебен и, подходя по окончании его ко кресту, кланялись мне и благодарили, благодарили без конца.

Я вернулся домой, с избытком переполненный самыми возвышенными, самыми лучшими чувствами и, описывая семье происшедшее в церкви, сказал, что сегодня был счастливейший день моей пастырской жизни! И сразу же, уже без всяких колебаний, я написал два заявления, одно – в академию, а другое – местному архиепископу о том, что по соображениям чисто пастырского характера я отказываюсь от академии и остаюсь в Карлинском. И академия, и ее экзамены, которые стоили стольких бессонных ночей, и академическая церковь, где я служил, и вековая липовая аллея, где я гулял с одним разносторонне развитым милым юношей-студентом, – все это пронеслось и скрылось от меня как в каком-то волшебном сне. Все же пережитое мною в но-

вом карлинском храме стало поворотным пунктом моего пастырства: глас Божий сказал мне, что я должен принадлежать простому народу и «за счастливую долю народную жизнь всю до капли отдать»¹.

Как-то спокойно и радостно сделалось у меня на душе, и стал я думать, как бы лучше поставить мое пастырское служение и сделаться действительно достойным той любви, какую мне засвидетельствовал карлинский народ. С какой-то особенной любовью и ревностью относился я теперь к своим пастырским обязанностям. Я неопустительно стал поучать мою паству, стараясь истово служить и отправлять все требы с полным вниманием и усердием.

Но мне казалось, что этого мало. Будучи в столице, я много слышал там о противоалкогольной борьбе, которую вело духовенство, страдая за погибающую в пламени пьянства вверенную им Богом паству.

В то время в Петербурге укрепилось и процветало Александро-Невское общество трезвости, руководимое идейным и талантливым протоиереем Миртовым, шедшим по стопам своего великого и незабвенного предшественника о.Александра Рождественского. При общении с Н.В.Розовым я успел кое-что узнать, кое с чем познакомиться в этой области и решился перенести методы этого общества на свою приходскую почву, так как зло пьянства у нас в деревне было чересчур уж велико. О том, что было мною предпринято и сделано

¹ Дрожжин С.Д. Стихотв. «Честным порывам дай волю свободную...».

в этой области, я рассказал в нескольких своих брошюрах.

Эти брошюры с достаточной ясностью раскрывают путь пастырской работы в борьбе за народную трезвость, пройденный мною с 1908 по 1914 год, то есть до того самого времени, когда наступившие военные события, а затем революционный ураган смыли все старые формы жизни и сделали невозможной, да, пожалуй, и ненужной противоалкогольную борьбу, так как наступившая вследствие гражданской войны общая государственная разруха упразднила все места пьянства и забрала у меня Дом трезвости, над созданием которого я столько потрудился и с постройкой которого в голове моей зрело столько планов и надежд в деле моего пастырства.

Возвращаясь мысленно к тому сравнительно недавнему прошлому, когда на почве нашего карлинского прихода было посеяно, возросло и затем пышным цветом распустилось семя святой, благодатной трезвости, я вспоминаю об этой работе, как о лучших днях моей жизни. Этот чудный трезвый свет, зажженный моей неумелой рукой, осветил и согрел не только мою паству и мой приход – к нам потянулась масса измученного алкоголем люда и из окрестных сел, и из губернского города, и даже из отдаленных городов и сел. Было нечто похожее на паломничество, когда ежедневно, с приходом поезда, со станции Майна подъезжали подводы и пары к нашему храму и Дому трезвости, когда эти настрадавшиеся от власти «зеленого змия» люди со

слезами и рыданиями припадали к аналою с Крестом и Евангелием и давали обеты трезвости.

За все время существования Общества трезвости было произнесено до десяти тысяч подобных обетов, роздано несколько десятков тысяч брошюр и листов мною составленных и был сооружен памятник этого дела – Дом трезвости; сотням «бывших людей» указан светлый путь жизни, многим женам, матерям и детям были отерты с лица их горькие слезы – и этого, кажется, довольно с меня, чтобы со спокойной душой и совестью сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...».

Не знаю, как будут взвешены и оценены эти труды мои на весах вечной Божией правды, так как суд Божий – не суд человеческий, но по земному же мои труды были оценены, пожалуй, выше их заслуг, выше их достоинств. Все положенные по моему сану награды посыпались на меня через самый короткий промежуток времени. В 1913 году, на десятом году своего служения в священном сане, я уже был награжден от Святейшего Синода камилавкой, а 31 декабря 1914 года мне была пожалована Высочайшая награда, о которой сельскому священнику нельзя было даже и мечтать, а именно: золотой крест из Кабинета Его Императорского Величества.

Такое исключительное и высокое внимание можно объяснить тем, что о моей деятельности в деле народного отрезвления осведомился тогдашний обер-прокурор Синода, а результатом его доклада Государю и яви-

лась такая награда, которая сама по себе говорила, как высоко начинала цениться в тогдашних верхах противоалкогольная пастырская работа.

В 1917-м, в год революции, когда на радостях загоревшейся свободы созванный по приказу Временного правительства новый состав Синода раздавал направо и налево награды, я, по представлению местного Преосвященного, был награжден саном протоиерея, в каковой и был возведен архиепископом Вениамином¹ 16 июля 1917 года в Симбирском кафедральном соборе.

Итак, в 1917 году, на четырнадцатом году своего священства и тридцать шестом году своей жизни я стал протоиереем! От такой высоты и чести можно было почувствовать головокружение. Но меня эти почетные и неожиданные отличия только пугали, заставляли скорбеть и еще более сознавать свое недостойнство. Я знал, что с каждой новой наградой у меня увеличивается число завистников и недоброжелателей, которые при всяком удобном случае постараются бросить грязь не только в меня, но и в мое любимое детище – дело трезвости. А это было мне особенно тяжело и больно.

Такими вот итогами была отмечена внешняя сторона моей пастырской деятельности к моменту переоценки всех ценностей, то есть ко времени революции. Конечно, все эти отличия не могли оказать какого-либо негативного влияния на мой дух, на внутреннюю сторону пастырства, так как я старался служить Богу и ближним не из-за чаяния каких-либо земных наград и

¹ Муратовский (1856-1930).

отличий, но во имя той любви к этому делу, какую с самых юных дней жизни зажгла в душе моей Божественная благодать.

Семья моя увеличилась. Хотя родившийся в 1909 году второй ребенок, дочь Анна, к великой нашей скорби, тоже умерла, но 5 октября 1910 года появился на свет сын Сергей. Решив, что наши дети умерли вследствие искусственного питания (мать не могла кормить их грудью), мы постарались найти для Сережи кормилицу, которая вскармливала его целый год, и ребенок остался жив. На нем, единственном сыне, сосредоточились все наши надежды и родительские мечты. Он был окружен любовью; его воспитателем был мой отец, а воспитательницей – сестра Катя, и они ласкали своего любимца, как только могли.

Кажется, это исключительное внимание и стало причиной того, что ребенок скоро сделался своенравен и капризен, а главное, упрям, так что заставить его отказаться от какой-нибудь шалости или привести к повиновению было очень трудно: приходилось сердиться, раздражаться, а иногда, как ни тяжело это было, и наказывать. От этого я и мать сильно страдали нравственно и в откровенных разговорах между собой порою высказывали самые неутешительные предположения: думали, что с годами это упрямство усилится, детское непослушание выльется во что-нибудь чудовищное и тогда... прощайте, наши мечты, прощайте, наши родительские радости!

Душевная организация Сережи была слишком нервной, пожалуй, до болезненности, и эта психическая

неуравновешенность стала замечаться особенно после двух случаев: пожара в нашем доме в сентябре 1913 года, когда его, спящего, разбудили и вынесли из-под горящей крыши дома, и укуса бешеной собачонки в мае 1914-го, когда нам пришлось ехать с ним в самарскую водолечебницу.

Конечно, этими фактами можно было объяснить нервозность Сережи. К нашему общему утешению, с годами характер его начал выравниваться, стало проявляться больше сознательности, и уже к десяти годам можно было с определенностью сказать, что кризис миновал и наступил поворот к лучшему.

Учиться сын начал рано, с семи лет. Первой учительницей его была тетка, моя сестра Варя, поэтому внимания на него в школе обращалось вполне достаточно. Способности его оказались хорошими, прилежание тоже, так что он в три года прошел начальную школу, и только вследствие ненормального положения учебного дела в 4-й группе пришлось оставить его на повторный курс в 3-й группе, чтобы голова десятилетнего ребенка была не слишком перегружена серьезной работой.

К этому времени он был уже вполне сознательным мальчиком, прислуживал мне в церкви, облачившись в маленький стихарик, разделял со мною легкие домашние работы, и уже отрадное сознание, что я не исчезну бесследно на земле, а буду жить в лице своего продолжающегося потомства, наполняло меня радостью.

Но вот разразился революционный ураган, возникли новые условия школьного обучения и воспитания,

и я, с затаенной грустной думой взглядывая на эту беззаботную детскую головку, стал задаваться вопросом: «Что убо отроча сие будет?» Что выйдет из тебя, милое дитя? Пойдешь ли ты по той же заветной дорожке, по которой шел твой отец, или избереешь другую, свою? Возьмешь ли на себя тот крест, который с любовью взял на себя твой отец, или, устранившись его тяжести, избереешь себе другой жизненный путь? Духовная школа уничтожена, специального образования, готовившего детей духовенства к занятию церковных должностей, нет; думать, что пробел духовного образования и воспитания может восполнить семья, очень трудно. Пусть же будет воля Божия!

Правда, я помню, как мои родители всегда лелеяли одну только мечту относительно меня: видеть меня священником, своим молитвенником у Престола Божия. И Бог дал им эту радость. При жизни своей отец неоднократно служил вместе со мною у Престола Божия, и не раз видел я тогда, как его старческие глаза увлажнялись слезами и умиленный взор уходил в небеса. Быть может, он думал в эти минуты, что его любимец-сын вот так же будет и о нем приносить Бескровную Жертву, когда сырой могильный холм сокроет его от взора живых. И теперь, когда я пишу эти строки (1921 год), его уже нет в живых: сраженный пулей, он лежит на пустынном репьевском кладбище, но молитва моя о нем всегда горяча. Сколько раз в течение каждой литургии уста мои произнесут его милое имя, сколько раз повергнусь я пред Святым Престолом с молитвой

за него, сколько раз при молитвенном воспоминании о нем встанет в воображении его мученический образ и скорбно-молитвенная слеза скатится к подножию Святого Престола!

О, как я был бы счастлив там, в загробной стороне, если б мог почувствовать, что и за меня у Престола Божия молиться мой сын, проливая молитвенные слезы и прося Бога упокоить мой дух в Его надзвездных селениях! Вот почему столь желательно бывает родителям видеть детей своих в священном сане, ибо они уверены, что никто так горячо, дерзновенно и сладостно не помолится за любимых родителей, как благодарный и любящий сын-священник.

В 1915 году, 4 апреля, у нас родился сын Николай. Его также выкормили при помощи кормилицы, одной молодой женщины, у которой на войне с германцами убили мужа. При первом же проблеске сознания, при первом детском лепете ребенок начал проявлять чарующие черты характера: уступчивость, мягкость, нежность, послушание. О нем мы часто говорили между собой, что это тип очень тонкой душевной организации.

Но, оставляя детей часто без бдительного надзора и не стесняя их в пользовании «улицей», с годами мы с ужасом увидели, как эта «улица», да притом еще новейшей формации, нравственно изуродовала нам этого милого ребенка и затушевала в нем те симпатичные черты его души, которыми мы так пленялись в его раннем детстве. Он стал капризен, своеволен и упрям; при-

ходилось прикладывать много усилий, чтобы настоять на исполнении какого-нибудь законного и разумного родительского приказа. Но зато он скоро сдавался на ласки, и чего нельзя было сделать с ним скоро и круто, того легко можно было достичь улыбкой, ласковым словом или шуткой.

Итак, ко времени написания этих строк наша семья состояла из четырех человек: нас с женой и двоих наших сыновей – Сережи десяти и Коли шести лет. От их возни и шума в доме всегда было оживленно. Они мило играли между собою, но чаще ссорились и дрались, так что или мне, или матери постоянно приходилось разнимать их, мирить между собою или просто кричать на них, на что они, к слову сказать, очень мало обращали внимания. И только часам к семи вечера, когда набежавшийся за день маленький Коля засыпал, а за ним вскоре и Сережа, в доме воцарялась тишина. Тогда я сидел за какой-нибудь книгой или письменной работой, а мать – за своим рукодельем.

Так милы, так незабвенны были эти длинные осенние и зимние вечера, такой поэзией семейной тишины были овеяны они и такими рассказами из области давно минувшего скрашивались, что часы летели незаметно, и наконец, дом засыпал тихим и безмятежным сном.

В числе выдающихся событий моей жизни считаю нужным упомянуть о своей поездке в Белгород, на канонизацию святителя Иоасафа. Поездка эта была богата впечатлениями самого возвышенного характера и оставила глубокий след в моей душе. Эти впечатления были мной описаны на страницах «Симбирских Епар-

хиальных Ведомостей», а потом изданы отдельной брошюрой под названием «Поездка в Белгород», которую я не раз с любовью перечитывал и перечитываю, чтобы воскресить в своей памяти те незабвенные переживания, какие только раз в жизни выпали на мою скромную долю. Поездка эта была в 1911 году, в начале сентября, но десяток лет, промелькнувший после описанных событий, не изгладил в моей памяти красоты и яркости тех величественных картин, какие предстали тогда моему взору и сознанию, а нравственное благолепие и величие этих событий останутся вечно жить в моей душе.

Среди радостей и жизненного благополучия иногда налетали на нас и жизненные грозы. Так, например, в 1913 году, в ночь с 6 на 7 сентября мы погорели. Ровно в полночь я услышал громкий стук в дверь – это будила нас кухарка. Когда я посмотрел в окно, то увидел отблеск начинающегося пожара. Выбегаю на двор и – что же? – горит крыша моего дома над кухней. В дверь террасы, выходящей в палисадник, набежавшие люди вынесли всю мебель и все мое добро, но на вышке, в мезонине, сгорел весь мед (около 15 пудов), который я получил от своих пчелок, а также много и других запасов вроде варенья, масла и т. п.

Понесенные убытки по условиям тогдашнего времени скоро были забыты, но причина пожара осталась неразгаданной. Никакой неосторожности с огнем предположить было нельзя, так как загорелся снаружи (со двора) угол кухни, затем огонь быстро перекинулся на крышу дома; кроме того, запах керосина, пропитавше-

го землю на месте возникновения пожара, говорил о наличии злого умысла. Но кто это мог сделать? На этот вопрос по совести могла ответить только кухарка, подозрительное поведение которой при пожаре заметил даже урядник, но на допросе она дала уклончивые ответы, так что причина пожара так и осталась покрытой мраком неизвестности.

В 1914 году мы пережили еще одну большую семейную неприятность. Нашего, тогда единственного, сына Сережу укусила на улице чья-то собачонка, которая по всем признакам была бешеной. Это было, как хорошо помню, 6 мая. Немедленно сели на поезд, потом на пароход и утром 7-го были уже в самарской водолечебнице. Трехнедельный курс лечения был пройден самым аккуратнейшим образом и печальный инцидент не имел никаких последствий.

В июле 1914 года я взял месячный отпуск и мы всей семьей поехали в родное Суляжное, на берега милой Суры, где радушно были приняты семейством Мосиных, отдыхали в их роскошном саду, ездили на Суру, купались в ее прозрачной воде, варили уху и дышали воздухом дивного сурского бора. Вот только конец нашего пребывания в Суляжном был не особенно благополучен. Во-первых, у меня случился приступ аппендицита (воспаление слепой кишки), правда, скоро я поправился, хотя, как оказалось, ненадолго, а во-вторых, там застала нас весть об ужасной войне с Германией, и мы решили немедленно прервать наш отдых и поскорее вернуться домой, тем более, что надо было

поспешить и к окончанию постройки нового дома, который воздвигался вместо сгоревшего.

Возвратившись домой, мы нашли картину нашей тихой деревенской жизни сильно изменившейся: везде были слезы, всюду слышались рыдания, раздавался плач и сетование об ушедших на войну. Невольно чувствовалось, что вся та патриархальная тишина, какой мы дышали в деревне, навсегда покинула нас и в нашу жизнь вошло что-то новое, страшное, беспокойное, что отравило ее и убило всю ту деревенскую поэзию тишины и спокойствия, которой так красна и приятна была прежде эта скромная, тихая жизнь.

Как ни огромно было значение этой разразившейся войны и как ни колоссальны были ее последствия, я не буду на этом останавливаться – это уже область не семейной хроники, а истории более широкого масштаба. А посему перехожу к описанию событий личного и семейного характера, которые развернулись на канве этих исторических событий и о которых можно сказать, что с началом этой мировой бойни, этой проклятой войны, для всех нас, сынов несчастной России, «жизнь кончилась и началось житие».

В начале ноября 1914 года, когда я был случайно в Симбирске, приступ аппендицита повторился и уже в очень серьезной форме. С большим трудом я дошел до врача, который, собственно, и определил сущность моей болезни, прописав мне «оріі ригі» – чистого опия, на некоторое время притупившего остроту болезненного ощущения, но тут же и пре-

дупредил меня, что от этой болезни может избавить только операция.

В августе 1915 года болезнь возобновилась в еще более сильной степени. Я лежал более недели, местный врач М.К.Никольский (теперь уже умерший) делал все возможное, чтобы облегчить мои страдания, но и он должен был поставить вопрос о неизбежности хирургического вмешательства. Лишь только мне стало возможно вставать, я отправился в Симбирск к известному тогда хирургу Левиту, который тоже предложил мне операцию. Я согласился и в указанный срок снова приехал в Симбирск и лег в больницу.

Отец Сергей с супругой Надеждой Дмитриевной перед операцией. 1915 год

Операция состоялась 24 сентября, накануне дня моего небесного покровителя Преподобного Сергия, проводилась она без усыпления и длилась около пятидесяти минут. То, как я держал себя во время этой тяжелой операции, не издав ни единого стога, ни жалобы, удивило даже врачей. Дней через десять случилось небольшое осложнение – разошелся послеоперационный шов, и мне для вторичного заживления пришлось еще около месяца пролежать в больнице.

Конечно, все эти события и переживания нравственно измучили и меня, и мою семью, особенно жену, которая столько выстрадала вместе со мной за это время, что, кажется, за всю прежнюю жизнь столько не пережила. От болезни и операции я окончательно поправился лишь через год, и все эти мучительные тревожения остались для меня и семьи только страшным воспоминанием.

Но насколько тяжелы эти страдания физически, настолько необходимы и полезны они в смысле нравственном. Помню, как я представлял себе перед операцией возможность печального исхода, как мысленно я прощался с жизнью, рисовал печаль и безвыходность оставленной семьи и ее бесприютность, помню, как перед поступлением в больницу я исповедовался и служил литургию в кладбищенской церкви, как после службы ходил по кладбищу, читал грустные надписи на надгробных памятниках и думал, что и я, может быть, скоро вот так же буду лежать в сырой могиле и на нее вот так же будут сыпаться золотистые листья берез и тополей. А жить так еще хочется, жену, маленьких детишек, родных так жаль! Целым роем проносятся думы, мель-

кает вся жизнь – и кажется она такой короткой, такой неоконченной и такой прекрасной, что случись так, что действительно оборвалась бы она, – то, как недопетая песня, на самом задумевшем стихе.

И как хорошо, как сладко было после всех этих грустных дум и тяжелых переживаний возвращаться в свой дом, в среду любимой семьи, с каким испугом в глазах встретили меня, еще полубольного, детишки, и как спокойно, безмятежно и тихо я уснул в первую ночь дома, почти не веря, что кошмар остался позади, а впереди снова жизнь, милая семья, любимый храм и дорогой сердцу приход!

Так хорошо, так чисто было на душе, так спокойно на совести, что я впервые понял, как физические страдания и телесные болезни действительно духовно оздоравливают душу и вносят в нее тишину, спокойствие и гармонию всех ее сил!..

Прошел год после моей операции, в течение которого я более недомогал, чем чувствовал себя здоровым, а Господь снова посетил нас испытанием: в конце октября 1916 года серьезно заболела жена. Сначала она разрешилась мертвым ребенком, а затем получилось заражение крови, температура поднялась очень высоко, и приглашенный врач М.К.Никольский лишь озадаченно покачивал головой. Как врач, он уже сделал свое заключение и не скрывал от окружающих безнадежности положения. Для нас оставалась только одна надежда – на помощь Божию.

Исповедать больную мы пригласили служившего в Кашинском на диаконской вакансии священника Т-ва,

а причастить ее я пожелал сам. Во время причащения в комнате больной находились только мы двое, и, помню, при каком исключительном душевном подъеме совершалось это таинство причащения, когда священник-муж напутствовал в вечную жизнь свою умирающую, безнадежно больную жену. Сколько было тут слез – хороших, чистых, молитвенных слез! Как сильна, вдохновенна и пламенна была наша молитва! И эта молитва дошла до Бога: на другой же день температура стала спадать, болезнь миновала, началось выздоровление. Всякие комментарии к сказанному излишни: «Чтый да разумеет!».

Это было в октябре 1916 года, а в ноябре заболел дифтеритом Сережа. Новые страхи, новые волнения! Но, благодаря своевременно принятым мерам, мальчик был спасен.

В начале декабря 1916 года мне снова пришлось побывать в Санкт-Петербурге, или, как его уже переименовали к этому времени, Петрограде. Карсунское отделение Всероссийского Союза трезвенников делегировало меня в качестве своего представителя на Всероссийский съезд трезвенников, на котором мне пришлось пробыть около недели и прочитать свой доклад «Алкогольный вопрос в свете переживаемых событий».

Все свободное от занятий съезда время я употреблял на обзор достопримечательностей столицы: был в Петропавловском соборе на панихиде по великому князю Сергею Александровичу, слушая дивное пение придворного хора; был в Исаакиевском соборе за литургией, совершенной печальной памяти митрополи-

том Питиримом¹; побывал у раки св.Александра Невского; у гробницы Иоанна Кронштадтского; в храме Воскресения Христова (Спаса на крови); был даже в Государственной Думе во время ее заседания; посетил Михайловский Дворец, осмотрел его картины и художественные раритеты.

Остановился я у своих земляков и милых знакомых Розовых, которые жили в гимназии (о.Н.В.Розов был в то время законоучителем и занимал здесь барскую квартиру). Мне даже довелось присутствовать на концерте, данном министром народного просвещения в честь съехавшихся в этой гимназии на Всероссийский съезд директоров народных училищ. Впечатления от концерта были настолько потрясающи, что я не мог первую ночь спокойно заснуть: в моей душе все еще раздавались, все еще звучали эти никогда не слышанные, чарующие звуки вдохновенной струнной музыки и рисовались картины то Волги с ее привольными бурлацкими песнями, то русской деревни с ее монотонной печалью, то под звуки какого-нибудь «Листка из альбома» проносилась картина моей собственной жизни и молодости, то под впечатлением музыки Чайковского «В церкви» звуками тоски и покаяния начинала плакать душа.

Одним словом, эта поездка, вероятно, последняя в моей жизни, была очень богата впечатлениями. Вернувшись домой почти накануне Рождества, я потом целые святки и своим домашним, и в семье родителей

¹ Окнов (1858-1920).

в Репьевке все рассказывал о тех диковинках, каких я насмотрелся в столице, и о тех впечатлениях, какими наградила меня эта поездка. На пути из Петрограда я заехал в Троице-Сергиеву Лавру, молился у гроба Преподобного Сергия и служил литургию в одной из лаврских церквей.

Но вот подошел 1917 год. Год революции, год великих потрясений и глубоких переживаний, за которым последовали еще более трагические времена, о которых только история скажет свое беспристрастное слово. Вследствие создавшихся новых условий моя пастырская деятельность несколько сузилась: не стало Общества трезвости, закрылась для законоучительства школа, прекратились мои отношения как священника с бывшими прежде государственными учреждениями.

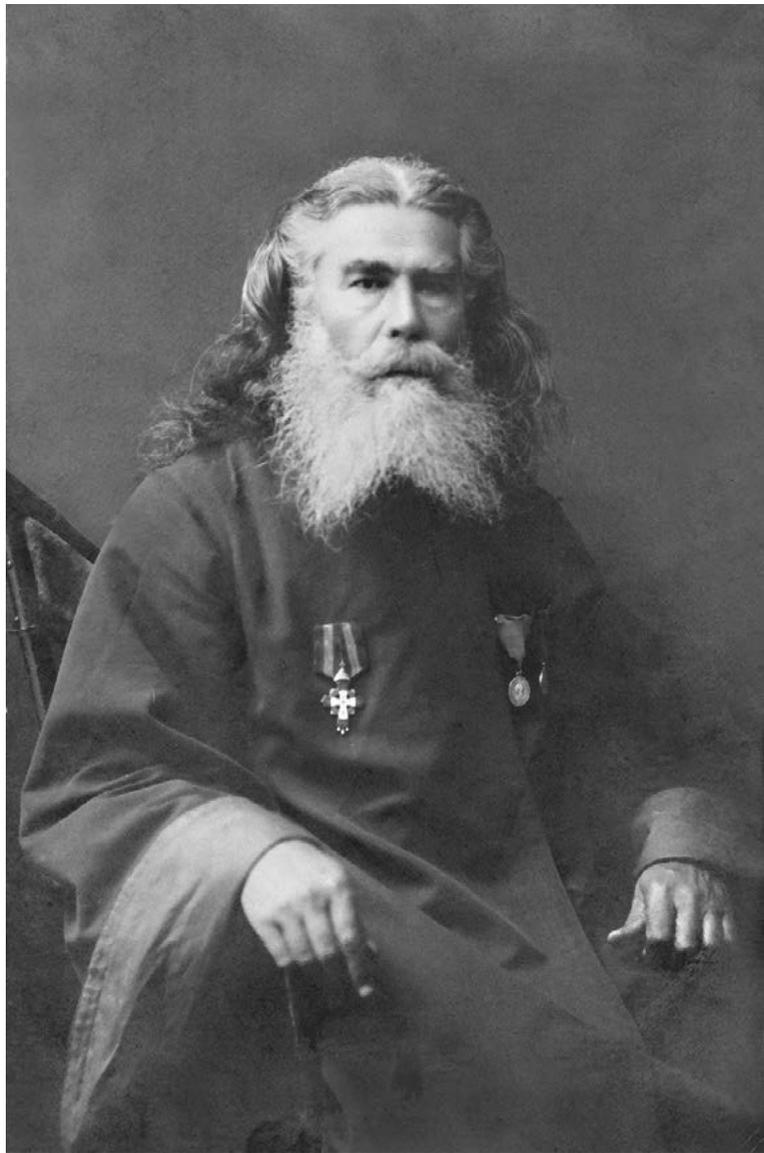
Остались у меня только приход и храм. Не отрываемый никакими другими обязанностями, я с особенной любовью стал отдаваться и службам в храме, и требам по приходу. Тихо, скромно, незаметно я стал продолжать свое пастырское служение, усиливать труды по проповедованию чистого евангельского учения, чуждого какой-либо политики и земных интересов, нравственно воспитывая вверенную мне Богом паству и утешая ее в переживаемых тяготах и невзгодах надеждами на будущую, лучшую загробную жизнь.

А жизнь в эти годы бушевала, как море в осеннюю непогоду, и высоко поднимавшиеся волны этого житейского моря не могли не докатиться и до нашей се-

мьи: одной из этих страшных волн был смыт мой незабвенный, мой дорогой отец, диакон Петр Григорьевич. Это было 3/16 марта 1919 года. Около той местности, где жили мы (в районе сел Карлинское и Репьевка), вспыхнуло так называемое «чапанное восстание» – восстание крестьян против советской власти, носившее крайне трагикомический характер. Громадные толпы крестьян, вооруженные «дрекольем», выступили против прекрасно вооруженных и дисциплинированных красноармейских частей.

В Карлинском эта «война» окончилась сравнительно благополучно: приехавший с отрядом красноармейский офицер приказал открыть стрельбу вверх, разогнал скопище народа и, собрав всех на сход в советскую школу, прочитал соответствующую нотацию, – чем этот печальный инцидент и был исчерпан. Я до сих пор с глубоким уважением вспоминаю этого начальника отряда, который так гуманно, тактично и благоразумно призвал всех к порядку.

Но не так было в Репьевке, где жил мой несчастный отец. Там не было ни того «похода» с «оружием и дрекольями», как в Карлинском, ни собрания толпы в момент приезда отряда, но тем не менее, приехавший из Каменки конный разъезд подъехал к дому псаломщика и диакона, вывел их обоих на улицу и тут же, перед окнами, на глазах семьи, расстрелял, не предъявив никакого обвинения и никому не сказав – за что. Убитая горем мать перенесла тело отца в дом, где обмыли кровь и, облачив в диаконские одежды, послали известить нас.

*Отец – диакон Петр Григорьевич Петровский.
Убит карательным отрядом большевиков 3/16 марта 1919 года.*

Священник Сергей Петрович Петровский. 1913 год.

Так внезапно, неожиданно и страшно оборвалась его жизнь и вихрем налетела смерть, оставив за собой тяжкое горе и целое море слез любившей его родной семьи. Утром четвертого марта (был понедельник третьей недели поста) мы с братом отслужили литургию и спешно предали его христианскому погребению, опустив своими руками в могилу, вырытую на общем репьевском кладбище, вместе с псаломщиком Николаевым, погибшим с нашим отцом.

Слетелись отдать последний долг родителю только близживущие дети (я с Наденькой, брат Леня, сестра Варя), и вместе с осиротевшей матерью-старушкой оросили своими горячими слезами его мученическое тело. Всякое горе легче переживается, когда люди бывают какими-либо обстоятельствами к нему подготовлены: так смерть дорогого и близкого лица делается не столь внезапной для окружающих, если ее предваряет долгая болезнь. Но гибель нашего дорогого отца была подобна грому среди ясного неба.

За два-три дня до своей роковой кончины он посетил нас, своих сыновей: был в Матюнине у брата и у нас в Карлинском. Причем я не мог не заметить его какого-то особенного, меланхолически-грустного настроения. Он весь был овеян какой-то тихой, непонятной грустью! И все ласкал, ласкал своего любимца, внука Колю.

Как сейчас помню утро четверга, 28 февраля, (а погиб отец в воскресенье). Он спал в столовой, на оттоманке. Коля, соскочив утром со своей постельки, отправился к нему и стал читать наизусть все известные

ему стихотворения, приводя в восторг дедушку. И все то утро, пока я лежал в своей спальне, а мать убиралась по кухне, они ворковали с ним. Днем он уехал. Я вышел проводить его за ворота, при прощании он благословил меня – больше я не видел его живым на этой земле.

А через три дня я увидел его уже бездыханным, лежащим на том самом столе, за которым много-много раз мы сживали с ним за приятной душевной беседой и вокруг которого так часто собиралась вся семья, согреваясь, как солнечными лучами, ласками и любовью нашего бесконечно любимого, нашего дорогого и милого отца.

Оплакали, похоронили и вернулись каждый в свой дом. И так тяжело, невыносимо тяжело было первое время! Каждая вещь говорила и напоминала о нем: каких-нибудь три-четыре дня назад он сидел тут, за этим столом, на этом стуле, спал на этой кушетке, а теперь... Теперь он в сырой, холодной земле, под сыпучим могильным холмом и крестом, и никогда-никогда не придет больше к нам.

Тоскующая мысль несется к далекому прошлому, всплывает в памяти все то незабвенное былое, где каждый шаг был связан с именем любимого отца. Вспоминается мне, как в первые годы пребывания моего в Алатырском духовном училище я долго и мрачно грустил. Мне почему-то казалось, что я скоро потеряю своего отца, и в моем больном воображении вставало заброшенное кладбище и на самой окраине его – одинокая могила с простым деревянным крестом. Мне чудились

напевы зимней метели, рисовались сыпучие снега, за-
метавшие одинокую могилу.

Но мое детство и юность ничем не омрачились, и в этой светлой юности мой любимый отец был мне и другом, и братом, и отцом. Все, что имелось в этой юности отрадного, светлого, прекрасного, – все было связано с его именем, с его образом, с его чуткой, любящей душой.

И все это теперь потонуло в тумане прошлого, и только на унылом репьевском кладбище осталась одинокая, грустная могила с простым деревянным крестом, – именно такая картина рисовалась мне в моем далеком, грустном детстве. И все, что промелькнуло в силу каких-то непонятных мне предчувствий в годы моего детства и потом было забыто, вспомнилось теперь, когда и заброшенное кладбище, и одинокая могила, и простой деревянный крест стали не игрой воображения, а горькой действительностью...

1921 год, июль, 16-й день. Только что окончил одну грустную повесть, как приходится начинать новую, брать перо, чтобы занести в свою семейную хронику историю новой тяжелой утраты – внезапной смерти нашей любимой и дорогой матери, Пелагеи Алексеевны. После трагической смерти отца она осталась жить в своем репьевском домике, куда весной 1920 года переселилась из Симбирска сестра Клавдия со своим мужем и детьми.

Постепенно стала было сглаживаться горечь и острота утраты отца, жизнь налаживалась и входила в нормальное русло. Мама нередко бывала то у нас, то у брата

Леонида в Матюнине, и каждый раз ее посещение было настоящим праздником для всех, особенно для детишек. А в последнее время она все чаще и чаще стала заговаривать об окончательном переселении на жительство ко мне, как старшему сыну, так как постоянные и сложные заботы по ведению репьевского дома все более и более делались ей не под силу. Хотя она была необыкновенно подвижная, живая в делах и заботливая, но на ее изможденное лицо уже легли вечерние тени, чувствовалось, что это хрупкое создание борется с непогодой жизни только до первого злого урагана и скоро ее не станет. И по-человечески думалось, что старушка, как обычно, поболует, мы соберемся около ее постели, примем ее последнее материнское благословение и, отдав ей последний земной долг, отнесем с подобающими почестями ее дорогой прах в родную могилу, где положим рядом («под правое крылышко», как часто она выражалась) с прахом мученика-отца. Так думалось, но не так случилось.

Помню, как 9 июля мы виделись с ней в последний раз. Она была у нас в Карлинском, по обыкновению, везде мыла, чистила, наводила порядок. Я куда-то уезжал и, прощаясь с ней, попросил ее благословения.

То ли я слишком торопился, уезжая, или она что-то спешно заканчивала, только, целуя, она осенила меня крестным знаменем дважды, а не трижды. И кто из нас мог подумать в эту минуту, что это было последнее благословение?

Ровно через неделю после этого ее уже не стало в живых, и мы получили от сестры лаконичную запи-

ску: «Приезжайте похоронить маму». Она заболела холерой, и промучившись лишь одни сутки, скончалась 16 июля 1921 года. Я и брат Леня поехали на похороны. Там, около умершей, не было ни души: «все знаеми» разбежались, а Клавдия, положив и обрядив покойницу, не знала, что делать со своим мужем, тоже заболевшим холерой. Привезли фельдшера, он стал ухаживать за больным, которому к утру стало легче. Мы с братом стали готовиться к похоронам. Никто нейдет делать гроб, не дозовешься никого вырыть могилу – все сторонятся, все боятся. И вот, отпев покойницу на дому, наконец, снарядили печальный похоронный кортеж: впереди Шура и Оля – Клавдины детишки, несут иконы; далее следую в облачении я, за мной брат Леня ведет лошадь, везущую дроги с гробом, а за гробом... одна рыдающая сестра Клавденька. «Тихо тащится лошадка» – припоминается одно стихотворение, рисующее подобную картину, и сердце замирает от тоски и муки.

Подходим к разрытой могиле, глаза ищут дорогой гроб. Вот он – на дне, опущенный два с половиной года тому назад; крышка его, сделанная наскоро, опустилась и прилегла почти к самому покойнику. Я велел засыпать ее землю и сравнять с краями гроба. И сбылось точь-в-точь, как, бывало, мы любили с ним распевать: «Вырыта заступом яма глубокая... Плотно сырою землею придавится... Только одним человеком убавится...». Жизнь подтвердила эту страшную картину, которая некогда представлялась нам с ним печальной и грустной, но тогда еще такой туманной и далекой, а теперь неотвратимой и страшной. Далее с гробом матери повторилась та же

картина: «В землю холодную гроб опустили, черной землею его придавили. Спи, дорогая моя!..». Вместе прошли они жизненный путь и в одну могилу легли спать непробудным сном смерти. «Тише! о жизни покончен вопрос. Больше не нужно ни песни, ни слез!..»¹

Итак, смерть безвозвратно унесла наших милых родителей. Оставшаяся сиротой младшая сестра Варя перешла на жительство в мою семью, а прочие дети вели самостоятельный образ жизни: брат Леня служил священником в с.Матюнино Сенгилеевского уезда, сестра Клавдия с мужем и детьми продолжали жить в репьевском доме, а сестра Катя – в Сенгилее, в замужестве за священником А.И.Расторгуевым.

Схоронили милую маму, и репьевский дом для нас, детей, опустел; стала зарастать дорога, песок заметал тот след, который проторили мы к этому дому за пятнадцать лет нашей жизни в Карлинском. О, сколько раз мы, дети, и наши покойные родители ходили и ездили этой дороженькой, сколько отрадных, светлых воспоминаний связано и с родительским домом, и с этой дорогой.

Ровно за три недели до смерти мамы мы с ребятами отправились в Репьевку помолиться на могилке папы в день его именин (25 июня). Когда мы с Сережей и Колей подходили к Репьевке, день склонился уж к вечеру, стало смеркаться. Думаем, не увидит бабушка в вечерних сумерках, как подбегут к ее дому внучатки. Нет, не прокараулила бабушка – спешно выходит навстречу, обнимает, целует, спрашивает, что так долго не шли. И вот

¹ Никитин И.С. Стихотв. «Вырыта заступом яма глубокая».

ровно через три недели по этой же дорожке подъезжаем мы с братом к родному домику и пытливо всматриваемся в знакомые окна – не мелькнет ли привычно милая тень, не выбежит ли нам навстречу, но... нет – она лежала уже в переднем углу под образами, и спокойная, нежная улыбка, как у живой, освещала ее дорогое лицо.

Прошло 40 дней. Мы все (кроме Катеньки) собрались на родную могилку. Закурился кадильный дым, понеслось к небесам зауспокойное пение, полились на могилку теплые слезы. Господи! – думалось в эти минуты, – как непрочно человеческая жизнь на земле: давно ли, в день папиных именин, мы вместе с мамой молились здесь. Как сейчас представляю себе ее молящуюся коленапреклоненную фигуру, ее крепко прижимающиеся к груди пальцы. А теперь и она под этим могильным холмом, и ее бессмертный дух исчез в той страшной и неразгаданной глубине, которую мы называем вечностью!

1922 год. Январь. Опять приходится писать некролог и на сей раз хотя заранее предусмотренный естественным ходом вещей, но все же печальный и грустный сердцу: 18 января умерла в глубокой старости моя крестная мать, она же моя тетка и воспитательница, Екатерина Алексеевна Знаменская. Последние шесть с половиной лет она жила в Карлинском, в своем небольшом домике, который я построил ей в 1915 году рядом с общественным домом священника.

Мне всегда приятно было сознавать, что за все ее добро ко мне, за все ее ласки и материнскую нежность, которую она проявляла ко мне в детстве и юности, я при-

ютил ее, и насколько мог, согревал и питал ее старость. Она медленно угасала, но сохраняла удивительно ясное сознание и порой в задушевных беседах мы вспоминали прошлое.

Нужно сказать, что это была женщина-страдалница: ее муж, Павел Иванович, был человек крутой, необузданный, да вдобавок еще и горький пьяница, в молодости доходивший иногда до положения босяка и пропойцы. Брань и побои были для него явлением заурядным. Сколько крестная выстрадала в своей жизни, – того ни описать, ни рассказать. Муж ее перестал пить и сделался «человеком» уже более чем в зрелых годах. Это было в то время, когда его приняли на должность псаломщика и регента в Алатырское духовное училище, куда я поступил тогда учиться. Затем за его голос он был выдвинут во диакона тут же, при училище, а потом в 1899 году был перемещен к Симбирскому кафедральному собору. Года два проболев от разбившего его паралича, он умер за штатом в г. Карсуне, куда я ездил его хоронить (1 января 1915 года). Во время болезни кроткая «Катя» ходила за ним, как за малым ребенком, вплоть до самой его кончины, после которой она и переехала на жительство ко мне в Карлинское.

Здесь она могла бы отдохнуть от своей тяжелой, измучившей ее жизни, но тут подошла старость с немощами и болезнями, которые все чаще и чаще стали ее предупреждать о скором конце. Угасла она воистину, «как свечка восковая, предыконная», всех нас благо-

словив и мирно простившись со всеми. Похоронил я ее в ограде, при каменной церкви с.Карлинское, избрав великолепный уголок против Никольского алтаря, под тенью сосен и почти против окон своего дома, завещав и себя, если я умру здесь, и членов своей семьи, если Господь пошлет кому кончину, похоронить в этой же родной могиле...

А год тому назад в с. Теньковка¹ Симбирского уезда опустили в могилу еще одного дорогого мне человека – крестного отца и дядю, Петра Васильевича Векшина, всю свою жизнь прожившего в этом селе фельдшером. Это тоже был великолепный и сердечный человек, ласки, любовь и приветливость которого я помню с самого раннего детства. Считая своей неременной обязанностью ежегодно навещать стариков Воецких в Анненкове, мои родители всегда заезжали вместе со мной и в Теньковку.

Но более сознательные и сердечные отношения установились у меня с покойным Петром Васильевичем уже во время моего обучения в семинарии. Он часто брал меня на рождественские каникулы к себе в Теньковку, где всевозможным развлечениям и удовольствиям не было конца. Я сердечно любил почившего, любил его Теньковку, куда в последний раз я ездил к нему осенью 1919 года. При расставании мы оба грустили и плакали, сердце чуяло роковую разлуку и действительно не обмануло: мы виделись с ним в последний раз и простились навеки...

¹ Ныне Карсунский р-н Ульяновской обл.

Сколько за последние два-три года выросло родных могил! Был убит отец, скоропостижно умерла мать, умер от тифа любимый крестный П.В.Векшин и, наконец, опустили в могилу дорогую крестную Екатерину Алексеевну.

За кем теперь очередь? Может быть, за мной? Да будет во всем воля Божия! Жизнь последних лет сложилась такой бледной, мрачной, безыдейной; в борьбе за кусок хлеба погибли все лучшие мечты и разбились в прах все идеальные стремления. Кажется, что и смерть не страшна, не страшна и могила, в которую рано или поздно все равно придется уйти.

*Тяжело, безотрадно, уныло...
Уже много могильных холмов
В моей памяти высится ныне
И терзает мне сердце без слов.*

*Юность прочь унеслась без возврата.
Молодые порывы добра,
Грезы счастья, любовь, вдохновенье –
Где их чудная скрылась пора?..*

*Как заглянешь в замолкшее сердце, -
Сколько там непроглядных могил!..
Это жизнь уложила нещадно
Целый угол непчатых сил...*

Свящ. В. Белкин

Конец 1921 и начало 1922 года были ужасным временем: страшный, небывалый голод разразился над Поволжьем. Весною 1921 года от палящего зноя сторели

травы, посевы, покосы. В начале июня стали жать рожь и к Петрову дню вся жатва была кончена. Осень и зиму народ питался всевозможными растительными суррогатами, а зимой стал есть всякую падаль, не гнушаясь ни падшими лошадьми, ни выкидываемыми на задворки отбросами. Один 75-летний старец сделал мне такое признание: «Батюшка, вот до чего довел меня голод: увидел я, как собака кость гложет, – отбил я у нее эту кость и сам себе пошел сварить ее, чтобы утолить страшное чувство голода».

К весне были уничтожены все суррогаты и заколото большинство лошадей и коров. Появились и случаи голодной смерти. В Карлинском их было официально зарегистрировано около двадцати. Село представляло из себя пустынное, мертвое кладбище: никто ни проедет, ни пройдет улицей; все сидят или лежат дома, в безделии, не в состоянии ни за что приняться; не пробежит ни собака, ни кошка, даже птицы погибли от голода. Вот какую страшную картину представляло из себя наше голодное село! Газеты сообщали даже о фактах людоедства на почве голода и будто в Самарской губернии они были не единичны.

Пасху 1922 года встречали со слезами. Когда обычным порядком в храмовом притворе было положено начало пасхальной утрени и нужно было петь «Христос воскрес...», народ рыдал и пение прерывалось плачем, а когда мне нужно было читать слово Иоанна Златоуста, я не мог проговорить: «Трапеза наполнена, насладитесь все, телец упитанный...».

Но это были последние ужасные переживания: весна 1922 года настала скоро, земля покрылась роскошной травой, кошмар миновал.

К осени 1924 года выросла на карлинском приходском кладбище еще одна близкая сердцу могила: 12 августа умер муж старшей из моих сестер, Клавдии, Павел Александрович Петровых, тот самый, которого пощадила роковая болезнь, унесшая маму.

Поселившись с семьей на земельном отрубе близ Карлинского (Дояновка), он начал вести трудовую жизнь пахаря-земледельца, не щадя ни здоровья, ни сил. После одного жаркого рабочего дня он имел неосторожность выкупаться вечером в реке и застудился. Болел он около месяца и тяжело угасал. Его страдания были ужасны, а терпение изумляло окружающих. Дважды я его исповедовал и дважды приобщал Святых Тайн. Его исповедь была умиленная, с потоком слез, истинно христианская. Я венчал его с сестрой, их первенца я крестил, мне же пришлось принять его последнюю исповедь и сопроводить к месту вечного упокоения.

С двумя малолетками осталась на отрубе, как на острове, сестра Клавденька. Когда я пишу эти строки, старший их мальчик – Шура живет у меня и учится в нашей начальной школе. Часто я незаметно всматриваюсь в его лицо и вижу, что раннее сиротство наложило свою неизгладимую печать на его детские черты. Вот недавно: вечер, я прилег, а мои сорванцы Сережа и Коля затеяли возню, ласкаясь ко мне один с правой, другой с левой стороны. А Шура стоял недалеко, смотрел на

нас, и как мне показалось, думал о том, что у него нет папы, с которым он мог бы так пошутить и порезвиться. И сделалось мне грустно-грустно и стало бесконечно жаль этого мальчика-сироту.

1926 г. Апрель, 16. Сегодня большая радость: мы переехали в новый свой дом, и вернувшись с «Четвергового стояния» после Двенадцати Евангелий, ночуем в нем первую ночь.

Моя мечта о новом доме была давнишняя, но особенно я стал задумываться об этом после 1917 года, когда духовенство лишилось всех своих привилегий, пенсий и касс взаимопомощи. Я страшился подумать, что будет с моей семьей, если я умру? И как только собрался с силами, приступил к осуществлению своего плана. Новый дом я построил на месте домика моей крестной матери Екатерины Алексеевны. Получился он скромный и уютный, вполне удовлетворяющий нас своими размерами. И сам собою решился вопрос, где быть нашей «тихой пристани». В последние годы было много предложений: звали на берег Волги в с. Часовню,¹ звали в лучший приход нашего округа Бештановку, наконец, звали в Симбирск, но привычка к Карлинскому (ведь уже двадцать лет!) – взяла свое. Видимо, такова воля Божия. Пусть и будет Карлинское тихой пристанью, а новый дом – родной колыбелью, баюкающей оставшиеся дни жизни моей на нашей грешной земле.

¹ Ныне территория Заволжского р-на г. Ульяновска.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ¹

То было утро жизни, светлое майское утро, с яркими цветами надежд и упований, с верой в победу над злом, с верой в святой идеал и в возможность грядущего счастья... То были юные, свободные мечты. Среди простора лесов и полей, под родным напевом родных деревень, в самых недрах народной нужды эти мечты родились, там же они и росли, в школе окрепли и за порогом ее увидели жизнь... И вот под шум жизненной бури, под ее то монотонный, то дикий напев, порой встают, как светлые призраки, эти идеальные чистые мечты и их умчавшие юные годы. Помню, как мечтали мы жить и трудиться на пользу родного народа, как о правде и любви хотели ему говорить и отдать ему жизнь и все силы свои... Но среди этих светлых порывов какой-то голос сомнения говорил о другом: говорил о трудности жизненной работы вообще, о ничтожности наших сил, о непробудной спячке, об упорной силе невежества:

Встретишь работу серьезную, трудную

Хватит ли силы твоей?

Спячку увидишь кругом беспробудную,

Будешь ль бороться ты с ней?

Сила невежества слишком упорная

Мыслящих мало людей;

Слишком дорога заманчива торная, -

Ты не пойдешь ли по ней?²

¹ Опубликовано в Симбирских Епархиальных ведомостях. 1905 г.

² Неизвестный автор. Стихотв. «Юноше».

Но на все эти скептические вопросы мы отвечали, что готовы на все, что мы пойдем в самую глубь народных страданий, пойдем к его беспросветной мертвящей нужде, и в его убогой хижине прозвучит наше приветливое, утешающее слово. Мы будем с ним, с нашим бедным народом, среди его радостей и горя, будем с ним в его труде и покое. И в светлый праздник, и в серые будни, и в яркий полдень, и в темную полночь мы придем принять его последний вздох... Пройдут года и от упорного и долгого нашего труда, от семени Божьего слова на ниве Христовой вырастет тучная жатва: люди будут как братья, вместо злобы-вражды будет царствовать в мире любовь, вместо порока будет жить добродетель.

«Только сейте, – говорило нам горячее юное сердце, – разумное, доброе, вечное», воспевайте добро и клеймите порок, бейте по струнам сердца народного вдохновенным словом своим, и плоды будут налицо. Народ поймет бескорыстность и правдивость могучего слова, по достоинству оценит приносимые ему любовь и добро и откликнется на святой призыв к свету Христовой правды. «В глубине его души лежит неиссякаемый родник лучших дум и чувств, и лишь только вдохновенное слово коснется струн его сердца, они начинают долго и гармонично звучать, заглушая звуками неба грешные песни земли» (свщ.Г.П-в). А там спокойно можно будет умереть с отрадным сознанием, что жизнь не бесполезно прожита. И проводят тебя с честью до могилы, как провожал ты их дедов

и отцов, пожалеют тебя всюю силою безмолвной русской печали и «вечную память» со слезами над открытой могилой твоей пропоют...

То были юные, свободные мечты.

В таких розовых красках рисовали мы жизнь, когда готовились к ней, такими светлыми мечтами мы жили, когда наша утлая ладья готовилась выйти в открытое море. Помню, мы отплывали. Последний раз мы прослушали грустную песнь «про жизнь, про людей, про житейское бурное море, про шторм кораблей» и отправились в открытое плавание. Море казалось тихое, спокойное, в его светлых водах отражалось лазурное небо, а с берега все еще доносились мелодичные звуки этой грустной песни о жизни, пока наконец в пространстве не потонули ее последние отголоски.

Но лишь только скрылись за горизонтом последние очертания знакомого берега, как поднялся ветер, зашумели волны, и вся эта веселая, дружная флотилия была разбросана по воле волн по разным сторонам открытого моря.

Это мы выступили в жизнь, на поприще «общественной деятельности». То была смутная пора: на Родину надвигалась военная гроза,¹ в деревне, куда мы принесли свои свежие силы, был набор, лились рекой слезы, люди нуждались в утешении. «Они» ушли, оставив за собой слезы, горе и тоску, о «них» всюду говорили, плакали, молчаливо вздыхали. А осиротелые семьи приходили к нам: одни просто за словом приветия, спро-

¹ Русско-японская война 1904-1905 г.г.

силь, какие вести «оттуда», а другие прямо сказать, что они голодны, у них хлеба нет ни куска. Сердце сжималось от их горьких стонов, слеза невольно бежала с ресницы при виде оборванных детишек и их убитых печалью матерей.

Как быть? Чем им помочь? В наших руках не было средств, которыми можно было бы распорядиться, все эти жалкие «воззвания» о помощи или давали жалкие результаты, или совсем не приносили никакой пользы. Нужда же оставалась нуждой, голодные руки по-прежнему тянулись за хлебом, а грустные взоры устремлялись прежде всего на нас. Сердце мучительно сжималось от боли и собственного бессилья, нужда же наступала со всей своей беспощадной жестокостью. Мы вызывали на помощь все силы своего юного духа, но все его решения и выводы были чисто теоретического характера и они разбивались о горечь действительной жизни, как свободные волны о дикую неприступную скалу. Чувствовалось что-то жалкое, обидное, горькое в этой невольной беспомощности, в этой непримиримой дисгармонии между желанием и его реальным осуществлением, между свободной благородной мечтой и серой действительностью.

«Мы подойдем к народу, к его мертвящей нужде, - помнится, говорили мечты, - и в бедной хижине прозвучит наше утешающее слово». И вот мы увидели нужду, увидели на первом шагу нашей работы, она предстала перед нами во всей своей ужасающей наготе, И в частности, и в общем она производила гне-

тущее впечатление: тут плакали от голода маленькие дети, лишившись кормильца семьи; тут стонал в грязной хижине больной забытый сирота-старик; а там вон целый хор голодных голосов плакал о помощи, простирая свои изможденные руки. - А мы стояли бессильные, беспомощные, униженные силой беспощадной нужды...

«Мы будем с ним среди семейных радостей и горя», - говорила когда-то юность. Гора перед нашими глазами скоро открылась целая бездна, но и перед ним мы стояли едва ли более нужные, чем при мертвящей народной нужде. Очень часто смерть похищала слишком дорогие и ранние жертвы, часто бывало горе выше слов и слез. Мы приходили, уносили, провожали, совершая все это в горестном молчании, потому что не находили слов, чтобы говорить. Печаль замыкала уста, а стоны и плач заглушали слова, в которых, к тому же, и не нуждался тот, чье горе не облегчишь словами.

Не место оказалось нам и среди их семейных радостей, - на браках и крестинах, - сопровождающихся обычно необузданным весельем и грандиозными попойками, а если быть там лишь для того, чтобы вести речь о воздержании и трезвости, то, кроме глумления, едва ли что вызовет наша речь.

«Мы будем с ним, когда он будет умирать...» Да, кажется, только этой мечты не обманула и не изуродовала жизнь, и только в этом случае неприкосновенной осталась та правда, о которой говорили мечты. В глухую осеннюю полночь, грязной несносной до-

рогой, в прикрытой рогожей телеге, мы часто езжали за несколько верст к изнемогающему в предсмертной борьбе мужику. В сознании исполненного долга мы находили себе утешение, а в последних благодарных словах умирающего мы черпали силы для новых трудов и борьбы.

Но вот наступила пора новой жизни и новых понятий, создались новые рамки нового жизненного уклада, жизнь предъявила нам новые требования. Сначала трудно было определить правильность курса этого течения, но несомненно чувствовалось, что жизнь отошла от своих прежних устоев. Явились новые «благовестники» и принесли новое учение о возможности здесь, на земле, новой счастливой жизни, когда не будет ни голодных, ни холодных, ни бедных, ни угнетенных. Они заявили, что проповедь о терпении есть сознательный обман, что нужда и лишения в жизни при известных условиях могут быть устранимы, стоит лишь только «отказаться от старого мира» – и жизнь будет светлым праздником. Перспектива заманчивая... А как известно, чувственная сторона в человеке всегда тяготеет «долу», поэтому немудрено, что подобного рода «благовестия» имели успех, и после речей о имеющем скоро наступить золотом веке счастья и довольства наши речи о скорбях и терпении были слишком резким диссонансом.

И мы, правду сказать, на первых порах растерялись, не знали на что решиться, что предпринять: тешить людям слух обещанием жизненного довольства и покоя,

когда жизнь будет рай, а не юдоль горя и печали, как говорили новые «благовестники», – мы не могли, потому что не верим в жизнь, как земной праздник, и не леем мечту об уничтожении на земле нужды, лишений и горя, которые все равно будут, как темные призраки, реять над головой человека от самой его колыбели до темной глубокой могилы.

Наши призывы к терпению, когда новые проповедники открывали заманчивую перспективу грядущих дней счастья и довольства, не только были бесполезны, но вызывали даже чувство досады и раздражения, убивали высокий авторитет нашего слова. Молчать же невыносимо: это значит сделаться не пастырем, не светочем жизни народной, не носителем живого слова, а просто мертвым трупом, который и сам жизни не имеет, и не дает жизнь другим. Для этого нужно прежде всего убить в себе «живую душу», поставить крест над всеми идеальными мечтами юности, сознать свое полное бессилие и сказать: «Прощай, мечта, догорай, бесполезная жизнь!...». Но мы этого не скажем, а будем вникать в смысл этой новой жизни, будем доискиваться причины, почему мы не умеем приспособиться к новым требованиям, не можем ответить новым запросам. Не потому ли, что мы – питомцы тех дней, той жизни, которой нет возврата? Не старая ли мы заплата на новой одежде? Ведь жизнь так быстро сменила свой старый покров, что и вчерашнее показалось устаревшим.

Правда, мы вышли в жизнь перед грозовой бурей... Скоро она разразилась и быстрыми порывами свои-

ми разрушила и далеко унесла старые формы жизни, расшатала ее старинные устои, а пульс жизни, хотя и неровно, но забился сильнее, по-новому. Старая мерка сделалась неприложимой для новой жизни, старые рамки тесны. А мы-то, к несчастью, и были вымерены старой меркой, нас готовили к жизни на тех же началах, какие были двадцать-тридцать лет назад.

Но вот случился перелом, жизнь предъявила новые требования, и мы бессильны перед этим новым потоком. Оказались мы, так сказать, на рубеже: воспитывались, готовились к жизни при старом укладе, а вышли на работу при таких условиях, когда от старого порядка вещей остались одни только воспоминания. Не в этом ли тайна наших настоящих неудач на житейском поприще, не потому ли так бросается в глаза обществу наша отсталость, наша неумелость применить себя в новой жизни и быть полезными в общем деле ее устройства? А так, вроде бы, все обстоит благополучно: есть у нас и благие порывы, и желание работать на пользу ближних, а коснемся мы жизни, и получается у нас как-то монотонно, скучно, бледно...

Но мы не будем постыдно унывать, а будем всматриваться в эту новую жизнь, будем изучать ее новые требования, готовить свои силы к разумной борьбе. И когда нам ясна станет причина наших жизненных неудач и разочарований, когда мы войдем в курс этой новой жизни, мы снова найдем верный тон нашего осмеянного слова, и оно по-прежнему громко пронесется над смолкнувшей толпой. Мы знаем, что гордо поднявшие

голову, ослепленные надеждой на земное счастье и сытый покой, снова придут к нам, и разочарованные, с разбитыми надеждами – они будут просить слова утешения. И то же слово любви, слово о беззаветном терпении, – о том самом терпении, которое они в своем безумстве называют теперь «бессмысленным», – они услышат опять. И оно покажется им таким кротким, согревающим, полным такой непобедимой правды, что под его ласкающими звуками смолкнут все стоны наболевшей души...

Не беда, что жизнь не оправдала всех розовых надежд и мечтаний юности. Благо, что эти идеальные мечты светят в жизни как путеводные звездочки и, поднимая над бледной действительностью, не дают опускаться до той опасной точки, которую называют «пошлой рутинной». Нас не смутят и не собьют с намеченной цели эти неудачи жизни: мы тихо, шаг за шагом пойдем по пути нашего высокого дела, «будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба, будем трудиться для других и теперь, и в старости, а когда настанет наш час, мы покорно умрем. И там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами... И мы обрадуемся, и на теперешние наши страдания оглянемся с улыбкою, с умилением и... отдохнем»... (А.П.Чехов, «Дядя Ваня»).

1905 г.

ПОЕЗДКА В БЕЛГОРОД¹

Тихий, теплый вечер догорал, и только купола городских церквей темными силуэтами вырисовывались в вечернем сумраке, когда наш поезд, подъезжая к Белгороду, повернул вдоль города к вокзалу. Город принял нас ласково, лишь только мы вступили на его территорию: к нашим услугам и квартира, и извозчики, и все необходимое, – и все это, нужно заметить, по самой подходящей цене, без всякого намека на представившийся случай наживы и на бесцеремонное обирание простодушных богомольцев, как это обычно бывает в подобных случаях.

Утром 2 сентября, лишь только первые лучи солнца осветили город, мы были уже около монастыря. На площади и около монастырских ворот была масса народа, все стремились проникнуть за ограду, всем хотелось пройти в пещеру Святителя и там, у его святой гробницы, излить свое горе, выплакать свою наболевшую душу, обремененную грехами, измученную невзгодами жизни... А около монастырской стены располагилась больная, страдающая нищая братия, один взгляд на которую заставлял тоской и острой болью сжиматься непривычное к таким зрелищам сердце. Тут были и слепые, и хромые, и калеки всевозможных ужасающих форм. И все это стонало, плакало, пело жалобным голосом, молило «милостивых благодете-

¹ В сентябре 1911 года отец Сергей в составе группы представителей Поволжья присутствовал на торжестве прославления святителя Иоасафа Белгородского.

лей» подать копеечку, сжалиться над их действительно ужасной долей.

Нас пропустили за стены монастыря и нашим глазам представилась такая картина: народная толпа живым тройным кольцом окружала собор, где в небольшой подземной пещерке почивал Святитель, и стояла эта толпа покорная, тихая, благоговейно настроенная; у каждого в руке была трудовая свеча, которую каждому хотелось самому донести до гробницы Святителя и там положить у его подножия. Долгое, томительное ожидание! Говорили, что очередь приложиться к святым мощам приходила через 8-10 часов. Но и это долгое стояние, по крайней мере, – с надеждой достигнуть пещеры и поклониться святым останкам Угодника Божия, было счастьем для проникнувших за монастырскую стену, так как большинство простого народа в эти дни не имело и этой возможности.

Ранняя обедня в небольшом приделе, устроенном над самой пещерой, подходила к концу, когда мы в первый раз спустились ко гробу Святителя. Пели запричастное, как сейчас помню, ирмос из канона Великой Субботы: «Ужаснися бояйся небо...» Известно, что и вообще-то невозможно без глубокого сердечного волнения слышать эти дивные песнопения, а в этой исключительной обстановке в особенности: радость от сознания, что мы у цели своего паломничества, грусть от сознания своей греховности, и вообще какое-то неопишуемое чувство охватило сердце, когда мы по ступеням небольшой лесенки стали спускаться в пещеру.

Масса свечей и лампад заливали своим светом большую пещерку. Мы увидели стоящий вдоль стены открытый гроб и в нем покрытые святительскими одеждами нетленные останки святителя Иоасафа. Возвышающаяся в изголовии митра, прикрытое воздухом лицо, сложенные на груди руки – все это производило впечатление, как будто Святитель только вчера опочил, и что его нетленное тело не 157 лет тому назад, а только недавно положили в этот гроб. В глубоком волнении опустились мы на колена перед этой драгоценной гробницей и с умилением облобызали нетленные мощи Святителя. Монах, стоявший у изголовья, принял наши иконы, крестики и другие вещи, которые мы приобрели на память о Белгороде, и благоговейно прикоснулся ими к святым мощам, а так же снабдил нас ватой из гроба, которую богомольцы берут как святыню, как благодатное средство врачевания от разных болезней.

В ожидании поздней литургии мы остались тут же, в соборе, осматривали драгоценную раку, приготовленную для святых мощей; здесь же, в особо устроенном шкафу, находились ризы, в которых почивал святитель в продолжение 157 лет – они не только не истлели, но не изменили даже своего первоначального цвета. Подрясник был, очевидно, ватный, – вата не сохранилась, а сама материя осталась целой. Туфли, расшитые золотом по бархату, выглядели, как новые. Все эти вещи, повторяем, покоились в течение 157 лет на теле Святителя в темном гробу, в холодной сырой пещере и тление не коснулась их.

Затем началась поздняя заупокойная литургия, которую совершал епископ Рыльский Никодим, произнесший чудное слово, посвященное памяти Святителя. «Еще немного, – говорил Владыка, – и опустеет та пещерка, в которую в продолжение многих лет стекались труждающиеся и обремененные разными душевными и телесными недугами. Скоро звуки заупокойного пения о Святителе сменяться торжественным величанием его, как Угодника Божия». В заключение Владыка приглашал помолиться о святителе Иоасафе и его родителях – болярах Андрее и Марии, так как святитель Иоасаф, являясь многим верующим, открывал им, что ему приятна молитва за его родителей, и что в своих молитвах к Богу он не забудет этих людей.

Но из всех заупокойных богослужений особенного внимания заслуживает всеобщее бдение «по парастасу» со второго на третье сентября. Многочисленный сонм архипастырей, заупокойный характер богослужения, дивные мотивы похоронных песнопений – все это умиляло и трогало душу, как в страстные дни Пятка или Субботы. Пение же «непорочных» с их волнующими душу припевами, с их умирительно-трогательными тропарями, – это было что-то для нас неслыханное, чарующее, невольно заставившее забыть все земное и отдаться во власть охватившего нас святого настроения, во власть этих дивных звуков никогда не слышанного пения...

Наступило утро 3 сентября. Это был последний день заупокойных богослужений. Доступ в монастырь для

поклонения Святителю с раннего утра был закрыт, потому что в этот день предполагалось переложение святых мощей в новый кипарисовый гроб. С большим трудом мне удалось проникнуть рано утром за стены монастыря в то время, когда в маленькой церкви над пещерой шла ранняя литургия. Это были самые отрадные, самые незабвенные минуты моего пребывания в Белгороде: за отсутствием народа доступ в пещеру был совершенно свободный, она была пуста; можно было постоять, помолиться и даже, к моей неопишуемой радости, явилась возможность отслужить заупокойную литию, находясь у гроба с мощами в такой близости, о какой я и не мечтал.

Между ранней и поздней литургиями шли приготовления к переложению святых мощей, и нас, присутствовавших в соборе священников, попросили перенести из алтаря тот кипарисовый гроб с крышкой, в котором почивают теперь мощи Святителя. И когда мы опять спустились в пещеру, поставили гроб на уготованное место и хотели последний раз поклониться святым мощам, иеромонах снял покровы, которыми были покрыты руки Святителя, и вот тут-то мои грешные очи узрели его нетленную десницу, а мои грешные уста облобызали ее.

После поздней литургии и Великой панихиды Московский митрополит и высшее духовенство спустились в пещеру, святые мощи были переложены ими в новый кипарисовый гроб и замкнуты ключом, который был передан ключарю собора.

В шесть часов вечера раздался благовест к торжественной всенощной, но мы, к великому нашему сожалению, были предупреждены, что в собор без особых билетов от господина губернатора пущены не будем. Горько было заранее мириться с таким положением, но мы утешали себя тем, что увидим хотя бы крестный ход со святыми мощами, который должен был после литии пройти вокруг собора и войти во всенощную. Кончился звон, перед нашими глазами закрылись двери собора и никакие наши протесты и просьбы к полиции и полицмейстеру успеха не возымели. Но вот запели литийные стихиры, западные двери открылись, духовенство во главе с митрополитом подняло из пещеры гроб со святыми мощами и под сенью рипид и хоругвий понесло его вокруг собора. Загорелись свечи в руках богомольцев, загудел торжественный перезвон колоколов, послышались глубокие вздохи и восклицания: «Святитель Иоасафе, моли Бога о нас!». Крестный ход вернулся в западные двери, и снова эти двери закрылись. Только счастливый случай помог нам, – некоторым священникам, натолкнуться на боковой алтарный вход и совершенно неожиданно для самих себя проникнуть в самый алтарь, притом в тот самый момент, когда духовенство облачалось и готовилось к выходу на середину храма для величания.

Гроб со святыми мощами стоял посредине храма, по бокам его в блестящих золотых ризах встало духовенство. Митрополит открыл крышку гроба, два священнослужителя отнесли ее в алтарь, и вся церковь, как

один человек, опустилась на колена. Священнослужители запели величание Святителю, на первом же слове его подхватили голоса всех присутствовавших и своды белгородского собора, как победным торжественным гимном, огласились пением этого первого величания Святителю Иоасафу. Минута была потрясающая. Что-то пасхальное, победное, радостное чувствовалось в сердце, каким-то особенным восторгом сияли лица, у многих на глазах блестели слезы радости и умиления.

Я стоял и просто себе не верил: не сон ли видится мне? Неужели я в Белгороде, на таком дивном и редком торжестве, да еще в том самом алтаре, где этот прославляемый нами Святитель когда-то, давно-давно, приносил бескровную жертву? И это был не сон, а действительность, которой не забыть мне никогда! До сих пор на память об этой незабвенной минуте у меня хранится, как дорогая святыня, та восковая свеча, которая горела в моей руке во время обнесения святых мощей вокруг собора и во время пения первого величания Святителю...

Кончилась всенощная и мы сумели пройти из алтаря на середину храма для поклонения святым мощам. Святитель лежал в гробу, будто недавно почивший, под легкой тканью на лице можно было видеть все очертание человеческого лица, на главе блестела архиерейская митра, на груди возвышались сложенные нетленные руки, и можно было подумать, что мы присутствуем на погребении и даем «последнее целование» умершему, но светло-торжественная обстановка и радостные лица

кругом говорили не о смерти и печали, а о воскресении, о нетлении праведных и их вечной славе.

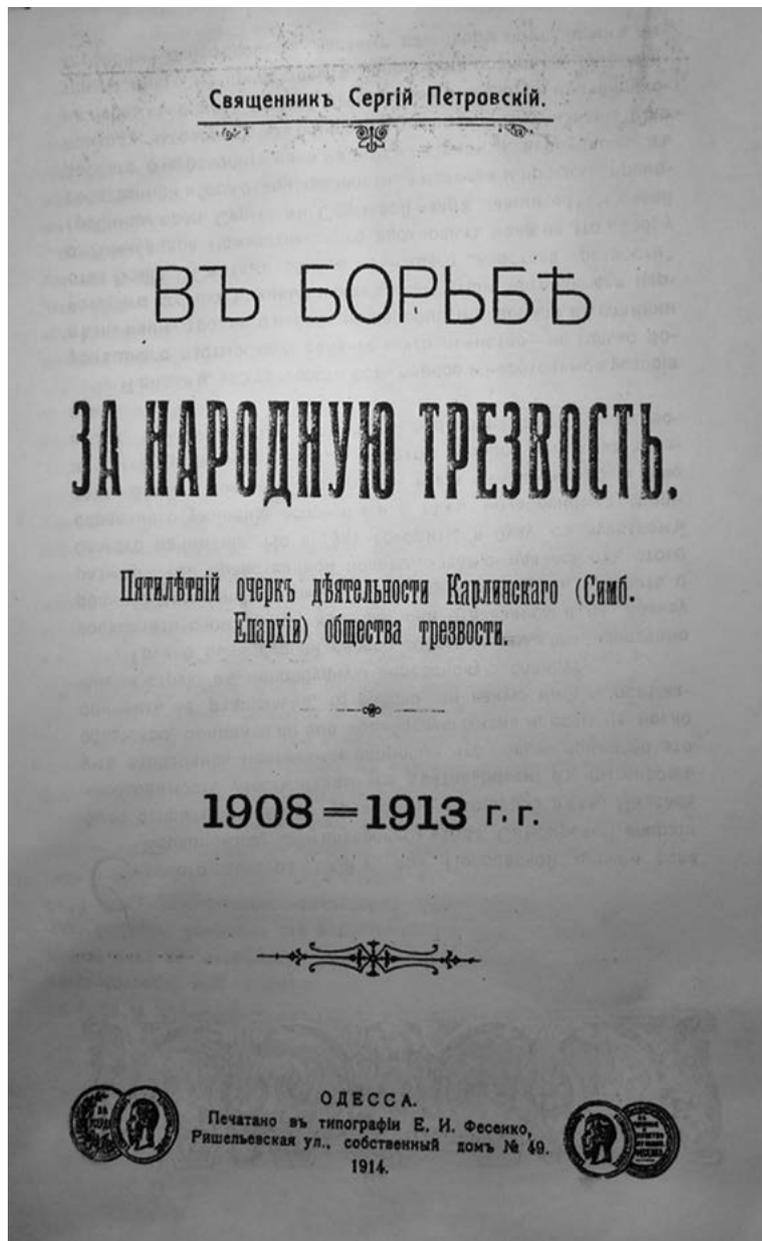
Было около одиннадцати часов ночи, когда мы выходили из собора. За монастырской стеной была неслетная масса людей. Пошел сильный дождь, но эта религиозно настроенная толпа не смутилась тем, что промокнет до костей, а покорно осталась ожидать радостного утра, когда должно было совершиться обнесение святых мощей вокруг монастыря и, следовательно, являлась надежда хоть издали увидеть их и поклониться гробу Святителя.

Когда я проходил по слабо освещенной улице города, направляясь к своей квартире, то долго не мог прийти в себя после пережитых сильных впечатлений и высокого подъема духа. В глазах все еще мерцали горящие свечи и, как наяву, стоял в воображении гроб с мощами Святителя, а в ушах раздавалось пение дивного святительского тропаря: «Святителю Христу Богу возлюбленне, правило веры и образ милосердия людем был еси»... И думалось мне: может быть, давным-давно вот этой же темной улицей и этой же самой тропой шел переодетый, никем незамечаемый, Святитель Христов Иоасаф и в своих святых руках нес свою щедрую милостыню куда-нибудь на край города, в убогую сиротскую лачугу или в мрачную городскую тюрьму. Но не скрылся свет добрых дел его пред очами человеческими: больше чем полтора века прошло с того времени, когда жил Святитель, многое из человеческих деяний забылось и стерлось за это продолжительное время с

жизненных страниц, но не забылись добродетели святителя Иоасафа: за далью почти двух столетий они так же ярко, как и при жизни, сияют теперь от гроба его. И изливаются благодеяния и милости на всех с верою и любовью просящих его помощи, на всех страдающих и обремененных всякими недугами, на всех отягченных грехами многими...

«Святителю Христу Богу возлюбленне, правило веры и образ милосердия людем был еси, бдением же, постом и молитвою яко светильник пресветлый просиял еси, и прославлен от Бога явился еси: телом убо в нетлении почивая, духом же престолу Божию предстоя, чудеса преславные источаеши. Моли Христа Бога, да утвердит отечество наше в православии и благочестии и спасет души наша.» (Тропарь).

1911 год

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ

Седьмого декабря 1908 года при Покровской церкви села Карлинского, Сенгилеевского уезда, Симбирской епархии было открыто Общество трезвости. Прошло пять лет. Явилась необходимость учесть плоды его деятельности. В пытливом уме зародились неотвязные вопросы: что пользы принесло это Общество, обновило ли оно приходскую жизнь и, если не могло обновить ее радикально, то внесло ли какую-нибудь освежающую струю в непробудную деревенскую спячку?

Трудно быть судьей своего собственного дела, преступно восхвалять свои труды, хотя бы они отдавались и на пользу родного деревенского люда, и потому я не берусь говорить о размере той нравственной пользы, какая ожидалась от этого благого начинания. Но я буду говорить, я буду с чувством сердечного умиления вспоминать о тех незабвенных минутах, о святых восторгах, какие выпали на долю мою и моих трезвенников при открытии нашего Общества трезвости, и о некоторых моментах его пятилетнего существования.

Я видел, что трезвость есть первое и необходимое условие успешного пастырского делания, и что пьянство – не только болезнь нашего родного народа, но и вообще мировое зло, в пламени которого сгорают живые человеческие души, погибая для царства Божия. Светлый образ почившего «апостола трезвости»

о.Александра Рождественского¹ вдохновил меня на это дело; у гробницы Преподобного Сергия в Сергиевой Лавре дав обет своей собственной абсолютной трезвости, я молился и просил Преподобного благословить меня на этот подвиг и, вернувшись в приход, заговорил об обществе трезвости. Это название было на первых порах одним звуком, ни смысла, ни значения которого никто не представлял. Церковная проповедь, внебогослужебные собеседования, частные разговоры помогли мне выяснить и внедрить в сознание моих прихожан понятие об обществе трезвости и его благой цели.

Приближался престольный праздник в нашем приходе (6 декабря). А кому не известно, как проводятся в деревне дни престольных праздников? Все безобразия, все бесчинства, на какие только способен русский человек, все это позорной чередой проходит на ярком фоне престольно-праздничных дней. Мне казалось, что почва для нового дела готова, и в самый день престольного праздника я сделал последний решительный шаг, в своей речи прямо пригласив к открытию давно желанного Общества трезвости.

Я говорил: «День престольного праздника всегда бывает в нашей жизни днем радости, днем утешения и днем отдыха от обыкновенных наших трудов и забот. Приятно и отратно видеть в этот день в храме такое большое число молящихся, отратно приветствовать свою дорогую паству, собравшуюся сюда на духовный

¹ Рождественский Александр Васильевич (1872-1905), священник, основатель Александро-Невского общества трезвости в С.-Петербурге.

пир, на пир нашей веры, на наше радостное церковное собрание. На этот радостный пир нас пригласил не простой человек, даже не Ангел небесный, а Сам Царь царей, Сам Владыка вселенной. На праздничной трапезе Своей Он предложил нам «хлеб небесный», питием же Его была «чаша жизни», вкушая которых мы видели, как благ и добр Хозяин этого духовного пира. Радуюсь, мы пели церковные песни и, благодаря Его, мы возносили Ему хвалебные гимны. Как хорошо, как прекрасно-трогательно было это торжество, как радовалась душа, чувствуя свое общение с Богом, как восторженно билось сердце! В молитвенном восторге мы забыли всякое житейское попечение!

Но мы, возлюбив, надолго ли удержим в себе эти, только что пережитые нами, святые чувства? Надолго ли мы «отложили всякое житейское попечение»? – Нет, ненадолго. Сейчас мы разойдемся по домам и там встретим не только обычную житейскую суету, но хуже того: мы бросимся в объятия праздничного разгула и обычной праздничной беспечности и лени. Так велось у нас искони: так шумно, пьяно и весело проводили престольные праздники наши деды и отцы, так проводим святые дни и мы, никогда не задаваясь вопросом: хорошо ли, по-человечески ли, по-христиански ли проходят у нас эти дни? Справедливость требует сказать, что никогда мы не предаемся большому невоздержанию и необузданности, как в дни престольных праздников. Шумная беседа, непристойная речь, пьяная ссора – вот их обычное «украшение». Да и вообще тяжело

и грустно описывать картину препровождения у нас праздничных дней: так много мерзкого, так много непозволительно-грубого творится у нас, что, по слову апостола, «срамно есть и глаголати»... И все это зло, вся эта некрасивая картина нашего поведения в дни святых праздников происходит от одного источника, от одной известной причины, которой имя – пьянство. Правда, все мы сознаем гибельность пьянства и страшный вред его последствий, но в нас недостает решимости вступить в борьбу с этим злом. Мы так привыкли к нему, что провести, например, престольный праздник без вина, или отпраздновать свадьбу без этого одуряющего напитка мы и представить себе не можем. Но, между тем, это не только возможно, но и должно: это требует наше высокое христианское звание; от пьянства грозно предостерегает нас и святой апостол, говоря, что пьяницам закрыты двери райского блаженства, что «пьяницы царства Божия не наследуют». И вот в настоящий торжественный и святой день нашего престольного праздника я, ваш недостойный пастырь, вышел умолять вас, возлюбленные мои, о новой, лучшей, трезвой жизни, необходимой для спасения наших душ.

До тех пор, пока мы не начнем борьбы с нашими греховными привычками, они все равно будут бороться нас, одолевать и вести к краю гибели. Пока мы не объявим борьбу нашей нетрезвости и нашему праздничному разгулу, до тех пор бес пьянства будет владеть нами и туманить наши головы в дни святых праздников. Нет, да не будет этого!.. Оставим нетрезвость, возненави-

дим разгул, объявим войну праздничному бесчинству, и жизнь наша, спокойная, трезвая, чистая будет примером для людей и радостью для Ангелов. Но хорошо, с одной стороны, говорить слова и трудно бывает приняться за дело. Так в большинстве у нас и происходит: бываем в храме, слушаем поучения, вздыхаем, иногда даже слезы показываются на наших глазах, но это только в храме. По приходе же домой – снова за прежнее – снова мир со своей суетой запутывает нас в свои сети, и мы снова бессильно и безвольно отдаемся во власть греха. Так будет, наверное, и в настоящий раз: вот говорим мы о трезвости, о достойном проведении наших праздников, но, по всей вероятности, и нынешний праздник пройдет, как и тысячи подобных ему...

Но на сей раз мне хотелось бы самым делом побороться за трезвость, за исправление нашей жизни. И вот для этой цели Бог вложил мне мысль открыть здесь общество трезвости, какое, с благословения Божия, я и намерен открыть завтрашний день (7 декабря) в этом святом храме.

Завтра, часу во втором дня, колокол возвестит вам, что здесь зарождается разумное, доброе дело борьбы с народным пьянством, с этим ненавистным недугом, который немало повысушил крови народной и заставил пролить много-много безутешных слез. Я буду ждать, что церковный благовест не замрет без ответа в нашей веси Карлинской, и на его зов соберетесь вы все: мужчины и женщины, пьющие и непьющие, одним словом - все, сочувствующие народной трезвости и за-

ботающиеся о благе народном. Здесь мы помолимся Господу Богу и перед святым Его Крестом и Евангелием дадим обещание не пить ничего хмельного: кто на всю жизнь, кто на один только год... Мне думается, что с радостью встретится вами это мое доброе начинание, так как я уверен, что русский народ, как бы глубоко ни падал, до какой-бы греховной грязи себя не доводил, все же тоскует по Божией правде, по честной трезвой жизни, по жизни по-Божьему.

Итак, идем же, возлюбленные, на святую борьбу, украсим себя честным и почетным названием трезвенников, а наши имена воинов, сражающихся за трезвость, будут за каждой праздничной литургией поминаться у святого престола. Жду, верю, что не замрет мой призыв среди вас без ответа, и завтра, по зову колокола, вы поспешите сюда на открытие общества трезвости». (Поучение, произнесенное 6 декабря 1908 года).

Тревожно занялась для меня заря следующего за этим призывом дня. А что, думалось мне, если этот мой призыв останется гласом вопиющего в пустыне? Что будет со мной и моими мечтами об обществе трезвости, если не отклик, а хохот будет ответом на мое приглашение? Я волновался, страдал, будучи подавлен неизвестностью. Но слава и благодарение Господу Богу! Случилось то, что даже превзошло мои ожидания: по звону колокола собралась в храм большая толпа народа, хор учеников второклассной школы прекрасно пропел молебен Святителю Николаю и Преподобному Сергию (небесным покровителям нашего Общества трезво-

сти), было произнесено установленное клятвенное обещание и ко Кресту и Евангелию подошло 105 человек крестьян. Всех охватило какое-то радостное, праздничное настроение, приветствовали меня, приветствовали друг друга. Признаюсь, это была одна из счастливейших минут моей жизни – начало было положено. Но я сознавал, что это только заря новой жизни, светлый день еще далеко впереди.

Было понятно, что новые трезвенники нуждаются в руководстве, в укреплении их на новом пути: они, как начинающие ходить дети, еще неуравновешенны, неустойчивы и им необходимо было внушить, какой важный обет дали они. Большую услугу в этом случае оказали мне книжечки и брошюрки, выписанные со склада Александро-Невского общества трезвости в Санкт-Петербурге.

Содержание их, вполне доступное для народа, било как раз в намеченную цель и помогало, таким образом, популяризовать идею трезвости в самых широких размерах.

С церковной кафедры я не переставал с особенной настойчивостью внедрять эту идею моим прихожанам и с нетерпением ожидал наступающего великого праздника Рождества Христова, когда большое стечение народа в храме даст мне возможность высказаться по животрепещущему вопросу с большей уверенностью и обстоятельностью. Так и случилось. Я воспользовался рождественской темой о мире на земле для того, чтобы сказать в своей проповеди, что

мир на земле достигается мирным, трезвым и нравственным поведением.

«Надо утвердиться на нашем пути трезвости, – говорил я, – надо уклоняться от всех соблазнов к нетрезвости, какие могут встречаться, надо заполнить свой досуг трезвым хорошим чтением, надо хорошую книгу сделать своим другом, своим собеседником. Мужайтесь же и крепитесь, дорогие мои трезвенники! Наше дело высокое, наша борьба святая и похвальная. Пусть же родившийся Спаситель поможет нам в нашей новой и трезвой жизни, пусть укрепит нас в ней и пошлет нам тот «мир и благоволение», о котором пели Ангелы в ночь Его святого рождения». (Слово на Рождество Христово, 1908 г.).

Таким образом, желанная мечта осуществилась, Общество трезвости было открыто, идея трезвости сделалась (в то время) доминирующей и в церковной проповеди, и во внебогослужебных беседах, и в частных разговорах. Термины «общество трезвости», «трезвенник» стали ходячими среди населения. Закипела святая работа, коснулось слово живое струн народного сердца, и начали они долго и гармонично звучать, заглушая святыми звуками неба грешные песни земли...

Записавшиеся трезвенники строго хранили свои обеты, а особенно важно было, что обещание трезвости дали несколько лиц, которых прежде почти каждый день можно было видеть выпившими, а каждый базарный день – непременно валяющимися под забором. Они-то и создали популярность обществу трезвости,

на них-то, как на наглядных примерах, скептики увидели, что вновь основанное дело не есть какая-нибудь досужая выдумка, а дело, благие результаты которого являются для всех очевидными.

Для всех было необыкновенно трогательно наблюдать, как эти «бывшие люди» как бы переродились, совлеклись своего «ветхаго» пьяного человека и облеклись в нового, трезвого, благообразного. Их видели в церкви, чинно простаивавшими церковные службы, чего раньше не было. Их видели у Святых Таин исповеди и причастия, тогда как до того времени они целые годы не исполняли этого христианского долга. По праздничным вечерам их видели мирно беседующими у своего домика со своими семействами, тогда как в прежнее время эти семейные разбегались кто куда, завидев своего отца, в буйно-пьяном виде возвращающегося к семейному очагу.

Среди видных представителей Общества трезвости стало высказываться желание придать Обществу правильную организацию, санкционированную епархиальной властью. Был составлен устав и представлен на утверждение начальству. Указом Симбирской Духовной Консистории от 19 марта 1909 года за № 3646 Общество трезвости официально было признано открытым, копия его устава за надлежащими подписями была возвращена Обществу. Десятый пункт этого устава предписывал, что делами его управляет совет под председательством приходского священника, из пяти членов Общества, избираемых на общем собрании.

И вот, 12 апреля общее собрание трезвенников впервые собралось для избрания членов совета и на этом же собрании был поднят вопрос о том, чем бы ознаменовать открытие Общества. Тут же решено было приобрести в храм икону-хоругвь с изображением на ней небесных покровителей – Святителя Николая и Преподобного Сергия и с соответствующей надписью.

Благодаря добровольным пожертвованиям трезвенников и других добрых людей скоро образовалась сумма в 200 рублей и на эти деньги была приобретена прекрасная металлическая вызолоченная (с эмалью) хоругвь с изящной пропиленной надписью: «В память открытия Карлинского общества трезвости. 1908 год».

День освящения этой хоругви был настоящим светлым праздником для трезвенников. В храме собралось много народа: тут были и трезвенники, и просто молящиеся, и даже раскольники со своим настоятелем, пришедшие поинтересоваться происходящим. Эти последние далеко несочувственно и недружелюбно поглядывали на совершающееся перед их глазами. Укоры в пьянстве и в происходящих от него пороках – это их обычные укоры по адресу как духовенства православного, так и мирян. А тут вдруг видят они праздник во имя трезвости, огромную толпу, собравшуюся на освящение иконы-хоругви, этого священного знамени сплотившейся трезвеннической рати. Но насколько сильно кипели чувства досады, ненависти и злобы в сердцах раскольников, настолько тепло, торжественно и отрадно было в наших сердцах. Подъем духа был, ка-

жется, выше даже, чем при открытии общества, потому что дело трезвости за это время ушло далеко вперед, общество приобрело много новых членов и заняло себе почетное место в сознании прихожан.

Хоругвь была поставлена в храме на почетное место, впереди нее – аналой с Крестом и Евангелием и подсвечник с негасимой лампадой. Это место и до сих пор окружено ореолом особого почитания трезвенников: на подсвечнике в праздничный день всегда можно видеть свечи, поставленные их благодарною рукою, а перед аналоем новые трезвенники приносят свой торжественный трезвеннический обет.

Но не остановилась религиозная мысль трезвенников на сооружении одной только этой хоругви. На одном из собраний мной был поставлен вопрос о желательности приобретения иконы покровителя нашего Общества трезвости – Преподобного Сергия Радонежского, так как его иконы в храме не было, кроме изображения на обратной стороне хоругви. Предложение было с восторгом принято, и в короткий срок было собрано до 80 руб., на какую сумму и заказана была икона в Троице-Сергиевой Лавре с непременным условием освящения ее на святых мощах Преподобного Сергия. Это теперь наша драгоценная святыня, перед которой мы в чувстве сердечного умиления преклоняем колена и просим небесной помощи в нашей святой и благородной борьбе за трезвость.

Итак, количество трезвенников, начавшись со 105 человек, постепенно в течение года возрастало и к кон-

цу первой своей годовщины достигло 175 человек. «Сто семьдесят пять человек, – скажем мы словами московского святителя, – это не много, если мы представим себе, сколько народу страдает у нас от пьянства. Но этого довольно и не мало, если мы посмотрим на это при свете слов: «кто обратит хотя одного грешника от его заблуждения, тот спасет его душу от смерти и покроет множество грехов». «Сто семьдесят пять человек – это не много при обилии у нас страдающих от алкоголя, но совершенно достаточно для того, чтобы убедить нас, что Господь не оставляет без благословения труды нашего юного общества и тем поощряет нас к борьбе с исконным и опасным нашим врагом». (Церковные Ведомости, 1909, № 43, стр.2004).

И Господь благословил это святое дело: когда минул второй (1910) год существования Общества трезвости, к концу его в Обществе насчитывалось свыше 400 членов-трезвенников. В высшей степени отрадным был этот истекший год как в смысле успешного роста количества трезвенников, так и в смысле улучшения приходской жизни вообще.

Никому не секрет, насколько пагубно влияет пьянство на нравственную жизнь народа, как под его влиянием растлеваются добрые нравы, до каких чудовищных нравственных падений доходит пьяница. Не найдется достаточно слов на языке человеческом, в которых можно было бы изобразить весь ужас, всю страшную пагубу и все безысходное горькое горе, какие рождаются от пьянства. От него – ссоры, драки, убийства, в нем

несчастье семьи, разорение ее, нищета. Нет в доме пьяницы светлых радостных праздников, нет тихого семейного счастья, – там одно безысходное горе, там без конца неутешные слезы.

Гаснет от пьянства здоровье, тают, как воск от огня, крепкие силы, сохнет могучая, крепкая грудь и страшный призрак преждевременной смерти протягивает к пьянице свои костлявые руки. Страшна и смерть грешника-пьяницы, горьки его последние минуты прощания с загубленной им самим жизнью!

Вот и нужно было нашему простому народу открыть глаза на этот ужас, надо было указать ему на ту пропасть, в какую он с закрытыми глазами идет. И как раз эту цель преследовало Общество трезвости. Оно последовательно, настойчиво, быть может, для некоторых и надоедливо, твердило об одном: пьянство – гибель, пьянство – величайшее зло, пьянство – преждевременная могила, а трезвость – покой, блаженство, счастье, спасение... И постепенно, незаметно влияние Общества трезвости воцарялось над жизнью прихода. Во-первых, оно вырвало из пасти «зеленого змия» нескольких отчаянных приходских пьяниц, а затем завербовало 400 таких трезвенников, которые сделались глашатаями, проповедниками трезвости и словом и примером своим. Все же прочие так или иначе стали прислушиваться к речам трезвенников, в присутствии которых как-то смолкала, стушевалась самая развязная речь какого угодно поклонника спиртных напитков. Вот так, понемногу, и создавалось то желанное положение вещей, какое мы имеем счастье

наблюдать в настоящее время: престольные праздники без открытого пьянства, шума и буйства и пресловутая «масленица» без тех диких языческих оргий, какими позорна и бесстыдна, обыкновенно, бывает она.

По-прежнему Общество шло к своей цели путем религиозным, связывая вступающих на путь трезвости установленным обещанием, которое одно только и способно поднять упавшего, но хоть мало-мальски верующего человека.

Были, правда, в истекшем (1910) году и нарушения трезвеннических обетов, но зато какие трогательные раскаяния вызывали они! Один, например, явился в полное собрание трезвенников (в храме) и на коленях умолял принять его обратно в Общество трезвости, а еще двое нарушили свой обет далеко, на чужбине (в Сибири), куда они отправились на заработки. Кто бы мог узнать секрет нарушенной клятвы? Чужая далекая сторона схоронила бы его и нарушители открыли бы его только духовнику на исповеди. Но страшный человеческий судья – совесть не всегда входит в компромиссы с грешной человеческой душой. Так было и в данном случае. Совесть замучила нарушителей. Они начали писать на родину письма: пишут отцу-председателю Общества, пишут родным, знакомым, сознаются, просят, молят о прощении. Отец-председатель, отвечая, между прочим, настойчиво советует им немедленно обратиться к ближайшему по месту жительства священнику и ему, как духовнику, открыть грех, так тяготеющий над их совестью. Это ими немедленно

исполняется и, извещая отца-председателя о том, что с раскаянием вернулся к ним мир их совести, они при письме прилагают удостоверения их отца-духовника.

Вот факт, который говорит сам за себя, – что много доброго еще можно сделать при чуткой, еще не совсем выжженной, совести нашего православно-верующего человека.

Принятие в Общество трезвости в 1910 году совершалось некоторым торжественным образом: в праздничный день, после вечернего богослужения, совершался молебен (часто с акафистом) Святителю Николаю и Преподобному Сергию. За молебном, обычно, пели все присутствовавшие; в конце молебна – увещание вступающим в Общество и затем – клятвенное обещание, при котором новые трезвенники получали в благословение образки Святителя Николая и Преподобного Сергия, печатный устав Общества, брошюры с увещанием к трезвости и так называемую «обетную грамоту».

Нельзя обойти молчанием одного необычайно отрадного факта, совершиться которому суждено было по инициативе руководителей Общества трезвости. В нашем селе умер один крестьянин, оставив после себя четверых детей, из которых самой маленькой было около пяти-шести лет. А еще раньше умерла их мать и двадцатилетний старший сын. В нашем селе они были пришлые и не имели не только никого родных, но даже собственного родного угла. И вот, по смерти родителей и старшего брата, остались эти сироты голодные, хо-

лодные, одинокие и без крова. Нашлись добрые люди, поразобрали тех, которые постарше, а самая маленькая девочка – кому она нужна? И нужда выбросила ее прямо на холодную улицу. Целый год скиталась так малютка, не имея, где склонить свою маленькую головку, и наконец ее взяло под свое покровительство Общество трезвости, которое собрало посильную сумму денег, одело ее, обуло и поручило одной крестьянке, обязавшись платить ей за содержание девочки 3 рубля в месяц. А затем, узнав об этом через корреспонденцию «Колокола» (№ 1323), одна благотворительница-помещица взяла ее на воспитание к себе.

Итак, сделано великое доброе дело, совершен поучительный подвиг христианского человеколюбия, но еще более приятно и отрадно сознавать, что почин и первая лепта на это доброе дело вышла от Общества трезвости. Хотелось бы и на будущее время не дать заглухнуть этой благотворительности, чтобы любовь, доверие и расположение к нашему Обществу помогали ему совершать его созидательную работу.

1911 год

7 декабря 1911 года исполнилось ровно три года, как начало функционировать Карлинское общество трезвости. Срок как будто бы и небольшой, пройденный путь еще слишком короток, чтобы оставить за собой какой-нибудь заметный след. Но за этой небольшой далью скрыто немало трудов и волнений, немало всякого рода неудач и страданий.

Вспоминается первый год, когда приходилось идти целиной, не видя перед собой ни просвета, ни дороги, ни даже тропинки, когда кругом слышались скептические замечания, виделись недоверчиво улыбающиеся лица, когда от одиночества становилось страшно, то скливо и жутко, как будто темною ночью в лесу.

Вот второй год жизни Общества... Горизонт начинает проясняться, проложенный путь делается заметнее, полеты юных крыльев делаются смелее и выше.

А вот и третий год, о котором будет наша речь, и описание которого должно войти в историю существования нашего Общества трезвости. Без натяжки, без преувеличения можно сказать, что 1911 год был годом пышного расцвета трезвеннической работы, годом массового вступления новых трезвенников, годом торжества и победы трезвеннической идеи над мраком непробудного народного пьянства.

Вспоминается мне, как при открытии нашего юного Общества, обращаясь к новым трезвенникам с увещанием твердо стоять на избранном ими пути, я говорил, что заря трезвой жизни только еще начинается, трезвый же день далеко впереди. Но теперь, после третьей годовщины, можно без преувеличения сказать, что солнце трезвой жизни возшло довольно высоко и своим благодатным и ласкающим светом осветило и согрело целые тысячи людей, если к количеству самих трезвенников прибавить их замученных жен и забитых, запуганных детишек.

В течение этого года (с 7 декабря 1910 г. по 7 декабря 1911 г.) новых трезвенников было принято 950 человек.

Говоря о заслугах и деятельности нашего общества, мы далеки от мысли что-нибудь из сделанного приписать себе, своим силам, своему немудрому уменью. Мы верим в непреложность слов Спасителя: «Без Мене не можете творить ничесоже» (Иоан.15,5) и сознаем, что не мы, не мы, а благодать Божия, сила Божия, в наших немощах проявляющаяся, творила и создала это святое дело. Мы только радовались и утешались плодами этой работы; мы видели престольные праздники без открытого пьянства и буйства, пресловутую масленицу без пьяных и бесстыдных оргий, деревенские «помочи» без капли вина. А жены, а дети прежде пьяных мужей и отцов? Благодарный взгляд их, смело и бодро поднятые головы говорили сами за себя! Радовались и сами трезвенники своей разумной трезвой жизни. Чужие из сел своих писали благодарные письма, из которых некоторые способны были трогать нас едва не до слез.

Свет трезвеннического горения не остался незамеченным для окружающих нас селений и их пастырей, которые, ободренные нашим примером, сами поднимали знамя трезвости и шли с горячим призывом в темную народную толпу.

Чтобы не быть в сказанном голословными, мы можем сослаться на статью в Симбирских Епархиальных Ведомостях священника И.Д.Григорьева (15 октября 1911 г.), который открыто перед всеми заявляет, что именно пример нашего Общества вдохновил его на открытие такого же у себя в селе. Запрашивали об организации нашего Общества трезвости и другие священники, и не только из нашей епархии. И всем во-

2

Списокъ

членовъ Карлинскаго Общества трезвости, открытаго 7 Декабря 1911 г. при Покровской церкви в Карлинском, Вяткинскаго уѣзда.

Имена и фамилии трезвенниковъ.	Время вѣста трезвости.
Священникъ Сергей Петровский	позжеугодно.
и о помочи отъ Дмитрия Архиповича	на бракъ званый при Покровской церквѣ в Карлинскомъ уѣздѣ на три года.
Василий Пудовкинъ	на три года
Андрей Горюновъ	на три года
Иванъ Кавра	позжеугодно.
Евдокимъ Курочкинъ	позжеугодно.
Михаилъ Валентиновичъ	на одинъ годъ.
Александръ Индюковъ	на одинъ годъ.
Василий Сивовъ	на пять летъ.
Иванъ Пироговъ	на три года.
Симеонъ Воскобойниковъ	позжеугодно.
Михаилъ Кокуриновъ	позжеугодно.
Павелъ Абухвиль	на одинъ годъ.
Андрей Шелудяковъ	позжеугодно.
Иванъ Архиповъ	на одинъ годъ.
Андрей Чухинъ	позжеугодно.
Василий Курочкинъ	на одинъ годъ.
Василий Гостушевъ	на одинъ годъ.
Иванъ Копыловъ	на одинъ годъ.
Алексей Сивовъ	позжеугодно.
Петръ Кларинковъ	на одинъ годъ.
Иванъ Сиваровъ	на одинъ годъ.
Степанъ Косовъ	на одинъ годъ.
Симеонъ Спиридоновичъ	на три года.
Александръ Бонучинъ	на десять лѣтъ.
Михаилъ Голубевъ	на пять лѣтъ.
Андрей Горюновъ	на одинъ годъ.
Павелъ Кокуриновъ	на три года.
Петръ Сиваровъ	позжеугодно.
Василий Волковъ	на одинъ годъ.
Михаилъ Зиничевъ	на одинъ годъ.
Александръ Горюновъ	на одинъ годъ.
Михаилъ Абухвиль	на одинъ годъ.
Михаилъ Сивовъ	на одинъ годъ.

В списке карлинских трезвенников первый - священник Петровский

прошающим мы с великой охотой раздавали печатные уставы, издаваемые нами брошюры и другие материалы, какими располагаем мы при нашей работе. Кстати, об изданных нами листках с призывом к трезвости: таковых в течение отчетного года было отпечатано 4000 экз. и все они бесплатно были розданы народу.

Насколько эта раздача желательна и полезна в целях проповеди трезвости – доказательством сему может служить письмо ко мне господина сенгилеевского исправника, который просил меня выслать ему этих листков для раздачи членам полиции, что мной с удовольствием и было сделано.

Но, конечно, среди этой отрадной работы были и огорчения, вызывавшие острую сердечную боль, – было несколько случаев нарушения трезвеннических обетов. У одних случаи такого падения вызывали чувство искреннего раскаяния и заслуживали полного снисхождения и прощения, но два случая привели нас к сознанию, что бывают личности, для которых не существует никаких мер нравственного воздействия, и их сожженная совесть глуха и к клятвам, и к слезам голодных и холодных их детей и нечувствительна к человеческому позору. Значит, все в них убито алкогольным ядом и в их «злохудожную душу не входит премудрость Божия». Но мы не унываем, не отчаиваемся: мы знаем, что хотя их прожженная совесть и дремлет, но она проснется в один прекрасный и спасительный для них день.

И эти исключения, нужно сказать, редки, как вообще редки в жизни ее ничтожные и жалкие отбросы. Большинство же крепятся, со страхом и трепетом соблюдают

святость своего обещания и наша трезвенническая рать становится силой, с которой пьяному делу приходится серьезно считаться. Станем же молиться, верить и ждать, что понемногу будет обессилен этот расшумевшийся пьяный пожар, и ласковое солнышко трезвости согреет нашу бедную, тоскливую, кошмарную жизнь...

«Ей, гряди, Господи Иисусе!»

1912 год

Но вот и еще миновал один – 1912 год (четвертый по счету) нашей скромной работы на ниве отрешения родного народа! Подводя его итоги, мы должны сказать, что наше трезвое дело не малится, а растет, как то евангельское горчичное зерно, которое, малое само по себе, разрастается в большое тенистое дерево, и в ветвях его укрываются птицы небесные. Да, можно сказать, что и в нашем Обществе трезвости много людей укрылось от этого «Змея Горыныча», как образно называют поэты русское народное пьянство. Благодаря этому Обществу много семей узнало о радостях трезвой жизни, много им осушено слез, много сделано для того, чтобы вырвать человека из грязи пьянства и вернуть его к Богу, к счастью, к семье. Но наша скромность не позволяет нам сделать более подробную оценку этой работы Общества, дабы кто не подумал, что это – самовосхваление, превозношение, или просто громкая повесть о личных трудах и делах. Посему мы поспешим упомянуть только о тех фактах и цифрах, которые необходимы и неизбежны во всяком отчете.

Когда даешь обѣтъ Богу, то не медли исполнить его. Еккл. 5, 3.

МОЛИСЬ!

ТРЕЗВИСЬ!

ОБѢТНАЯ ГРАМАТА.
Во ѿмѣ Оца, и Сна, и Сѣлго Дха.

Дана сія возлюбленному о Господѣ брату нашему _____

въ томъ, что онъ, пришедъ въ себя, въ Церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, предъ пречистымъ образомъ Святителя Николая и Преподобнаго Сергія изъявилъ твердое намѣреніе и далъ крѣпкое обѣщаніе не пить вина, пива и ничего хмѣльнаго, а также не склонять къ тому и другихъ, равно содѣйствовать дѣлу трезвости и словомъ и трезвымъ примѣромъ своимъ, срокомъ на _____

Въ чемъ и да поможетъ ему Господь Богъ силою Честнаго Животворящаго Креста, заступленіемъ Всепречистыя Владычицы нашея Богородицы и молитвами Святителя Николая и Преподобнаго Сергія! Аминь.

Настоятель Церкви Покрова Пр. Богородицы,
священникъ _____

19 ____ года _____ дня.

№ _____

Село Карлинское, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

УЧИСЬ!

Не упивайтесь виномъ..., но исполняйтесь духомъ, 1Фл. 5, 18.

ТРУДИСЬ!

Всего в течение 1912 года было принято 2300 трезвенников. Правда, срок обета некоторых был меньше года, поэтому кто-то из них в течение этого года был принят вторично, но упомянутая годовая цифра – 2300, говорит сама за себя. Всего же за четыре года было принято трезвенников 3823 человека.

В течение прежних лет нами было составлено и отпечатано несколько различных односторонних листов, содержание которых было направлено на борьбу с народным пьянством, в нынешнем же году мы издали и выпустили для раздачи народу две брошюры: «Пьянство – могила семейного счастья» и «Путь к трезвости», которых было выпущено 5000 экз., кроме односторонних листов, отпечатанных в количестве 10000 экз. В день же праздника трезвости – 7 декабря было роздано 3000 листов наших печатных поучений, из которых одно было направлено против существующего еще зла шинкарства, а другое было очередным поучением, составленным к этому именно дню и заблаговременно отпечатанным для бесплатной раздачи народу в день праздника трезвости. Вот немногочисленные, но много говорящие факты, из которых видна деятельность Общества за минувший год.

О том, как отразилась эта деятельность на жизни прихода и насколько глубоко проникла идея трезвости в народное сознание, свидетельствует сама жизнь, дающая нам возможность радоваться радостью христианских праздников, понемногу утрачивающих свой язычески-пьяный характер. Трезвость, как солнце, осветило нашу приходскую жизнь и от ее света попряталось в подполье все пьяное, отвратительное, грязное,

что, обыкновенно, при пьяной вакханалии так бесцеремонно появляется на сцене жизни: нет пьяных дебоширств, нет уличного открытого пьянства, нет пьяных общественных сходов, нет пьяных деревенских «помочей». Да, исчезают с фона жизни пьяные тени, начинают появляться светлые отрадные точки, проблески светлой зари!

Нельзя обойти молчанием и следующий в высшей степени отрадный факт, имевший место в истекшем году. Питаясь со своей материальной стороны крохами добрых людей и расходуя эти крохи на разнообразные нужды своей жизнедеятельности, Общество и само чутко прислушивалось ко всякому горю и нужде не только своих членов, но и посторонних. Как во второй год жизни Общества была взята на попечение одна круглая сиротка и, благодаря заботам его, была отдана к добрым людям на воспитание, так в нынешнем году Общество нашло возможным купить корову одному бедному многосемейному крестьянину, лишившемуся внезапно сначала своей работницы лошади, а затем кормилицы коровы. И нам думается, что этот факт заставляет многих сознать в душе своей, что Общество трезвости не пустой звук, не одна только громкая фраза, а действительная моральная сила, значение которой, при всем желании некоторых скептиков, никак нельзя отрицать.

Итак, трезвость победила, свет трезвости восторжествовал над тьмой пьянства, и я счастлив это сказать, потому что факты этой победы у всех перед глазами. Радостно сознавать и тот наглядный факт, что трезвое

движение в русском народе просыпается, поход против заклятого народного врага – пьянства начинает принимать характер серьезного движения. Прошедший в августе месяце 1912 года противоалкогольный съезд в Москве, выдвинувший на поверхность церковной жизни передовых борцов за народную трезвость, показал, что не погибло трезвое дело на Руси и много есть идейных работников на ниве Христовой, не преклонивших колен своих пред соблазнительной властью пьяного «зеленого змия».

Там, на этом съезде, прозвучала, правда, и та горькая истина, что теперь пьет вся Русь: пьет интеллигенция, пьет духовенство, пьет люд фабричный и ремесленный, но больше всех пьет деревенское русское крестьянство. Но мы в противовес этой горькой правде позволим себе высказать ту утешительную мысль, что крестьянство охотнее всех сословий идет теперь в открываемые церковные общества трезвости, крестьянство само, без всякого внешнего побуждения, идет искать свет трезвости, чтобы им осветить свой жизненный путь.

1913 год

И вот, в наше тревожное время, среди поднимающейся страшной опасности пьянства, светлыми точками на мрачном фоне современности начинает появляться все больше и больше религиозных обществ трезвости, где славными могучими силами в борьбе с пьянством являются молитва и священный обет. В них, в эти общества, идут люди со всех сторон, идут, как в спасительную ограду, и отсюда начинают свое отрез-

вление. Общества трезвости, основанные на религиозных началах, работающие под покровом церкви и руководимые ее пастырями, – это громадная, могучая сила, которая может пересоздать и перевоспитать весь пьяный уклад нашей современности и направить уклонившуюся нашу жизнь в трезвое русло.

Перед нашими глазами пятилетняя история нашего Карлинского Общества трезвости. Отбросим ложную скромность, забудем на время, что нам приходится говорить о своей собственной работе, и во всеуслышание зададим себе громкий вопрос: что сделало за этот пятилетний срок наше Общество трезвости? Какую заметную борозду провело оно на ниве Христовой и заметны ли теперь хоть малые всходы от пятилетнего сеяния этого трезвого семени?

Помнится, когда не горел еще этот трезвый свет, страшная сила кабака чувствовалась повсюду: чувствовалась среди больших, особенно престольных, праздников, среди общественных «помочей». Гулял люд крещенный до безобразия на масленице, пил до сумасшествия на своих свадьбах и крестинах, начинал с «магарыча» свой честный труд и пропивал без сожаления свой трудовой, кровью и потом добытый, иногда последний грош... А теперь? После того, как в нашем святом храме почти изо дня в день в течение пяти лет раздавалось слово о трезвости, после того, как трезвые разговоры стали постоянно раздаваться на улицах и площадях, после того, как листы и брошюры с призывом к трезвости десятками тысяч полетели во все стороны, – с тех пор изменилось многое. Смолк и попрыгался далеко в

подполье дикий разгул больших деревенских праздников, сократилось пьянство деревенских свадеб и «помочей», во многих случаях совершенно обновилась семейная жизнь, поднялась нравственность, улучшилось благосостояние.

За все пятилетнее существование Общества трезвости было принято более шести тысяч человек трезвенников, было напечатано и роздано около 20000 листов и брошюр противоалкогольного содержания, составленных руководителем Общества священником Петровским, но самым крупным делом было создание Дома трезвости, сооруженного на добродетельные пожертвования сочувствующих этому делу людей.

Нужда в сооружении этого Дома стала чувствоваться уже давно: с тех пор, как стал увеличиваться приток иноприходных трезвенников, и мы увидели, что они «не имеют часто, где главы подклонить». Вне церкви у нас не было никакого места для духовного общения и бесед с трезвенниками, и стало ясно, что для более успешной пастырской работы вообще и для целей народного образования, в частности, необходим такой дом, который был бы и местом молитвенных и трезвых собраний, и аудиторией народных чтений, и домом приюта для приезжающих издали трезвенников; чтобы в этом доме сосредоточился пульс церковно-приходской жизни, биение которого раздавалось бы во всех уголках нашего прихода, из стен которого все, побывавшие в нем, уносили бы в душе своей, как святые огоньки Великого Четверга, свет трезвости, религиозности, христианской любви и благочестивой настроенности.

Дом трезвости в Карлинском

И дом этот был построен быстро, в какие-нибудь полгода, построен на самом лучшем месте, вблизи церкви и второклассной школы. На постройку его откликнулись люди самым сердечным образом: жертвовали сотнями, рублями, копейками, помогали подвозкой строительного материала, помогали советом, опытными указаниями и 27 мая 1912 года Карлинский Дом трезвости был торжественно открыт и освящен. Постройка и обстановка его обошлась более 2300 руб.

В Доме находится дивной художественной работы крест с предстоящими, писанный в Троице-Сергиевой Лавре и освященный на мощах Преподобного Сергия, портреты Царской Семьи, портрет Преосвященного Вениамина, епископа Симбирского, картины и вставленные в рамки листы противоалкогольного содержания. Посреди дома большой стол с книгами, брошюрами и газетами: «Колокол», «Кормчий», «Кронштадтский Пастырь», «Трезвая жизнь», «Вестник трезвости», «Голос истины», «К свету» и проч. Тут же находится книж-

ный шкаф, имеющий около 200 томов книг религиозно-нравственного и бытового характера.

Вся цель постройки и обстановки этого дома сводилась к тому, чтобы осветить путь человеческой жизни Светом Божественного Разума; просветить светом истины сидящих во тьме беспробудного невежества; улучшить жизнь человеческую, пропадающую от беспробудного пьянства; уменьшить, насколько возможно, человеческие страдания и приготовить вверенные нашему водительству души к блаженной жизни «в не вечернем дни Царства Христова».

Вот в кратких чертах итоги нашей пятилетней работы на ниве народного отрезвления. Правда, мы знаем, что враг наш еще силен и могуч, сила его так несметна и страшна, слуги его так многочисленны и отважны, дворцы его (рестораны, гостиницы и буфеты) так великолепны и соблазнительно-прекрасны, – но не унываем. И мы, скромные работники на этой Божьей ниве, мы уверены, что на нашей стороне святая правда, что на нашем трезвом знамени блещит лучами светлый лик Христов, и что около этого знамени уже начинают группироваться громадные трезвые силы, с которым пьяному делу придется серьезно считаться.

Пусть безумствуют в своем ослеплении все многочисленные враги народного отрезвления, пусть осыпают градом насмешек наше святое и высококультурное дело все преданные и верные слуги «зеленого змия» – все равно мы своего знамени не бросим из рук и добровольно взятого на свои плечи тяжелого креста со своих плеч

не уроним! Пусть гордо красуются обманно-красивые дворцы алкоголя, посетители которых, оставивши за их роскошными стенами и свое состояние, и здоровье, и честь, будут проклинать потом их своим поздним проклятием. А мы будем строить дома трезвости, будем своих посетителей питать той нравственно-здоровой пищей, которая даст им силу, укрепит их в делании добра и сделает их такими крепкими и стойкими, что никакие соблазны и чары алкогольных демонов не будут им страшны. Да, «мы будем трудиться в этом деле, – скажем словами писателя Чехова, – и теперь, и в старости, а когда пробьет наш час, мы покорно умрем». Но умрем не с гнетущим сознанием, что мы ничего не сделали в жизни, а умрем с улыбкою счастья и радости от сознания исполнившейся цели, мечты нашей жизни – «за счастливую долю народную жизнь всю до капли отдать». Но пока мы живем, пока кипят еще силы в груди, пока еще печать смерти не сомкнула наших уст, – мы не умолкнем со своим призывом к трезвости и не сложим своего оружия в борьбе с нашим заклятым врагом.

Вейся, святое знамя трезвости, над главами славных бойцов, собирайся, могучая дружина, на бой с засильем «зеленого змия», сбивайте оковы пьянства с русского человека вы, борцы за народную трезвость! Идите впереди этого дела, пастыри Церкви святой, своим властным призывом зовите дремлющих и унывающих, своим трезвым примером спасайте утопающих, идите вперед, зажигайте огни! Не отвращай от этого дела благородного лица своего и ты, просвещенная интеллиген-

ция, сойди в трущобы пропадающего от пьянства простого русского человека, раскрой в своих умных речах всю гибель и мерзость отвратительного пьянства, и голосом любви, участия и сожаления зови его на святой путь трезвости.

Во имя блага и счастья нашей Родины боритесь с народным недугом и вы, власть имущие, и вы, воспитатели и учителя народные, и вы, представители медицины, пекущиеся о народном здравии, и вы все, в ком не заглух еще голос совести и не вытравлено чувство жалости к этому больному, забитому, израненному, пропившемуся человеку-собрату!

Борись со своим недугом – пьянством, весь православный русский народ! Сбрось с себя пьяные цепи, святая, державная Матушка-Русь, и под сенью трезвого знамени процветай, укрепляйся и славься на многие и долгие годы!..

НА ПРАЗДНИКЕ ПЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАРЛИНСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ¹

...По окончании литургии был отслужен молебен небесным покровителям Общества – Святителю Николаю и Преподобному Сергию с провозглашением на нем многолетия Царствующему Дому, Святейшему Синоду, своему Архипастырю Владыке Вениамину, Карлинскому обществу трезвости, всем присутствовавшим и всем православным христианам.

После всей службы, – что было в первом часу дня, – настоятель прихода о.Петровский пригласил Владыку и всех сослужащих на трапезу. Как во время богослужения, так и за трапезой, Владыка относился ко всем отечески-просто, сердечно; все присутствовавшие держали себя непринужденно, свободно, нисколько не испытывая ни чувства стеснения, ни боязни перед своим начальником.

В два часа дня определено было начало торжественного акта по случаю исполнившегося пятилетия существования и деятельности со дня открытия Карлинского общества трезвости. Акт, – в присутствии Его Преосвященства, всех почетных гостей и очень многих трезвенников, проходил в устроенном в с.Карлинском в начале

лета 1912 года ДOME трезвости; последний на это время снаружи расцвечен флагами, а внутри искусно и красиво декорирован хвойной зеленью с искусственными цветами. Лишь Владыка вступил в Дом трезвости и стал впереди собравшихся, все присутствовавшие, которых Дом трезвости при всем желании не мог вместить более 350 человек, пропели стихирю: «Днесь благодать Святого Духа нас собра», «ис пола эти, Деспота» и затем начался собственно акт по заранее выработанной программе, отпечатанной и розданной присутствующим.

После первого номера – песнопения «На реках Вавилонских», прекрасно исполненного воспитанниками местной второклассной школы под управлением учителя их Ф.Н.Зефирова, выступил с речью священник о.Сергий Петровский на тему «Великое русское горе». Сопоставив тяжелую неволю Израиля в его безотрадном вавилонском плену с современным пленением тяжелыми цепями русского пьянства, проповедник говорил:

«Нельзя спокойно слушать звуки этого чудного библейского песнопения, в котором тоскует Израиль в своей тяжелой неволе, в своем безотрадном вавилонском плену. Склонившись, в глубокой печали сидели евреи по берегам реки Вавилона и под шум набегающих волн грустили, вспоминая Сион, свой священный Иерусалим, родную Палестину, где каждый из них «мирно почивал под смоковницею своею и под виноградником своим». Но прошли века, прошли целые тысячелетия над этими событиями, только грустные псалмы сохранили

¹ Отрывки из очерка «На празднике пятилетия существования Карлинского общества трезвости».

«Симбирские Епархиальные ведомости» № 1, стр.33-38, №2, стр.69-85 – 1914 г.

грустную повесть о них, а на смену им жизнь человеческая выдвинула другие ужасы, другие цепи, другие страдания. Мы будем говорить сейчас о современном пленении, о тяжелых цепях русского пьянства, в которых беспомощно бьется теперь от мала до велика вся наша матушка-Русь. Об этом пленении нельзя молчать, нельзя не бить тревогу, когда опасность страшная идет на нас кругом! От холодного севера и до теплого юга, во всю ширь необъятной Руси, разлилось, раскатилось широкой рекой великое горе – непробудное русское пьянство. Льются горячие слезы, в отчаянии заламывают руки, раздаются скорбные, горькие стоны... Стонет, до сумы и потери рассудка пропившийся, несчастный русский мужик; стонет когда-то богатый, но теперь вконец разорившийся именитый русский купец; стонет просвещенный русский интеллигент, потопивший в пьяной чарке и свою благородную гордость, и честь, и достоинство; стонет старость, стонет молодость, стонет в пьяной неволе вся наша многострадальная Русь. На всем многовековом протяжении русской истории в ее страницы вписаны многие скорбные события. Долго нашу Родину разоряли, угнетали, пили кровь ее жестокие поработители-татары, долгие годы ее теснили иноверные соседи, много внутренней смуты и междоусобиц пришлось ей пережить, но из всех этих испытаний, веря в Божий промысел и слезами омывая грехи свои, выходила она обновленную, могучую, сильную, делаясь Русью державною, Русью Богом любимую,

Русью святою... А теперь? После того, как пьяные волны затопили ее от края до края и потонула в вине душа русского народа, Господь отнял у нее свое благоволение – не стала она Русью святою. Как черным туманом, окуталась современная жизнь чадом пьянства, и за этой пьяной мглой не видно ни радостей настоящего, ни светлых надежд будущего. Народ морально разлагается, нравственно грубеет и дичает, физически болеет и вырождается – вот тревожные признаки надвигающейся грозной опасности от вина. Пьянство – верный спутник нравственной распущенности: присмотритесь к современной жизни и вы убедитесь, что расшатанность семейных нравов, распущенность современной молодежи, упадок всякой нравственности, – все это ни что иное, как следствие алкоголизма, повального русского пьянства. А до какого нравственного одичания и бесчеловечной жестокости доводит алкоголь человека, эта истина едва ли нуждается в доказательствах.

Посмотрите на человека, который уже погряз в тине пьянства, проследите его поступки, его отношение к семье, к окружающим, и вы увидите, что ни одной нежной черты не осталось в его сердце: к своим близким – жене и детям, он или холоден или бесчеловечно груб, их слезы и мольбы не трогают его огрубевшего сердца; чувства сострадания, любви и участия ему чужды, непонятны, смешны. И только одна пьяная дума, мечта об алкоголе-демоне, близка и дорога его жалкой душе. Вот нравственный облик много пьющего человека! Но есть

создавшиеся на пьяной почве типы людей еще более ужасных, еще более нравственно-диких и отвратительных – это толпы хулиганов, босяков, так называемых «бывших людей». Смытые пьяной волной в омут жизни, они потеряли образ и подобие Божие, вытравили из сердца остатки добра и стали язвой современного человечества. Вся лучшая, трезвая часть общества сторонится их, как носителей духовной заразы; дома и двери запираются на ключ при одном только их появлении; женщины и девушки стараются попрятаться, как можно дальше, едва завидят их. И этот опасный тип людей создан исключительно благодаря пьяным условиям нашей современности и с каждым годом растет в своем количестве, грозя обратиться в огромную армию голодной, пьяной, нравственно-дикой орды, опасной для трезвой и мирной части общества.

Хотелось бы остановиться поподробнее на том громадном физическом зле, которое, как каинова печать, лежит на лице самих алкоголиков и отражается на их потомках в форме всевозможных болезней духа и тела, – но это область медицины, которая в лице лучших своих представителей давно сказала нам, что не только пьянство, но и та рюмочка, которую ежедневно пьют по привычке некоторые любители, делает медленно, но верно свое страшное дело разрушения, готовит человеку или больничную койку, или, в лучшем случае, преждевременную смерть. Губя и отравляя свое существование, потребители спиртных напитков несут

страдание и преждевременную смерть своему больному, несчастному и жалкому потомству. Вообразите ту громадную армию больных туберкулезом (чахоткой), одержимых эпилепсией (падучей болезнью), вспомните массу слабоумных, идиотов и помешанных, проследите историю страданий потомков алкоголиков, и страшно станет за судьбу нашей Родины, за будущность великого русского народа.

Тяжело говорить об ужасах пьянства, больно сознавать и чувствовать его кошмарные последствия, но леденеет мысль и замирает сердце от сознания, что это страшное пьяное дело не малится, а множится, крепнет, растет. Посмотрите, как с каждым годом, даже на наших глазах, увеличиваются в числе своем питейные заведения, строятся новые трактиры и гостиницы, появляются новые пивные лавочки, с каждым годом статистика отмечает прогрессивное увеличение употребления спиртных напитков. Вот горькая истина, над которой стоит призадуматься всем, кто поставлен быть руководителем народа, кто призван к устройению его жизни на началах Христова евангельского закона. «Когда где-нибудь начинается пожар, – говорит один архипастырь русской церкви, – то бьют в набат, созывают на помощь народ, чтобы потушить появившийся огонь; когда появляется какая-нибудь опасная болезнь, эпидемия, то поднимают тревогу, посылают врачей, санитаров, сестер милосердия. Но вот горит вся Русь пламенем пьянства, горит уже давно, и пламя пожара все

больше и больше охватывает ее...» (Арсений,¹ архиепископ Новгородский). Кто же выйдет тушить этот разбушевавшийся пьяный пожар, кто пойдет бороться с этой убийственной эпидемией, с этим грозным бичом современной жизни – пьянством?

Осмотрите вокруг и вы увидите, что все кругом молчит: не слышно голоса науки, хотя бы медицины, которая во имя блага человечества, во имя драгоценнейшего народного здоровья должна бы на всех улицах, перекрестках, во всех своих больницах, амбулаториях и приемных покоях огненными буквами начертать горькую правду о пьянстве; непростительно молчит наша школа в этом важнейшем жизненном вопросе и, видя, как стонут, упившись по примеру старших, школьные дети, не находит важным и нужным внушать детям понятия о вреде алкогольных напитков; молчит наше могучее, сильное печатное русское слово; молчит в большинстве своем и духовенство, призванное стоять на страже человеческого спасения; молчит интеллигенция, молчат те, кому прежде всего нужно бы бить в набат, звать тушить этот стихийный пожар.

И только Церковь Святая, не перестававшая болеть этой печалью за своих погибающих в пьянстве сынов, неумолчно звала на борьбу с этим злом и своих пастырей, и верных чад; из ее недр выходили такие апостолы трезвости как о.Иоанн Кронштадский, о.Александр Рождественский и другие, которые примером своей са-

¹ Стадницкий (1862-1936).

моотверженной деятельности вдохновляли других на славный подвиг этой противоалкогольной борьбы. Загорались яркие огни обществ трезвости, создавалось антиалкогольное движение, раздавались горячие речи, звавшие на борьбу с пьянством, увеличивалась и крепла могучая трезвая рать.

И вот пять лет тому назад, движимые чувством сострадания к погибающим братьям и побуждаемые сознанием ответственности своего пастырского долга, скромно взяли и мы в свои руки знамя трезвости и бодро пошли с ним в народную толпу. Под не сочувственные взгляды собратьев, под насмешки и недоверчивые возгласы народной толпы мы добровольно подняли на свои плечи этот тяжелый крест борьбы с народным пьянством и несем его доныне в полном сознании правоты своего дела и в радости сознания исполненного долга. Более шести тысяч трезвых обетов произнесено в нашем Карлинском обществе за эти истекшие пять лет, и мы знаем, что большинство этих обетов исполнено ненарушимо и свято. А если и были случаи легкомысленного и кощунственного отношения к этим священным обетам, то все мы свидетели тому, как Господь, в некоторых случаях, правосудно и строго карал нарушителей, внушая этим страх и благоговейное отношение и к сему обещанию и к святейшему имени Божию.

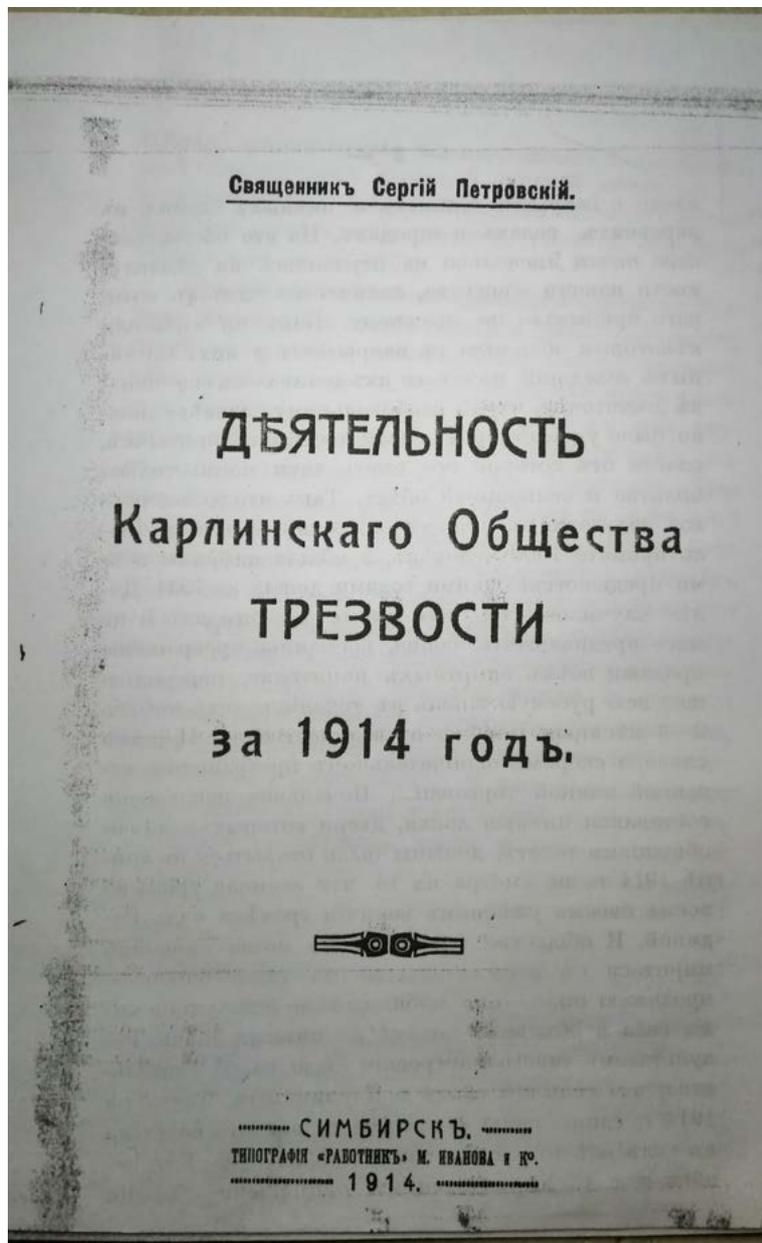
Когда-то, при начале наших трудов на ниве народного отрезвления, мы говорили, что открытие общества трезвости, – это только заря новой жизни, светлый же

день еще далеко впереди... Но теперь, по прошествии пяти лет этой трезвой работы, можно без всякого преувеличения сказать, что солнце трезвости на горизонте жизни нашей взошло довольно высоко и своими благодатными лучами осветило и согрело целые тысячи семей, настрадавшихся под бременем пьянства, осушило их горькие слезы, скрасило и оживило их прежде тоскливую жизнь. Да будет же благословен тот день и час, когда ровно пять лет тому назад взвилось над нами святое знамя трезвости и наше Общество было объявлено открытым. Расти же в числе своем и укрепляйся духом в борьбе своей, могучая трезвая рать! Много дела тебе впереди предстоит, но много и врагов у тебя собирается, много скорбей ждет тебя. Но, страдая за благо народное, за погибающую душу и счастье его, не забывай и вдохновляйся сознанием, что правда и Бог на твоей стороне! Пройдут года и десятилетия, люди сами поймут и осознают весь вред, всю страшную пагубу пьянства, сами пойдут и встанут на сторону трезвости; но теперь их к этому трезвому свету надо вести, так как «зло вокруг чересчур уж гнетет, ночь кругом чересчур уж темна», и за этой пьяной темнотой современности не видать просвета, не видать пути...

Пойдемте же к трезвому свету, дорогие радители трезвости, сами и поведем к нему наш измученный, наш исстрадавшийся пьяный народ! «Будем трудиться для других и теперь, и в старости; станем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба, а когда

пробьет наш час, мы покорно умрем. И там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько и Бог сжалиться над нами... И мы обрадуемся, и на теперешние наши страдания оглянемся с улыбкою, с умилением и... отдохнем» (А.П.Чехов).

Не будем же, братья жалеть в этой борьбе ни сил, ни средств, ни даже жизни своей. Не будем равнодушными к этой страшной беде: гибнут люди, братья наши, гибнут живые человеческие души, – их надо спасать! Спасем – будем счастливы этим сознанием; умрем среди битвы – будем помнить, что «нет больше любви той, да кто душу свою положит за други своя».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛИНСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ ЗА 1914 ГОД

Шестой год жизни и деятельности Карлинского общества трезвости начался при исключительных и никогда не забываемых обстоятельствах. Отпраздновать пятилетие нашего общества пожаловал тот, кого уже давно мы считали душой нашего дела, кто неоднократно вдохновлял и нравственно поддерживал нас в борьбе за народную трезвость – наш кроткий отец и добрый архипастырь, Преосвященный епископ Вениамин. Нужно ли говорить, какое впечатление осталось после этого праздника: великолепное архиерейское служение, назидательное архипастырское слово, торжественный акт в Доме трезвости и сердечные, душевные речи – все это золотыми буквами написано в сердцах не только карлинских трезвенников, но и всех гостей, съехавшихся по этому случаю из далеких сел и деревень нашей родной епархии. Когда «догорели огни» этого пышного праздника, Общество стало продолжать свою обычную работу, только нужно добавить, – работу в высшей степени напряженную: количество трезвенников прибывало, являлись они ежедневно утром и вечером, не говоря уже о праздниках, когда их приходилось принимать одновременно по несколько десятков человек. Большинство их, конечно, было из родной епархии, но много было и из соседних губерний: Самарской, Казанской, Пензенской; был случай, – один

нарочно приехал из г.Ветлуги Костромской губернии. Это добровольное паломничество трезвенников из отдаленных мест, сопряженное с неудобством далекого пути и с большими материальными издержками, только убеждало нас в той истине, что народ сам инстинктивно почувствовал свою беду и грозящую ему гибель от пьянства и готов был на все жертвы, лишь бы освободиться от этой добровольно приобретенной себе болезни. И народ шел в эту скромную, ничем не выдающуюся карлинскую весь, в этот деревенский храм, в этот небогатый убранством Дом трезвости, а средства, врачующие его от страшной болезни, были все те же – молитва и священный обет. Эти могучие средства были пока единственными в жизни родного народа, опустившего до мрачных глубин разливного пьяного моря, у которого застал его знаменательный и исторический день 30 января 1914 года, когда с высоты Царского Престола раздался призыв к делу народного отрезвления и красным бодрящим звоном раскатился от края до края нашей могучей и славной страны. История не забудет этого дня: этот день – заря возрождения русского народа к новой жизни, это праздник русского воскресения, к которому с незначительным изменением можно приложить слова пасхальной песни: «смерти празднуем умерщление, иного жития (трезвого) начало...».

Русский народ встрепенулся и с глубокой благодарностью к своему Державному Повелителю поспешил использовать данное ему право – при помощи запретительных приговоров закрывать питейные заведения. С

восторгом читали мы тот отдел периодической печати, где сообщалось, как со всех концов земли русской неслись вести о закрытии винных и пивных лавок в деревнях, селах и городах. Но это обстоятельство почти нисколько не отразилось на деятельности нашего Общества, количество членов которого прибывало по-прежнему.

Как ни спешили некоторые общества с закрытием питейных заведений, но все же их оставалось еще вполне достаточно, чтобы слабовольному человеку можно было удовлетворить своей постыдной привычке, спасти от которой его опять-таки могли только молитва и священный обет. Так что за первое полугодие в наше Общество трезвости было принято 1500 человек, а общая цифра со всеми предшествовавшими годами дошла до 7934.

Далее случилось то, что никто не ожидал и не мог предположить: война, временное прекращение продажи всех спиртных напитков, переродившее всю русскую жизнь в течение каких-нибудь двух-трех месяцев, и наконец, величественное Царское слово о скором окончательном прекращении казенной винной торговли... Печальное исключение составляли пивные лавки, двери которых – по сообщениям газет – должны были открыться в конце 1914 года, несмотря на то, что военная гроза во всем своем ужасном величии гремела над Родиной.

Общество трезвости не могло спокойно мириться с этим печальным исключением – продажей пива, – оно

мобилизовало все лучшие силы села и объявило поход на пивные лавки. Результатом такого настроения было то обстоятельство, что сельский сход села Карлинского 30 октября 1914 года единогласно постановил закрыть навсегда в селе все питейные заведения. А уже 8 ноября господином управляющим акцизными сборами сделано распоряжение о немедленном закрытии в селе Карлинском казенной винной лавки, а с 1 января 1915 г. о закрытии всех частных мест продажи крепких напитков (отнош. Земского начальника за N 225).

Это событие Общество трезвости золотыми буквами вносит в свою историю как результат своей шестилетней работы, как победу трезвого дела над мраком беспробудного народного пьянства, как поворот народного сознания от гнусного пьяного прошлого к разумно-трезвому настоящему и светло-прекрасному будущему. Еще так недавно наш русской мужичок не мог себе представить, что возможна жизнь без кабака, без пивных, без этих многочисленных пьяных обычаев, а теперь увидел, что жизнь только при свете трезвости имеет разумный, истинно человеческий смысл, что можно и в престольные праздники не пить и не буяннить; можно и свадьбы пировать без обычного отвратительного пьянства, можно даже торговые сделки устраивать без этого традиционного «магарыча». И зашаталось пьяное русское древо: его корни подрублены, ложь пьяных соблазнов обнаружена, вред и гибель алкоголя доказана и... «зеленый дракон» лежит поверженным, задыхаясь в своих предсмертных мучениях...

Издания Общества трезвости (брошюры и листы)

В истекшем году руководитель Общества священник о.Сергей Петровский по распоряжению епархиального начальства был командирован составить и произвести поучение в Симбирском Спасском монастыре за архиерейским служением во время Праздника трезвости (8 апреля). Это поучение впоследствии на средства общества было отпечатано в количестве 300 экз. и было бесплатно раздаваемо как прибывающим трезвенникам, так и всем желающим.

В июне месяце 1914 года руководитель Общества был приглашен на организованные в Симбирске педагогические курсы, чтобы дать несколько уроков по преподаванию трезвости в начальных школах и провести для учителей и учительниц несколько чтений противоалкогольного характера. По окончании всех уроков и чтений он обратился к слушателям с горячим призывом встать на борьбу с народным пьянством, указывая те пути и способы борьбы, какие доступны каждому в сфере его общественного положения. Этот призыв был отпечатан особой брошюрой под заглавием «Обращение к народным учителям и учительницам (к вопросу борьбы с народным алкоголизмом)» и роздан на память всем бывшим на курсах.

В октябре 1914 года по приглашению некоторых обществ трезвости (Китовского, Карсунского и Чертановского) руководитель Общества принимал участие в их трезвых праздниках и выступал со своими речами, со-

поставляя в них ужасы переживаемой войны с ужасами русского пьянства. Эти речи были им скомбинированы, результатом чего явилась новая брошюрка «Война и народное пьянство», отпечатанная в количестве 500 экз.

Таким образом, за все шестилетнее существование Карлинского Общества трезвости о.Сергием Петровским были составлены и отпечатаны для народного пользования следующие брошюры: 1) «Путь к трезвости», 2) «Пьянство – могила семейного счастья», 3) «Пьянство и религиозная борьба с ним», 4) «Организация обществ трезвости», 5) «Великое русское горе», 6) «В борьбе за народную трезвость 1908-1913 г.г.», 7) «Поучение в день Праздника трезвости (8 апреля 1914 г.)», 8) «Война и народное пьянство», 9) «Обращение к народным учителям».

Кроме брошюр были составлены и отпечатаны односторонние листы противоалкогольного содержания под следующими названиями: 1) «Увещание к трезвеннику», 2) «Призыв к трезвости», 3) «Пьянство – гибель», 4) «Завет пастыря», 5) «Трезвость – счастье и свет нашей жизни», 6) «Слезы трезвенников», 7) «Обращение пастыря к его духовным чадам».

Все эти упомянутые листы и брошюры в течение шестилетнего периода борьбы за народную трезвость были отпечатаны в количестве многих десятков тысяч не только через наше общество, но, главным образом, через книгоиздательство Фесенко (в Одессе) и разошлись по лицу родной земли в довольно внушительном количестве. Не преследование каких-либо материальных видов и не ав-

торское самолюбие руководили автором этих листков и брошюр при их составлении, а исключительно сердечное желание принести посильную пользу святому делу народного отрезвления, желание помочь простому русскому народу разобраться в проклятом пьяном вопросе и завлечь его в спасительную ограду трезвости. Конечно, в этом случае нужны были материальные средства, и Господь, при посредстве добрых людей, не оставлял нашего дела без материальной помощи.

Материальные средства

Средства общества за истекший год группировались из следующих источников: из добровольных пожертвований членов-трезвенников; пособия от Губернского Комитета попечительства о народной трезвости; пособия от Главного управления неокладных сборов; Карлинского кредитного товарищества.

Поступило:

1) От Его Преосвященства епископа Вениамина	– 50 р.
2) От Карлинского кредитного товарищества	– 50 р.
3) Добровольные пожертвования от членов-трезвенников	– 273 р.63 к.
4) От Главного управления неокладных сборов	– 500 р.
5) От Губернского Комитета (через Сенгилеевский уездный)	– 200 р.

1073р.63к.

Из этой суммы значатся по книге израсходованными в течение года 522 р.63 к., на что имеются оправдательные документы, а 551 р. являются остатком к 1915 году, имеющим специальное назначение (на ремонт Дома трезвости и на издание листов и брошюр).

Просветительная работа общества

Просветительная деятельность общества, главным образом, сосредоточивалась в Доме трезвости, который в этом отношении был доступным народным храмом, откуда разливался свет трезвости, нравственности и лучезарной Христовой любви. Народ собирался в нем, главным образом, по праздникам, после вечерни. Собрания открывались молитвой, которую пели все собравшиеся, затем предлагалась беседа на религиозную тему, читались подходящие ко времени жития святых, повести и рассказы бытового характера, а в конце – или пели общим хором употребительные молитвы и песнопения, или присутствовавшим демонстрировались световые картины посредством волшебного фонаря.

Нельзя умолчать, какую неоценимую услугу Обществу оказал Сенгилеевский уездный Комитет попечительства о народной трезвости, прислав прекрасный волшебный фонарь, нашедший здесь, в деревенской глуши, великолепное и целесообразное применение. Аудитория Дома трезвости не могла вмещать всех желающих, – нужно заметить, это была лучшая часть населения, – с восторгом и умилением внимавших глазами картины земной жизни и страданий Спасителя. Опыт показал и подтвердил, как неоспоримую истину, что простой на-

род отдает предпочтение картинам религиозного содержания, как серьезному и поучительному зрелищу, дополняемому при этом устным рассказом, и готов, затаив дыхание, целыми часами сидеть и любоваться этими «живыми картинами». Приходится только сожалеть, что картин религиозного содержания в нашем распоряжении очень мало, но мы надеемся, что при постоянном сочувствии к нам губернского и уездного комитетов, этот пробел нам удастся восполнить.

Не пустовал Дом трезвости в течение первого полугодия и в будние дни. Сюда почти ежедневно приезжали трезвенники, здесь располагались на ночлег, кушали чай, отдыхали, а на утро, если не было службы в церкви, они тут же установленным порядком принимались в общество трезвости. Следует упомянуть, что в истекшем году деятельное участие в работе общества принимали старшие ученики местной второклассной школы, которые записывали трезвенников, пели молебны во время их киноприема. Многих трезвенников они приводили в восторг и восхищение исполнением гимнов: «Слышите ль, братья, вы вздохи и стоны...» и «Дай, добрый товарищ, мне руку свою...». Особенно это пение и эти гимны были уместны на вечерних праздничных чтениях, когда, помимо трезвенников, немало и другой деревенской публики стекалось в наш очаг просвещения, в наш недавно построенный дом.

С февраля месяца этим чтениям стала вестись правильная регистрация и до половины ноября 1914 года (до времени написания настоящего отчета) их можно представить в следующем виде:

Февраль, 23

1) Беседа (импровизация) о иконоборческой ереси, о 7-м Вселенском Соборе и почитании икон – священ.С.Петровский.

2) Внебогослужebные беседы о страданиях и смерти Спасителя, брошюр. пр.П.Шумова – иером.Сергий.

3) «Разными дорогами» – рассказ противоалкогольного характера – учен.школы Улейкин.

Март, 2

1) Вторая беседа о страданиях Спасителя – иером.Сергий.

2) Чтение из Троицких листков (с объяснениями) – священ.С.Петровский.

3) «В Пасхальную ночь» – рассказ противоалкогольного содержания – Н.Петровская.

Март, 9

1) Беседа 3-я о страданиях Спасителя – иером.Сергий.

2) Чтения о страданиях сорока мучеников – священ.С.Петровский.

3) Противоалкогольные рассказы из брошюр Булгаковского – Н.Петровская.

Март, 16

1) Житие преп.Марии Египетской – иером.Сергий.

2) Чтение о тяжести греха сквернословия – священ.С.Петровский.

Март, 23

1) Кровавый пир (муч.конч.Иоанна Предтечи) – иером.Сергий.

2) О тяжести греха присвоения чужой собственности – священ.С.Петровский.

Март, 25

1) Беседа 4-я о страданиях Спасителя – иером.Сергий.

2) Уничтожение на земли Господа нашего Иисуса Христа – туманные картины с устным при этом объяснением – священ.С.Петровский.

Март, 30

1) Пятая беседа о страданиях Спасителя – иером.Сергий.

2) Дни творения и житие Свт.Николая по световым картинам с устным пояснением – св. С.Петровский.

Ноябрь, 2

1) Как надо проводить праздничный день – священ.С.Петровский.

2) Беседа о войне – священ.С.Петровский.

3) Чтение из журнала «Кормчий» ст. «Ангел Утешитель» – Н.Петровская.

4) Туманные картины: жизнь Спасителя с пояснениями и устным рассказом евангельских событий – священ.С.Петровский.

Ноябрь, 9

1) Беседа на евангельскую тему о значении веры и необходимости добрых дел – священ.С.Петровский

2) Редкий случай присоединения к православию (бывшего наставника Карлинских раскольников) – из Епархиальных ведомостей – проч.Н.Петровская.

3) Чти отца своего и мать – чтение из сборника – Леонид Петровский.

4) Туманные картины – житие пр.Серафима Саровского.

Вот в общих чертах тот распорядок чтений, какой принят теперь в праздничные дни в нашем Доме трезвости, но этот краткий перечень не исчерпывает в подробностях всех просветительных трудов Общества в течение 1914 года, так как зимние чтения прошлого года не все регистрировались, а чтения ноября и декабря с.г. войдут в отчетные сведения будущего 1915 г.

Количество слушателей всегда было от 150 до 350 чел., но когда стали во время чтений демонстрироваться картины волшебного фонаря, то количество их стало возрастать и иногда доходило до такого многочисленности, что дом не мог вместить всех желающих.

Внимание к Дому трезвости со стороны интеллигентных лиц

Нельзя обойти молчанием того внимания, какое оказано было делу трезвости вообще и нашему Дому в частности со стороны интеллигентных и даже высокопоставленных лиц. Среди многих записей, оставленных в книге посетителей, читаем, например, такую трогательную памятку Преосвященного Владыки Вениамина: «Молитвенно призываю Божие благословение на виновника возрождения столь полезного и душеспасительного Карлинского общества трезвости – о.Сергия, всех его соратников и членов Общества. От

всего сердца желаю процветания. С утешением оставляю Карлинский приход».

Член Училищного Совета и Учебного Комитета при Святейшем Синоде д.с.с.В.Т.Георгиевский оставил в книге такую надпись: «25 ноября 1913 года Карлинский Дом трезвости имел удовольствие посетить и порадовался успехам этого доброго начинания. Дай, Господи, дальнейшего преуспеяния этому святому делу!..».

«9 июля 1914 г. был в Доме трезвости и вынес самые лучшие впечатления – законоучитель Порецкой учительской семинарии священ.Лев Григоров».

Есть и другие надписи и все в том же духе, но их нет возможности приводить все в подробностях, они останутся всегдашним доказательством того, что правое дело везде находит себе сочувствие и у всех благомыслящих людей всегда встречает себе моральную поддержку.

Заключение

Итак, еще один год миновал! Он был шестым по счету в ряду других лет нашей работы на ниве народного отрезвления и первым по важности тех событий, какие в истории трезвого дела в этом году пронеслись. Рескрипт на имя Министра финансов (30 января 1914 г.), временное запрещение продажи спиртных напитков, предоставление сельским обществам права составлять запретительные приговоры, и наконец, телеграмма Государя Императора о предрешении воспретить навсегда в России казенную продажу водки – это были, так сказать, те ступени, по которым из тумана забвения и

неизвестности поднималась на вершину величия святая русская трезвость, чтобы осветить своим чудным светом нашу великую, нашу державную матушку-Русь. И Карлинское общество трезвости не могло спокойно, замкнувшись в себе, пережить эту радость, этот исторический праздник трезвой победы и решило повергнуть к стопам Его Величества свои благодарные верно-подданические чувства, представивши установленным порядком адрес следующего содержания.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЙ и ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ!

Не можем удержать нашей радости, не можем в восторженном порыве не выразить одушевляющих нас верноподданических чувств по поводу того трезвого благовеста, который раздался с высоты Престола Вашего Императорского Величества и красным бодрящим звоном раскатился от края до края нашей могучей и славной страны. Мы, скромные труженики темной русской деревни, с самого младенчества были свидетелями тех ужасов, какие творились там под влиянием спиртных напитков. Мы видели, как с развитием нетрезвости исчезал дух русского благочестия и религиозности, как шаталась и падала народная нравственность, как ослабевал мощный дух и физическая крепость русского крестьянина, как подрывалось и таяло его материальное благополучие. Мы видели, как плакали жены, мужьями избитые, плакали дети, отцами забытые, плакали старцы над горькою участью своих пропадающих от пьянства детей. А пьяная река все росла, зеленые

пьяные волны все шире и шире расходились по лицу необъятной Русской земли...

В это самое время, как светлые маяки на мрачном фоне современности, стали появляться церковные общества трезвости, где главными могучими силами в борьбе с народной нетрезвостью были – молитва и священный обет. Но эта идейная борьба, эта мирная созидательная работа не всегда и не у всех встречала себе доверие и нравственную поддержку, и наш трезвый призыв часто терялся и замирал среди шума нетрезвой жизни, среди бесконечной вереницы укоренившихся пьяных обычаев. Но не могло это всероссийское горе укрыться от внимательного взора Вашего Императорского Величества, не могли не докатиться вздохи и стоны измученных жен и детей до любящего Царского сердца! И совершилось дело великой исторической важности. Державное слово Вашего Величества и мощный призыв к делу народного отрезвления всколыхнул все необъятное море русской жизни, заставил радостью забиться сердца всех сочувствующих трезвому делу людей и воспрянуть духом одиноких и изнемогавших в неравной борьбе борцов за святую народную трезвость.

И эту нашу радость, наш неподдельный восторг и наши глубоко благодарные верноподданические чувства мы, как драгоценный дар, несем к Вашим стопам, Благочестивейший и Великий Государь, и усердно молим Господа Бога: да сохранит он славные дни Вашего Величества на многие-многие годы, да подаст Вам силы рассеять мглу «великого русского горя» и просветит

благодатным светом трезвости нашу великую, нашу святую, нашу державную матушку-Русь.

* * *

На всеподданейшем докладе о сем Обер-Прокурора Святейшего Синода в 18 день сентября сего года Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «прочел с удовольствием» (Церк.Вед. 1914, № 43).

Заканчивая обзор деятельности Карлинского общества трезвости за 1914 год и с восторгом отмечая ту победу, какую одержало наше трезвое дело над дикой властью разгулявшегося русского алкоголизма, мы боимся верить в реальное осуществление нашей, когда-то едва допустимой, мечты. Ведь так недавно мы слышали вздохи и стоны от пьянства, несущиеся по лицу нашей русской земли, как вой разгулявшейся осенней непогоды; ведь мы помним те дни, когда борцы за народную трезвость голосом, полным отчаяния, говорили, что «зло вокруг чересчур уж гнетет, ночь кругом чересчур уж темна»... А теперь? Мы видим новую зарю, загоревшуюся над нашей Родиной, мы верим в ее новые, светлые, трезвые дни; ясным сознанием мы прозреваем непоколебимую мощь и славное величие нашей великой России.

Теперь спокойно можно умереть и уста со спокойным умилением могут прошептать молитву: «ныне отпускаеши»... Враг лежит поверженным. Россия теперь спокойно отдохнет... «Да, мы отдохнем, мы отдохнем... Пройдут года и на теперешние наши страдания мы оглянемся с улыбкою, с умилением и... отдохнем».

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О ТОМ, КАК ВЕСТИ УРОКИ ТРЕЗВОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ¹

(Опыт противоалкогольного обучения)

Вместо предисловия

На педагогических курсах для учителей и учительниц церковно-приходских школ, бывших летом 1914 года в Симбирске, на мою долю выпало удовольствие провести несколько чтений и дать несколько уроков трезвости, с целью познакомить курсистов с опытом противоалкогольного обучения в начальной школе. Тогда же было некоторыми авторитетными лицами высказано пожелание видеть эти уроки отпечатанными. Во исполнение этого пожелания я и постарался воспроизвести данные уроки и их записать. Знаю, что мое скромное начинание в этой области страдает многими несовершенствами, но я буду нравственно вполне удовлетворен, если моя «Краткая записка» хоть отчасти кому-нибудь принесет желанную пользу и укажет пути к преподаванию трезвости.

Священник Сергей Петровский

*Напечатано с благословения Преосвященнейшего
Вениамина, Епископа Симбирского и Сызранского.*

Печальные картины русского пьянства

Нельзя молчать о той серьезной опасности, какую переживает в данный момент наша Родина, нельзя не го-

¹ Печатается по изданию Симбирской типо-литографии А.Г. Токарева, 1914 г.

ворить о той страшной эпидемии, которой заражены в настоящее время все слои русского общества, которой больны теперь и образованные и простолюдины, богатые и бедные, мужчины, женщины и даже дети. Алкоголизм – имя этой страшной опасности, народное пьянство – название этому великому русскому горю. Момент, который переживает теперь наша Родина, – критический и опасный. Если не бить тревогу, если не вопить о наступившей грозной опасности от вина, то может погибнуть все, чем была жива и могуча доселе наша державная матушка-Русь. Исчезнет дух русского благочестия и религиозности, расшатается и падет народная нравственность, погибнет мощный дух и физическая крепость русского народа, подорвется его благосостояние...

Повсюду, от края до края нашей великой страны, слышатся и несутся не жалобы, а настоящие тяжелые стоны: стонет беспомощным воплем деревня, где озверевший от пьянства мужик тиранит свою ни в чем неповинную жену такими побоями, о которых тяжело и жутко говорить, где в пьяном безумстве калечат беспомощных малых детей, где в дни праздничного разгула даже самый воздух бывает пропитан запахом алкоголя и слух обывателя оскорбляется такой омерзительной бранью, на которую и способен только пьяный человеческий язык, где на пьяной почве расцвело опасное и дикое хулиганство и где в пьяных драках и праздничных кулачных боях жизнь человеческая стала расцениваться очень ничтожной и жалкой ценой. Там, в глуши нашей темной деревни, пьют не только до последнего

медного гроша, но пьют до последнего медного креста на шее, до последнего куска черствого хлеба и, пропивши все, потерявши всякое человеческое достоинство, идут пополнять собою ряды босяков и пропойц, которыми так богаты теперь и большие, и малые города.

Не лучше, если не мрачнее еще, рисуется нам картина жизни городской, где питейные дома всевозможных родов и названий, как западни, ловят человека почти на каждом шагу. Есть роскошные, богато и соблазнительно обставленные, – это для людей со средствами, для прожигателей жизни, чести и состояния, а есть и дешевые, отвратительно-грязные, где пьет и гуляет Русь сермяжная, Русь Бога забывшая, убогая, голодная, пьяная. – И люди пьют... Пьют и с горя, и с радости, и в полночь и за полночь, и в жаркую летнюю пору рабочую и в лютую стужу холодной зимой. Пьют и в серые будни, когда только лишь день трудовой занимается, и в светлые праздники, лишь только служба Господня кончается, и в одиночестве пьют, сожигая свой разум и силу телесную, и в компании пьяной бесчинствуют, забывая свой стыд человеческий и попирая всякий нравственный Божий закон. А столбцы современной печати и сама наша действительная жизнь все более и более начинают пестреть печальными событиями, разыгравшимися на пьяной почве: там убили, тут ранили, этот от долгого пьянства лишился рассудка, а тот в припадке пьяного безумия лишил себя жизни...

Но пьют, как мы уже сказали, не только взрослые, но и дети, пьют школьники, пьют подростки, пьют юноши и девицы и, таким образом, опасность алкоголизма на-

чинает грозить не только настоящему, но и будущему нашей Родины, обещая дать налицо все неисчислимы и грозные последствия убийственной пьяной отравы.

Алкоголизм среди детей

Как ни тяжело сознаться, что эта страшная болезнь проникла и за стены нашей начальной школы, как ни ужасно сознавать, что алкоголь своим смертоносным дыханием коснулся и этих невинных созданий – детей, но факт налицо и его нельзя отрицать. Кому из нас, живущих в деревне, не приходилось наблюдать, как на деревенских праздниках, свадьбах, крестинах и помочах поят водкой детей наравне со взрослыми? Кому не приходилось слышать, как подростки-дети, в подражание старшим, устраивают настоящие попойки со всеми подробностями пьяной картины: с песнями, сквернословием, сигарками и пр.? Сколько раз приходилось слышать, что сами отцы своими руками подносили детям эту пьяную отраву, толкая, таким образом, родное дитя свое на страшный путь пьянства, порока и зла. Сколько раз приходится педагогам слышать от ученика, не бывшего вчера в школе, такое объяснение причины отсутствия его на уроках: в доме была свадьба или крестины, а у него «болела голова». Учительница Сергиевской школы трезвости А.П. рассказывает в своей книжке, что ей однажды пришлось быть в Москве в детском приюте и там говорить о трезвости, а когда в заключение она этих детей, в возрасте 8-12 лет, спросила, не пробовал ли кто из них вина, то оказалось, что из двадцати семи человек только двое совершенно ни-

когда не пили, а остальные двадцать пять пили и напивались допьяна. Петербургский доктор Григорьев, проводивший анкету среди учащихся в петербургских школах, нашел, что мальчиков, пивших спиртные напитки, оказалось 94%, а девочек 91%. Факт существования алкоголизма среди детей школьного возраста признавал и наш великий педагог С.А.Рачинский, который в числе прочих просветительных и воспитательных задач школы громадное значение придавал и борьбе с народным алкоголизмом. Если тридцать лет тому назад великий педагог поднял знамя трезвости и сплотил вокруг него не только учащихся и учащихся в своей Татевской школе, но объединил многих лучших людей своего времени для борьбы с народным пьянством, – то тем более следует сделать это педагогам настоящего времени, когда пьяное дело возросло до чудовищных размеров и борьба с этим злом сделалась настолько неотложной, что всякое промедление является опасным для нашей великой России и нравственно преступным для тех, кто призван быть в роли ее воспитателей, руководителей и просветителей.

Вот почему современная школа должна выдвинуть на сцену так называемое противоалкогольное обучение, имеющее своей задачей воспитать и подготовить новых трезвых граждан, с новыми понятиями и взглядами на пьяные обычаи нашего времени, с твердыми трезвыми убеждениями, презирующими пьянство не только как нравственный порок и моральное зло, но и как сплошное безумие для человеческого ума и убийственную отраву для всего человеческого организма.

Противоалкогольное обучение

Недавний опыт этого обучения знает следующие пути в этом направлении:

1. Преподавание трезвых начал на уроках Закона Божия, для какой-либо цели открывается необозримый простор и бесчисленные к тому поводы и случаи.
2. Вкрапливание трезвых идей во все положительно предметы начального школьного курса.
3. Специальные уроки трезвости.

Урок Закона Божия в связи с учением о трезвости

История грехопадения прародителей.

1. Рассказ истории законоучителем.
2. Повторение ее учениками сначала по частям, потом в целом виде.
3. Нравственное применение.

За что Бог наказал прародителей? За непослушание. А теперь, детки, всегда ли люди слушаются Господа Бога? Иногда слушаются, молятся Богу, ходят в храм Божий, не произносят дурных слов, не ссорятся, не дерутся, а иногда люди делаются как бы безумными, начинают со всеми ссориться, дома буйствуют, на улице скандалят. Когда это бывает с людьми? – Когда напиваются пьяными, пьют водку, пиво и разные вина.

Да, деточки, вино потому так действует на человека, что в нем есть яд, который называется алкоголем. Яд этот ударяет человеку в голову, в его мозг и человек делается как бы безумным, забывает Господа Бога,

не слушается Его и заповедей Его не исполняет. Пьяный человек пропивает не только все свои деньги, но и вещи (часы, одежду, обувь), как безумный, ругает всех, кто ему попадается на глаза, придя домой, буйствует, деток своих всех перепугает, маму их побьет, а в доме все переломает, мебель исковеркает, посуду перебьет и, наконец, упадет где-нибудь, да тут и уснет. Случается, что на улице в болото или в грязь упадет, а зимой в снег лицом и руками зароется, да так и лежит тут, пока какой-нибудь добрый человек не найдет его и отведет домой, чтобы не замерз до смерти, или не отморозил бы рук или ног. А утром проснется, на него страшно посмотреть: весь дрожит, голова его болит, глаза красные, самого начинает тошнить. И все оттого, что человек отравил себя алкоголем, — тем ядом, который находится в водке, пиве и в разных винах, потому так и страдает, а иногда совсем умирает. Вот почему, детки, Господь и не велел упиваться вином (Лук.107 зачало), подобно тому, как некогда в раю не велел есть плодов с запрещенного дерева. Таким образом, как в раю было дерево, плоды которого несли человеку болезни и смерть, так и в нашей жизни есть такие страшные напитки, которые причиняют человеку всевозможные несчастья, болезни и смерть. Так как эти напитки – водка, пиво и разные вина – содержат в себе спирт, то мы и станем называть их спиртными напитками.

Послушались ли Господа первые люди? Нет, они нарушили заповедь Божию. Что тогда с ними сделал Господь? Наказал их: изгнал из рая, лишил той прекрасной жизни, какой они наслаждались в раю. Хорошо им жилось по из-

гнании из рая? Нет: они тосковали, болели, плакали и не только сами, но и дети их и внуки.

А что, деточки, бывает с теми людьми, которые теперь не слушаются Господа, не велевшего упиваться вином? Господь их наказывает и вместо хорошей жизни посылает им самую несчастную жизнь: вместо богатства – пьяница впадает в бедность, вместо здоровья – наживает от пьянства болезни, вместо семейного счастья – только раздор и тяжелое горе поселяются в семье пьяницы, от которого неутешными слезами плачут жена и малые дети...

Чем Господь обрадовал и утешил согрешивших и наказанных прародителей? Он обещал им Спасителя, Который избавит людей и от тяжелой жизни и от вечной гибели, и люди стали молиться и ждать эту обещанную радость, этого желанного Спасителя Мира.

А вот, детки, мы говорили про пьяниц, что и они, подобно первым людям, не слушаются Господа, заслуживают праведный гнев Его и начинают проводить самую жалкую жизнь. Кто же над ними сжалится, кто их пожалеет и утешит? Конечно, Господь Бог, Который, хотя и наказал первых людей, но все же дал им радостную надежду на Спасителя. Так и теперь! Он только и может пожалеть пьяницу, он только и может спасти его от мерзкого пьянства, лишь бы человек захотел этого, лишь бы только он пожелал выбраться из этого пьяного омута. Что же надо делать несчастному пьянице, если бы он захотел больше не пить спиртных напитков, бросить губительное пьянство, а у него сил-то не хватает, по старой привычке его тянет к вину? Надо молиться, просить Господа, чтобы Сам

Бог помог ему одолеть его губительную привычку и отстать от мерзкого пьянства.

Заключение: Молитесь же и вы, деточки, Господу, чтобы Он вразумил ваших папу и маму никогда не пить вина, молитесь и за себя самих, чтобы Господь возрастил вас здоровыми и научил никогда не пить ни пива, ни водки, ни вин никаких, чтобы этими ядовитыми напитками не отравить и не погубить себя. Молитесь же, деточки, и Господь сохранит вас!

В таком, приблизительно, виде рассказываются истории в связи с учением о трезвости. Подобных историй, с которыми можно в виде нравственных приложений связать учение о трезвости, на всем протяжении Ветхого и Нового Заветов найдется немало (Всемирный потоп, дети Ноя, столпотворение, брак в Кане и пр.). Но надо стараться, чтобы подобные нравственные выводы не были искусственны, деланны, попросту говоря, навязаны, а чтобы они естественно сами собой вытекали из истории и были приложимы к жизни. Нельзя думать, что чем чаще делать в историях такие предвзятые выводы, тем лучше для дела. Нет, роль законоучителя в этом отношении будет великолепно выполнена, если он умело воспользуется и сильно начертит в сознании учеников этот большой вопрос в тех случаях, где нравственный вывод о вреде и губительности пьянства напрашивается и выходит естественно – сам собою.

Весьма удобно касаться этого вопроса и при прохождении заповедей Закона, потому что нет ни одной заповеди, которая не была бы нарушена пьяницей. Он и богохульствует и кощунствует, нарушая первую запо-

ведь. Делая пьяную страсть свою как бы своим идолом и униженно ему кланяясь, пьяница делается хуже всякого идолопоклонника – вторая заповедь. В пьяном виде он без всякой нужды употребляет в пьяном разговоре и святейшее имя Божие, а так же сквернословие и брань – третья заповедь. Праздники Господни у него существуют только для большого пьянства, а не для служения Господу, так что часто бывает, когда в храме идет служба Божия и приносится бескровная жертва на престоле Божиим, пьяница сидит где-нибудь за бутылкой водки, орет дикие песни и ругается, забывши свою совесть, забывши Божий страх – четвертая заповедь. К начальству непочтителен, с родителями груб и бесчеловечен, к духовным пастырям невнимателен, к жене и детям своим несправедливо жесток и безжалостен – пьяница является грубым нарушителем и пятой заповеди. Отравляя свою жизнь, свое здоровье и силы заключающимся в спиртных напитках ядом – алкоголем, он не только является самоубийцей, но в пьяных драках и праздничных кулачных боях пьяные убивают друг друга, проливают человеческую кровь и делаются преступными убийцами, опасными для трезвого общества людьми. Пьяные и прелюбодействуют, и воруют, и за рюмку готовы оклеветать своего ближнего, и, завидя другим, стараются всегда повредить спокойствию и счастью трезвых людей.

Таким образом, каждая заповедь представляет вполне подходящий повод для беседы со школьными детьми о вреде пьянства, и законоучителю надо достичь того, чтобы его ученики отчетливо знали, в чем и как

нарушаются заповеди Божии пьяными людьми, нужно показать им и подчеркнуть, каким страшным законопреступником является пьяница, почти одновременно нарушая все заповеди.

Само собою понятно, что все упомянутые мысли должны преподаваться детям в форме кроткой, отеческой беседы, в которой бы чувствовалась скорбь законоучителя к этому горю и его сочувствие к тем несчастным семьям, где это горе успело свить себе гнездо. И Господь даст, что это, с любовью посеянное в детские сердца трезвое семя, взойдет, вырастет и принесет желанные плоды и наполнит сердца работников на ниве Христовой такую радостью, которую «никтоже возымет от них».

Вкрапливание трезвых идей во все предметы школьного курса

Сеять трезвые семена в чистые детские души – это есть не только нравственная, но и прямая обязанность учителя, который на всех предметах школьного курса с успехом может проводить в сознание учеников эти добрые начала. При объяснительном чтении на уроках русского языка и при заучивании стихотворений можно иногда выбирать статьи, басни и стихотворения противоположного характера, т.е. такие, где бы восхвалялась трезвость и клеймился бы пьяный порок. Тем более, что теперь уже появились специальные противоалкогольные хрестоматии, где подобного материала достаточное количество. А на основании личного опыта можно сказать, что дети с особенным интересом заучивают подобные статьи и стихотворения, иногда, может быть, видя в

них отображение личного горя, знакомого большинству из них с самого раннего детства.

Можно подобные статьи и подбор пословиц («пить до дна – не видать добра», «кто вино любит, тот сам себя губит» и пр.) делать предметом диктантов и списывания с книги в качестве самостоятельных работ. Описание пьяных деревенских праздников и базаров можно давать в качестве домашних письменных упражнений. Даже на уроках арифметики и то можно проводить эту предвзятую идею, составляя и придумывая такие задачи, где пьянство трактовалось бы как нечто невыгодное с материальной точки зрения и безрассудное с точки зрения здравого смысла. Например: «Крестьяне празднуют в году столько-то больших и столько-то малых праздников; в большие пропивают столько-то денег, а в малые столько-то. Через сколько лет могли бы выстроить школу в такую-то цену, если бы совершенно отказались от выпивки в праздники?»

Теперь становится ясным, что при вдумчивом и серьезном отношении к противоалкогольному обучению открываются широкие горизонты к самому детальному освещению этого вопроса, а при желании и при любви к делу школьных работников рисуется поднятие школьного дела трезвости на ту высоту, на какой оно стоит в единственной пока у нас Сергиевской школе трезвости, вблизи Петербурга.

Специальные уроки трезвости

Помимо уроков Закона Божия и вкрапливания трезвых начал на прочих предметах школьного курса воз-

можны и необходимы специальные уроки трезвости (от одного до двух в неделю), на которых понятия о вреде пьянства и о пользе трезвости выясняются посредством чтения и разбора специальной статьи, объясняющей то или иное положение (например: вино расстраивает здоровье, вино убивает, материально разоряет и пр.) или на основании картины, наглядно рисующей ужас пьянства.

Для примера мы далее представим описание двух уроков, из которых первый доказывает вред пьянства посредством чтения подходящих кратких статей, а второй путем наглядных картин выясняет вредное влияние алкоголя на внутренности человеческого организма.

Опыт противоалкогольного обучения

Урок трезвости по избранной статье

Скажите, дети, для чего мы пьем и едим, для чего нужны человеку пища и питье? Пища и питье дают человеку силу, здоровье и жизнь. Назовите, что мы употребляем в пищу? – Хлеб, мясо, рыбу, яйца и пр. А что мы пьем? – Воду, молоко, хлебный квас. Все, что вы назвали и что мы пьем и едим, это приносит человеку силы и здоровье. Но есть, детки, вредная пища и вредное питье, от которых человек умирает. Не знает ли кто из вас такого вредного питья, что после его употребления человек болеет, а иногда и умирает? – Спирт, водка, вино, пиво. Почему эти напитки вредны? Они содержат в себе яд, который называется алкоголем.

Слушайте же, детки, что алкоголь делает с человеком:

а) *Кто пьет пиво или водку, тот теряет свое здоровье и болеет.* – Далее следует чтение статьи, в которой

рассказывается, как пьяница потерял свое здоровье и сделался больным. Прочитанную статью ученики повторяют, рассказывают и усваивают, а потом приходят к заключению, высказанному вначале, что пьяница теряет здоровье и это сформулированное заключение пишется сначала на классной доске, а затем в особые тетрадки. Для усиления записанной основной мысли удобно высказать, а потом заставить учеников запомнить и записать пословицу: «кто вино любит, тот сам себя губит».

б) *От вина человек умирает.* – Для пояснения этой мысли опять выбирается соответствующая статья, где трактуется, как пьянство убивает человека.

в) *От пьянства человек сходит с ума и кончает дни свои в сумасшедшем доме.* – «Вино уму не товарищ» (пословица).

г) *Пьянство разоряет человека, делает нищим, заставляя бедствовать не только его самого, но и семью.* – «Гули, да гули в лапти обули», «Стаканчики да рюмочки довели до сумочки» (пословицы).

Все упомянутые положения (под лит.а,б,в,г) могут быть рассматриваемы в отдельности и стать предметом отдельного, самостоятельного урока трезвости, так как удобнее каждую статью прочитать и обстоятельно рассказать, чтобы усвоить всеми. Основная мысль тоже должна быть основательно усвоена учениками, а также и пословица, как пояснение данной мысли, тем более, что простой народ любит пословицы, любит пересыпать ими свою разговорную речь, а это особенно важно по отношению к данному вопросу.

Урок трезвости (по картине)

Вот, детки, вы говорите, что в вине, водке и пиве есть яд, который называется алкоголем. Верно. А что же этот яд отравляет? Слушайте, я скажу вам: алкоголь отравляет мозг, отравляет сердце, желудок, печень и все внутренности человека.

Где находится мозг? В голове. А о каком человеке говорят, что у него много мозга в голове? Об умном. А когда человек напьется вина, можно его назвать умным? Нет, он говорит одни глупости, ругается, дерется, орет неприличные песни, а умный человек этого делать не станет. Значит, детки, как только человек выпьет водки или пива, так ему сразу и ударит в голову, в мозг; он начинает размахивать руками, громко кричать, шумно разговаривать, а потом скандалить. Вы видели, как иногда пьяные скандалят на улице? Что тогда с ними делают? – Приходит городской, тащит пьяного в участок, а дома ждут, беспокоятся мама и детки, плачут, а его пьяного заперли. Вот каким глупым делается пьяный. А то бывает еще хуже: ныне выпил человек – ударило в мозг, завтра напился – снова ударило, еще пьет – и еще ударяет алкоголь на его больные мозги и... человек сходит с ума, делается безумным и его отправляют в сумасшедший дом. Вот что делает алкоголь с мозгом человека!

Далее учитель показывает картину человеческого мозга, сначала здорового, а затем пораженного алкоголем и, останавливаясь на тех изменениях, какие замечаются в мозге алкоголика, поясняет, что эти изменения есть болезни мозга, вызванные употреблением алкоголя.

Алкоголь поражает сердце человека. А где у нас находится сердце? В груди, с левой стороны. Почему вы думаете, что тут сердце? Оно бьется, его можно чувствовать рукой. Да, детки, сердце всегда бьется, оно никогда не отдыхает. Если же человек выпьет вина, то оно еще сильнее начинает биться. А это хорошо ли для сердца-то, полезно ли? Нет, оно может пострадать. Если какую-нибудь машину пустить быстро-быстро, что с ней может сделаться? Она может от слишком быстрого хода сломаться. Так и с сердцем. От частого действия, вызванного алкоголем, сердце часто не выдерживает, разрывается и человек умирает.

Показывается картина человеческого сердца здорового и пораженного алкоголем.

Алкоголь поражает желудок. А что это такое – желудок у человека, что он делает? Желудок переваривает пищу. Это, детки, как бы печь в доме, – так и желудок в человеке. Без печи нельзя, холодно, можно замерзнуть зимой, так и без желудка. Наложит человек дров в печь, затопит дрова и сделается в комнате тепло и приятно. Так и тут. Поест человек, попадет пища в желудок, начнет там перевариваться, сгорать, как дрова в печи, – и человек делается здоровым, веселым и сильным. А если человек выпьет водки, то пища-то в желудке и не переваривается, потому что алкоголь заливает пищу в желудке, как вода заливает огонь в печи. Как бы хорошо дрова ни горели в печи, но стоит только на них полить воды, и они потухнут, – так и в желудке: как бы хорошо он ни работал, как бы хорошо он ни переваривал пищу, стоит только выпить водки или пива, пище-

варение ослабляется, желудок от частого и чрезмерного употребления спиртных напитков начинает сильно портиться, стенки желудка покрываются язвами (что особенно наглядно видно на картине) и человек начинает болеть всевозможными болезнями желудка, и наконец, в страшных мучениях умирает.

Показывается картина человеческого желудка.

Алкоголь поражает печень. Господь, детки, премудро сотворил человека. Вот вы видели, конечно, когда порежет кто-нибудь из вас руку или ногу, то показывается алая кровь. Эта кровь чистая, хорошая. Идет она от сердца и расходится по нашим жилам по всему телу. Но надо знать, детки, что от сердца-то она выходит сначала испорченной, неочищенной, и если бы такая дурная кровь разлилась по человеческому телу, то человек умер бы. Но у нас внутри есть такая как бы машина, которая называется печенью, через нее-то и проходит вся кровь от сердца, в ней очищается, а потом уже хорошей и очищенной разливается по всему телу. И вот, детки, ученые люди, доктора, сказывают, что когда человек пьет пиво или водку, то печень у него портится, болеет, кровь в ней очищается плохо. А когда плохо очищенная кровь разливается по телу, то человек здоровым быть не может, начинает болеть, а если не бросит пить спиртные напитки, то в конце концов и умирает.

Учитель показывает на картине печень здорового человека и алкоголика, подробно поясняя тот вред, какой причиняется алкоголем печени человеческого организма.

Как людям избавиться от пьянства

Вот теперь, детки, вы убедились и поняли сколько вреда для здоровья приносят водка, пиво и вообще спиртные напитки. Как же от этого горя избавиться, как же можно излечиться от этой страшной болезни? А вот, может быть, вы слышали, что есть общества трезвости при церквях, куда страдающие этим недугом и ходят записываться. Там батюшка молится, чтобы Господь пожалел несчастных пьяниц, сжалился бы над их бедными детками и избавил бы их от пьянства. А после молитвы эти несчастные люди дают Господу Богу обещание в течение какого-нибудь срока не пить ни вина, ни пива и никаких других опьяняющих напитков. И после этого не пьют, потому что помнят о своем обещании Господу, которое нарушить страшно и грешно, так как Господь наказывает за нарушение этого обещания. Те люди, которые бросают пить и записываются в общество трезвости называются трезвыми или трезвенниками. А трезвым, детки, хорошо живется на свете: они всегда здоровы и не болеют так часто, как пьющие вино; в доме и в хозяйстве у них всего много, дети их сыты и хорошо одеты; трезвых и на работу и на должность всегда охотнее принимают, чем людей пьющих.

Вот и вы, детки, никогда не пейте вина, помните все, что я говорил вам о вреде спиртных напитков, всю жизнь старайтесь быть трезвенниками и другим рассказывайте, что вы слышали и что знаете о вреде водки, пива и всяких опьяняющих напитков. Запишите-ка и заучите стихотворение о трезвости, которое я сейчас вам прочитаю.

*«Трезвость – счастье, трезвость – свет,
Трезвость – всем подмога.
Трезвым жизни много лет
Значится у Бога.*

*Так давайте ж, братья, мы
Господа попросим,
Чтоб избавил нас от тьмы,
И вино все бросим!»*

К вопросу борьбы с народным алкоголизмом

Что алкоголизм есть страшное зло человеческой жизни, – эта истина едва ли и нуждается в красноречивых доказательствах.

А если алкоголизм есть страшное зло, если он производит страшные опустошения во всех областях человеческого бытия и если прибавить к этому, что зло это широкой рекой разлилось по всему лицу нашей родной земли, потопляя в своих зеленых волнах не только взрослых мужчин и женщин, но даже детей, – то остается сказать, что дальше этого уже некуда идти: нашей дорогой Родине, нашему могучему богатырю – русскому народу, нашему славному историческому прошлому грозит опасность. Во власти «огненной воды» сгорает мощный дух и физическая крепость русского народа, шатается нравственность и ежегодно приносится в жертву алкогольному демону миллиардное состояние трудовых народных денег. Если провести приблизительный подсчет всем расходам, сопряженным с пьянством у нас в России, то получается огромная цифра, которая составляет около трех миллиардов рублей. И

это ежегодно. Да еще с каждым годом статистика показывает увеличение этой цифры.

Три миллиарда нам стоила японская война. Сколько было разговоров про эту несчастную войну! А что алкоголь уносит три миллиарда и притом ежегодно, об этом мало думают, мало говорят.

Итак, наша Родина горит страшным пожаром, зловещее зарево обложило весь наш родной небосклон и нам, стоящим на страже жизни народной, – воспитателям, руководителям и учителям его, – дремать и бездействовать в данный момент преступно и грешно. Священник и учитель в деревне – это почти единственная культурная сила, и эта сила должна проснуться, развернуться во всю свою ширь и двинуться на грозного врага, которому теперь даже с высоты Престола объявлена беспощадная война. Но не секрет, господа, что все благие и гуманнейшие начинания в этой области нашего Батюшки-Царя и все благонамеренные предначертания современного правительства будут иметь тогда успех и добрые последствия, когда мы, работники на местах, будем добросовестными исполнителями этих благих велений, когда все мероприятия, направленные к искоренению народного пьянства, мы постараемся провести в народную жизнь. Но мне почему-то кажется, что в данную минуту многие из вас, по своей скромности, думают в себе: «Что могу я сделать в своей области, в своем скромном положении деревенского учителя или учительницы?» Прочь, господа, подобные сомненья и колебанья!

Я расскажу вам один случай, имевший место в Швеции:

Первого октября 1900 года Швеция праздновала столетний юбилей со дня рождения первого своего борца с алкоголизмом Петра Визельгрена. Он начал свою деятельность против пьянства будучи еще девятнадцатилетним гимназистом в родном гнезде – местечке Бексе. Во время посещения Визельгреном гимназии в Бексе в 1819 году, в этом городке было совершено зверское убийство. Какой-то человек, будучи всегда прилежным рабочим и примерным отцом семейства, в пьяном виде убил свою жену. Когда он протрезвился, то немедленно явился в полицию и заявил о совершенном им убийстве, требуя правосудия. По местному закону преступление, совершенное в нетрезвом виде, увеличивало кару, и убийцу ожидала, несомненно, смертная казнь. Действительно, он был приговорен к такой казни и обезглавлен. Но пока он сидел в тюрьме, молодому Визельгрону, направляющемуся в гимназию, часто приходилось слышать – через открытое тюремное окно – доносившиеся тяжкие вздохи несчастного человека. История убийства была ему, равно как и всему городу, хорошо известна. Жалость к несчастному убийце все более и более росла в сердце впечатлительного юноши, который стал добиваться у тюремного начальства разрешения посетить узника и побеседовать с ним. Получив, наконец, это разрешение, молодой гимназист стал ежедневным посетителем тюрьмы и собеседником несчастного узника до самого дня совершения над ним смертного приговора.

Это кратковременное знакомство с человеком, неотступно терзаемым угрызениями совести, с человеком, который был и хорошим работником, и порядочным се-

мьянином и которого можно было прямо-таки назвать жертвой алкоголя, – произвело на юношу неизгладимое впечатление.

В 1819 году Визельгрэн основывает первый шведский союз умеренности, членами которого являются его товарищи-гимназисты.

Окончив гимназию и сделавшись студентом, Визельгрэн продолжает свою деятельность с удвоенной энергией. Деятельность эта не ослабевает и в то время, когда он занимает уже профессорскую кафедру, а затем становится духовным лицом. Основанное им Шведское Общество трезвости еще в 1840 году насчитывало сто тысяч членов. Наконец, при содействии многочисленных приверженцев, ему удалось провести в законодательном порядке запрещение заниматься винокурением в крестьянских домах и ограничение права торговли спиртными напитками.

Благодаря этому движению и пропаганде, в 1855 году издан был закон, предоставивший сельскому населению воспрещать у себя торговлю спиртными напитками. Результат получился поразительный. До 2000 приходов прекратили у себя питейную торговлю и во всех 25000 приходов осталось только до 600 питейных заведений.

Законодательные меры, введенные при участии Визельгрэна, произвели полный переворот в деле продажи водки.

Вот вам наглядный пример, что может сделать даже один человек, лишь бы было искреннее желание его работать на пользу родного народа, лишь бы только эта

святая идея проникла в честную душу скромного деревенского работника.

Забудем на время свою скромность, и сознаемся, что священник и учитель – это громадная моральная сила, которая может не только сломить упорную силу деревенского невежества, но и осветить народную жизнь таким светом евангельской нравственности и христианской культуры, что исчезнет мрак народного невежества, рассеется тьма беспросыпного пьянства и светлое солнышко трезвости осветит и согреет мрачную и холодную деревенскую пьяную жизнь.

Ведь наш народ, господа – Богоносец-народ, в душе его живет тот образ Божий, который вложен в него Создателем, так что в какой бы нравственной грязи он ни сидел, до каких бы глубин нравственного падения он ни опускался, все равно он тоскует по жизни «настоящей», по жизни святой, по жизни по-Божьему. И лишь только живое слово коснется его сердечных струн, они начинают долго и гармонично звучать, заглушая «звуками неба грешные песни земли» (Г. Петров).

Вы, господа, являетесь носителями этого живого слова, вы должны подойти с ним к изболевшейся от пьянства народной душе, иначе, кроме нас, никто не подойдет, никто не залечит этих ран, никто не поплачет над пьяным горем деревни и не укажет просвета, не укажет пути!.. Это наш долг, – долг скромных тружеников деревни, взявших на себя добровольный крест служения темному люду. К этому подвигу, господа, нас зовут те слезы и стоны, которые в наших деревнях не раз надрывали душу в дни праздничного народного разгула, когда избитая,

истерзанная, стонала несчастная русская женщина, плакали испуганные пьяным отцом деревенские дети, рыдали оскорбленные и униженные пьяными детьми старики родители. Вообразите эти потоки горячих слез, слейте их в своем воображении вместе и получится «горя реченька бездонная»... Вообразите ту страшную человеческую кровь, которая льется в пьяных драках и убийствах, слейте ее вместе, и... от такой даже воображаемой картины дрогнет и ужаснется самое нечувствительное человеческое сердце. А мы, мнящие себя руководителями народа, неужели спокойно будем стоять на берегу этого потока крови и слез, спокойно смотреть на погибающих и безучастно проходить мимо? Но этого нам не простит ни Праведный Судия, поставивший нас на свещнице народной, ни наш темный народ, к которому мы пришли в роли воспитателей и просветителей, ни беспристрастная история, оценивающая деяния человеческие и заслуги руководителей народных масс со всею строгостью исторической правды, которая назовет нас не именем друзей и просветителей народа, но именем бездушных наемников, не отозвавшихся, не откликнувшихся на «великое русское пьяное горе»...

К тебе, женщина, к тебе кроткая труженица, учительница русской деревни, мы, скромные поборники трезвости, несем нашу просьбу, шлем наш горячий призыв встать на борьбу с засильем «зеленого змия», с беспроблемным пьянством нашего деревенского люда! Ты своим женским сердцем скорее поймешь и прочувствуешь всю глубину этого горя, так как это твоя сестра – деревенская русская женщина – стонет от него и в серые будни, и в

светлые праздники, и в темную полночь, и в утро прекрасное, и в знойную летнюю пору рабочую, и в лютую стужу холодной зимой. К тебе, как ближайшему другу и верной советнице, идут они со своим горем, со своей жалобой на своих обезумевших от пьянства мужей, перед тобой изливают они всю непосильную тягу своей наболевшей души, около тебя, как около родной матери, собирается школьная детвора, напуганная шумом и гамом пьяной домашней картины, и на тебя, как на свою покровительницу, поднимает она свои переполненные слезами детские глазки...

И ты подойди к этому «горькому горю»: в своих кротких речах расскажи, сколько вреда и несчастья несет с собою эта пьяная отравка, к каким непоправимым печальным последствиям приводит эта пьяная дорога, как эта ядовитая отравка губит не только богатство и счастье, но бессмертные души людей. Скажи это старым, скажи молодым, а особенно постарайся заронить это трезвое семя в чистую душу твоих школьных детей!

И этот крест, эту нелегкую работу ты понесешь не одна: на помощь к тебе придет твой собрат, твой соратник на ниве народной – учитель, ваш трезвый союз возглавит приходский священник, и закипит святая работа.

Священник на уроках Закона Божия, а вы, господа, на прочих предметах школьного курса будете пользоваться каждым подходящим случаем, чтобы подчеркнуть детям мысль о вреде пьянства и о пользе трезвости, будете устраивать в школе детские праздники и литературные вечера с подбором подходящих к этой теме статей, будете вести праздничные чтения, пользуетесь ими как са-

мым удобным временем для ваших антиалкогольных бесед и разговоров, будете заводить на этих беседах общее народное пение или услаждать слух обывателей пением детского школьного хора – и поверьте, этими благородными развлечениями вы не только отвлечете народ от пьянства и приятно заполните его досуг, но и осмыслите свою жизнь, одушевите свою работу, сообщивши ей характер идейного подвига. Ваш добрый порыв оценит народ, на первых же порах найдутся сочувствующие вашей работе люди, а при помощи таких людей обзаведитесь вы противоалкогольной брошюрой, копеечным листком, в возможном для вас количестве – и пустите их в читающую публику, чтобы печатное слово сделало свое дело, досказало бы то, что осталось недосказанным при ваших личных беседах. Постарайтесь обзавестись фонарем и попробуйте демонстрировать световые картины, – публика переполнит все ваши аудитории и вы увидите перед собой такое широкое поле для идейной работы, что не пожалеее ни ваших сил, ни ваших трудов, чтобы напитать этих алчущих и жаждущих духовного света, этих духовно голодных и умственно темных людей.

Не смущайтесь, не думайте, что отсутствие средств явится для вас неодолимой преградой в выполнении этих просветительных планов, – все явится само собой, лишь бы люди увидали ваш бескорыстный и святой труд. Я говорил уже здесь, – Сергиевская школа трезвости вблизи Санкт-Петербурга, это крупное культурное явление наших дней, возникло совершенно без всяких вначале средств. Скажу вам, вопреки своей скромности, что и руководимое мною Карлинское общество трезвости,

не обладая вначале никакими средствами, теперь имеет свой дом, обстановку, библиотеку для чтения, книги и картины для продажи, фонарь с картинами и пр. и раздает ежегодно несколько тысяч листов и брошюр противоалкогольного характера, тратя на это целые сотни рублей. Все это будет и у вас, всеми этими принадлежностями культурной работы будете и вы располагать, если захотите встать на страже вверенного вам просветительного дела.

Вообще, как вести борьбу с народным пьянством, что может сделать учитель в школе для ознакомления детей с губительными последствиями пьянства, как вести чтение с фонарем, как устраивать школьные праздники, – на все эти вопросы дает ответы прекрасная книжка Мордвинова «О том, как Вознесенцы с вином воевали». Да впрочем, не книжка, а сердце ваше, согретое любовью к страждущему брату, подскажет, что надо делать, когда выйдете вы на борьбу с народным пьянством. И пусть во главу этого дела, этого благого начинания ляжет, господа, ваша личная, абсолютная трезвость, без которой нельзя выходить на ниву народного отрезвления. Не возражайте в данном случае указанием на свою умеренность, потому что в деле алкогольной выпивки умеренность часто незаметно переходит в неумеренность, употребление – в злоупотребление и человек, сам того не замечая, опускается на дно той страшной пропасти, которой имя – пьянство.

Наконец, без вашей личной абсолютной трезвости вы не можете даже среди темного деревенского люда вести противоалкогольную пропаганду, потому что никто не поверит в искренность вашего слова, видя разногла-

сие между вашим словом и делом, не поверит никто до тех пор, пока вы не окружите себя ореолом абсолютной трезвости и не объявите себя непримиримыми врагами пьянства.

Наш великий педагог С.А.Рачинский, когда задумал бороться с пьянством через школу, начал с самого себя: «5 июля 1882 года, в день именин С. А., после молебна Преподобному Сергию им самим и его учениками был произнесен в церкви обет воздержания от спиртных напитков сроком на один год. Этот обет в следующем году был повторен теми же лицами, с прибавлением новых членов и количество их стало с каждым годом все более и более расти». (В.Т.Георгиевский).

Обратите внимание, что великий человек не только силой своей воли сразу решает вопрос о спиртных напитках, но он идет и других ведет под благодатный покров Церкви, он произносит обет трезвости и таким образом полагает начало обществам трезвости того типа, какой живет и действует и в данное время начинающейся усиленной борьбы за народную трезвость.

Насаждение трезвости и уничтожение пьянства может быть только тогда успешным, когда оно коренится на религиозной основе, когда оно является плодом религиозного чувства, – этого главного рычага в этом движении, – сердечного, горячего желания трезвенника зажить жизнью новою – Богу угодною. Вот основное убеждение С.А.Рачинского, которым он руководился при организации своих обществ трезвости и которое является наиболее плодотворным, жизненным в этом деле.

А у нас находятся личности, которые говорят, что обеты трезвости – это средство борьбы с пьянством низшего порядка, которые могут быть применимы только к темному неинтеллигентному люду, а для интеллигента-де эти средства слишком сомнительны и просты. Как хотелось бы подобным мудрецам указать на упомянутый пример С.А.Рачинского, этого интеллигента в полном и буквальном смысле слова, этого крупного ученого, профессора не только у нас, но и за границей.

Не знаю, господа, найдутся ли среди вас такие рыцари долга, которые пожелали бы для начала святого дела сейчас же отказаться от употребления спиртных напитков, хотя бы в течение некоторого времени, но, мне думается, что все, что здесь мы говорили, не останется без добрых последствий, не умрет, не принесши плода.

Нива просторная, нива народная, нива слезами политая ждет вас, господа, там, в деревенской глуши – выходите же на святую работу народного отрезвления, выступайте вперед, зажигайте огни! И пусть вам в напутствие будут дивные слова поэта: «Бог вам на помощь, Христовы работники! Глубже вам вспахивать пашенку черную; шире косою размахнуться проворною, будет большой урожай!»¹ – Да, повторю, господа, будет большой урожай, если мы трезвые зерна, посеянные в ниву народную, будем растить, поливать; если плевелы пьянства, так обильно и густо в жизни деревни растущие, будем срывать, убирать; если душою своею этим пьяным горем народным будем болеть и страдать – да, господа, будет большой урожай!..

1914 год

¹ Берг Ф.Н. Стихотв. «В поле».

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС ПРИ СВЕТЕ ПЕРЕЖИВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Миновало то время, когда ужасы народного пьянства надрывали сердце, помрачали ум и создавали такую атмосферу жизни, в которой тяжело становилось жить. Правда, тяжелые дни выпали на долю нашей Родины и теперь: много горя и слез несет переживаемая, искусственно навязанная война, – но эта последняя беда послана нам Богом как испытание, как искушение, как наказание за наши грехи. А горе русского пьянства мы создавали сами, культивировали его, увеличивали и без того широкие его размеры: на каждом шагу строили питейные заведения, со вкусом и роскошью обставляли их, осыпали живыми цветами винные горки буфетов, звуками соблазнительной музыки зазывали в эти пьяные притоны слабовольную, скучающую толпу. И люди шли на эти блуждающие, обманные, болотные огни, шли и оттуда не возвращались.

Пусть здоровье и силы горели в этом отвратительном пьяном чаду, пусть совесть и честь выжигались безумьем пьяного веселья и диких оргий, пусть таяли деньги, часто последние, кровавым трудом добытые деньги, – об этом некогда было думать, отуманенная постоянным чадом похмелья голова не могла вместить здравых и честных понятий, не могла внимать слабым протестам сжигаемой пьянством совести. Одни, убитые пьянством, сходили в преждевременную могилу,

другие оставались с разбитой, искалеченной жизнью, третьи продолжали безумствовать в своем пьяном угаре, а четвертые и пятые шли по той же избитой, несчастной пьяной дорожке.

И все это исчезло, куда-то сокрылось, растаяло, как дым! Как в дивный сон, как в чудную сказку, трудно поверить в ту действительность, которую мы видим перед собой: где было поголовное, беспросыпное пьянство – там абсолютная, ничем не нарушаемая трезвость; где слышались пьяные драки и буйства – там любовь, тишина и порядок; где стонали под бременем беспросветной нужды и вопиющего горького горя – там благоденствуют, забыв про бедность и голод. Если бы кто-нибудь года два тому назад сказал о возможности такой трезвой жизни и такого трезвого порядка вещей, мы не могли бы поверить в эту светлую мечту, в эту трезвую, разумную русскую жизнь, так как зло пьянства было слишком велико, пьяный пожар принял стихийные размеры, чтобы можно было его так быстро потушить. И если не потушили его слезы народные, если не сломили эту адскую силу усилия дружные, то, видно, залила этот адский огонь драгоценная кровь русская, за свободу и счастье России на поле брани пролитая.

Собиралась грозная русская рать на немца коварного, благословляли родители своих сыновей на войну, а в это время над нашей милой Родиной «заря трезвая занималась»... И до сих пор горит-разгорается эта дивная заря и стоят люди русские и любят ее, утешаются в великом горе своим этим спокойным трезвым

светом и с печальной улыбкой на устах вспоминают недавние пьяные дни.

Правда, велико и то горе, которое постигло Россию в настоящее время, тяжел крест переживаемой нашей Родиной военной непогоды, но какой глубокий смысл, какое знаменательное предзнаменование можно видеть в факте русского отрезвления: если так быстро и решительно были покончены счеты с исконным русским врагом – алкоголем, если только по одному мановению Державного Повелителя русской земли спали пьяные оковы с русского народа и исчезли пьяные чары с его глаз, – то хватит еще сил у этого могучего народа расчитаться и с тем врагом, который своими варварскими выходками сумел озлобить незлобивое русское сердце и вызвать его на отмщение.

Не ты ли, многострадальная Родина, горела под пеплом татарского нашествия, не твою ли ризу светлую раздирали удельные междоусобицы, не тебя ли волновали беды смутного времени, не тебя ли хотел смести грозный западный ураган,¹ пронесшийся в прошлом столетии, но... спят вечным сном бывшие враги твои, одинокими курганами разбросаны по всему необъятному простору земли твоей их могилы забытые, и только ветер вольный несет над ними, как бы напевая грустную песню о прошлом, да волны рек твоих глубоких, катясь мимо них, глухо шумят о пронесшихся грозных годах.

Пройдут, пронесутся и настоящие темные дни, смолкнет гром боевой непогоды, враг исчезнет с лица русской

¹ Отечественная война 1812 г.

земли и снова наступят безмятежно-счастливые и мирные годы. Но исчезнет ли бесследно тот враг, которого в ложном ослеплении своим мы недавно считали близким другом и отводили ему почетное место на наших праздниках семейных и общественных, излечится ли наша милая Родина от той страшной болезни, которая называется алкоголизмом, и нет ли оснований опасаться, что к нам могут вернуться прежние пьяные дни?

«Грядущие годы таятся во мгле»... Никто не может определенно сказать, в какую форму выльется после войны существование и продажа у нас в России спиртных напитков, и поэтому остается широкое поле для всевозможных мечтаний, гаданий и предположений. Неизвестно так же – отвыкнет ли совершенно организм русского человека от этих одурманивающих напитков, так, чтобы не осталось и позыва к ним, или, по старой привычке, дрожащими руками он снова потянется к этой соблазнительной и горькой чаше, чтобы «размыкать, разогнать злу тоску-кручину».

Есть тревожные признаки, на основании которых можно опасаться высказанного последнего предположения. Несмотря на всю строгость запрещения употребления и продажи спиртных напитков в настоящее время, люди все-таки ухитряются пить: пьют ликеры и вина, покупая их по разрешениям, выданным от врачей и полиции; пьют денатурированный спирт и одеколон, приобретая их в лавках и аптеках для другого специального употребления; пьют лак и политуру, не страшась даже смертельной опасности, какая грозит по-

требителям в данном случае. В деревнях изошряются в варке пьяного «кваса медового», о химическом составе которого ведаёт одна только темная душа его изобретателя, а о его опьяняющем и убивающем действии может судить тот, кто имел несчастье, хоть раз в жизни, отведавший его.

Отсюда можно заключить, что может случиться, если открыть кабаки, рестораны и другие питейные заведения, если дать волю заключенному в узах «змие зеленому», дать бывалый простор и свободу русскому пьяному селу. Самое пламенное воображение не в силах представить того, что произошло бы тогда, и только слабые отблески печальных картин времен японской войны и последствий ее могут дать приблизительное представление возможной катастрофы.

Спрашивается, можно ли в настоящие грозные дни не только говорить, но даже мечтать о возможности возобновления продажи спиртных, хотя бы и слабоградусных (не все ли равно!), напитков? Это граничило бы с преступлением, которому нет имени, нет названия на языке русского патриота, это пожелание было бы незамолимым грехом на совести тех, кто решился бы поднять свой голос за возможность и необходимость продажи и всеобщего употребления сейчас спиртных напитков.

А между тем, находились и находятся подобные люди, которые в силу известных соображений готовы за это темное дело постоять! И если такие выступления возможны при настоящих условиях, – под грохот бо-

евой непогоды и под раздирающие душу стоны раненых, – то не трудно вообразить, как заговорят на эту тему потом, когда пронесется военная гроза и наступят новые мирные дни.

Чем же объяснить, как понять это неотразимое влияние, эту страшную власть алкоголя над душой современного человека? В пламени «огненной воды» сгорают интеллигент и простолюдин, молодой и старый, мужчина и женщина; в пьяном чаду совершаются потрясающие душу безумства, разбиваются счастливые семейные очаги, калечится до неузнаваемости разумная человеческая жизнь, темной чередой идет вслед за пьянством бездна всяких ужасов, бедствий, порока и зла...

А люди идут и идут по этой избитой пьяной дорожке, их не страшат лежащие кругом жертвы беспощадного губительного напитка, их не останавливают и не отрезвляют примеры ранее погибших людей. И хочется крикнуть словами поэта: «О, разрешите мне жизни загадку, этот тревожный и важный вопрос!». Правда, указывают на множество причин, толкающих человека на путь алкоголизма. Говорят о печальной наследственности, неудержимо влекущей несчастных потомков пьяниц во власть пьяного потока; указывают на влияние дурных примеров, которым большею частью подражают дети невоздержанных родителей; пьют и привыкают пить иногда вследствие каких-нибудь физических страданий, желая этим способом притупить и ослабить, хоть на время, силу острой боли или полученной раны; ставят в число причин, толкающих чело-

века на путь пьянства, народную грубость, невежество, темноту ума и сердца, а большинство пьет и ударяется в беспробудное пьянство лишь потому, что хочет забыть от тяжелой действительности и найти себе веселье в области лукавой хмельной мечты...

Нам думается, что из всех упомянутых причин народного пьянства самой верной и самой сильной является желание человека «забыться», уйти, хоть на время, от горя жизни, от тяжелой действительности, или, проще говоря, рассеять свое горе, размыкать свою печаль. Недаром в одной народной былине бедняга пьяница, низко кланяясь «синему кувшину», с каким-то оттенком не то иронии, не то настоящего трагизма благодарит его за то, что он помог ему «разогнать-размыкать злу тоску-кручину». Но не только простолюдин ищет забвения и улыбки жизни в пьяном угаре, – там же, на дно того же самого стакана опускается искать радостей жизни и сама интеллигенция, которая тоже в своих песнях поет и часто повторяет: «пей, добрый молодец, пей: тоска твоя пройдет...».

Пусть это веселье – обман и кошмар, пусть всякий раз тяжело пробужденье, но факт этот стоит пред нами во всей своей очевидности и не требует никаких доказательств. Пить «с радости», чтобы этим сгустить краски своего веселья, и пить «с горя», чтобы утопить в вине тяжелую гнетущую тоску, – вот один из главных факторов русского народного пьянства.

Из всего сказанного становится очевидным, что преждевременно было бы считать нашу противоалкоголь-

ную борьбу законченной и русскую трезвость прочно воцарившейся: раз есть налицо страшные признаки пьяной болезни (вроде упомянутых увлечений «денатуратом», «политурой» и пр.) и если еще не могут быть устранены вышеприведенные причины пьянства, то борьба с этим недугом никогда не должна прекращаться и меч бескровной борьбы за народную трезвость никогда не должен класться в ножны. Борцы за трезвость не только всегда должны готовы быть к бою, но они немолчно должны бить тревогу и постоянно будить общественную совесть, часто спокойно дремлющую за стаканом хмельного вина.

Что же можно и нужно теперь делать ревнителям и поборникам народной трезвости, в какую форму облечь в настоящее время противоалкогольную борьбу, когда миновала потребность в тех спасительных обетах трезвости, которые перед Святым Крестом и Евангелием произносились устами громадного количества спившихся и опустившихся пьяниц? Мы говорили, что чаще всего человек пьет потому, что не видит вокруг себя радостей жизни, и не имея благородных развлечений и возвышенного отдыха для своей усталой души, погружается в тину отвратительного пьянства. Вот на этом-то распутье просветителям и руководителям народа и нужно подстергать такого неуравновешенного и слабого человека, чтобы вовремя удержать его от падения и ввести в круг иных благородных понятий и нравственно-разумных развлечений.

Не будем говорить о жизни городской, где каждый может найти себе соответствующее развлечение, где

к услугам обывателя и доступные концерты, и народные чтения, и научные музеи, и картинные галереи, и проч. Но наша заброшенная, темная деревня, на которую принято указывать как на какую-то клоаку пьянства, разумными развлечениями печально-бедна. Там в минувшие пьяные годы знали только одно развлечение – пьянство и им «украшали» свои семейные и общественные праздники, свои печали и радости, свои барыши и убытки – и вообще весь уклад своей монотонной, скучной, беспросветной жизни. Теперь, в дни всеобщего отрезвления и просветления все осознали, что этого быть не должно, и все дружно заговорили о необходимости в деревне таких мест духовного отдыха и благородного развлечения, которые в некоторых селах уже были созданы трудами священников и прихожан и сделались известными под именем «домов трезвости» или просто под именем «приходских домов».

В настоящее время более, чем когда-либо, стало ясно, что для успешной просветительной работы вообще, и для целей народного отрезвления в частности, необходим такой дом, который был бы местом молитвенных и трезвых собраний, аудиторией народных чтений, библиотекой-читальней, – и вообще, чтобы в этом доме сосредоточивался весь пульс церковно-приходской жизни, из стен которого все, побывавшие в нем, уносили бы в душе своей, как святые огоньки Великого Четверга, свет трезвости, религиозности, христианской любви и благочестивой настроенности, чтобы здесь воспитывалась великая, трезвая, мощная Матушка-Русь.

В минуту досуга и в дни праздничного отдыха сюда поспешит уставший за трудовую неделю поселанин, здесь развернет полезную книжку, газету, листок и за этим полезным занятием проведет здесь несколько свободных праздничных часов. Сюда, как отец своей духовной семьи, придет пастырь приходский и в простой задушевной беседе будет говорить о Боге, о будущей жизни, о вечной Божией правде и о великой Христовой любви. Сюда придет сельский учитель и будет читать или рассказывать, как на земле люди живут, раскроет дивные страницы русской истории, поведаст о великих именах исторических личностей и зажжет сердца слушателей огнем патриотизма, огнем святого воодушевления и русского героизма. Сюда в назначенный день и час соберутся деревенские подростки и дети и с ними здесь заговорят на понятном детском языке, дадут движение их детскому мышлению в виде соответствующих световых картин, создадут им такое здоровое развлечение и удовольствие, которое дни и ночи потом будет питать их мысль и воображение. Здесь объединятся все, здесь почувствуют себя братьями, членами одной неделимой семьи, которой имя – приход.

Само собою понятно, что в целях борьбы за народную трезвость подобные дома могут сослужить такую службу и сыграть такую роль, какую история борьбы с пьянством не забудет никогда. Правда, для создания домов трезвости потребуются солидные средства, собрать которые для скромного деревенского деятеля не особенно легко, но при горячем желании можно

все сделать, можно и для темной деревни создать такое просветительное учреждение, которое займет второе после храма место в ряду других светочей деревни.

Только хотелось бы для ясности оговориться, что мы, рекомендуя идею создания в деревне так называемых приходских домов, разумеем не те дома, где будут раздаваться крикливые звуки граммофона или устраиваться спектакли и кинематографические сеансы, – нет, это область не приходского пастыря, мы не должны размениваться на такие мелочи и успокаиваться на мысли, что, придумывая для своего народа только подобные развлечения, мы тем самым служим делу народного просвещения, расширяя умственный и нравственный кругозор темного деревенского обывателя.

Нет, не спектакли и кинематографические сеансы нужны в данный момент нашей убогой темной деревне: ей нужен «хлеб насущный», ее, как начинающего мыслить ребенка, надо питать такой духовной пищей, которая соответствовала бы уровню ее умственных и нравственных понятий. «Вы же способствуйте счастью народному, – говорит один современный поэт,¹ – вы, кто умеет страдать и любить; дайте скорей, дайте хлеба голодному и перестанет он горькую пить». В связи с этими понятиями нам рисуется такой приходский дом, где в часы народного досуга раздавалась бы, прежде всего, речь священника, зовущего народ к святой правде, небесному свету и к лучезарной Христовой любви; где раздавалось бы разумно-полезное и нравственно

¹ Феофанов К.М. Стихотв. «Родина бедная, родина милая...».

освежающее чтение, и где народ учился бы в общем пении, как «единым сердцем и усты», славить Бога и Его святых. Хорошо, конечно, при таких домах иметь и библиотечку с хорошими книгами и брошюрами, так как всегда могут оказаться не только желающие послушать чтение, но и дома у себя книжку прочесть.

Но было бы большим заблуждением представлять дело только в таком виде: выстроили дом на отпущенные, хотя бы казной, средства, поставили шкафы со всевозможными книгами, понаставили столики с газетами и журналами и стали бы ждать деревенскую читающую публику. И... деревня, в своей массе, в своем большинстве, читать туда не пойдет: слишком она еще темна, слишком неподвижна, слишком ничтожен в ней процент грамотных, сознательных людей. Ей непременно нужны руководители, которые бы сами читали, поясняли, беседовали и учили ее, а сама деревня, как неумелый ребенок, еще не может пользоваться такой благородной роскошью, как библиотека-читальня, и существование сей последней, без интеллигентных работников, без тружеников идеи, все равно пользы никакой не принесет.

Пройдут года, свет культуры и знания ярким солнечным днем загорится над нашей Родиной и тогда русский народ сам будет искать и находить себе пищи духовной, но теперь его к этому чудному свету надо вести, надо много и долго работать, чтобы разогнать эту темную тучу русского народного невежества. И эта исторически важная работа прежде всего, конечно, ле-

жит на пастырях церкви, а затем на воспитателях и учителях народных и вообще на тех, кто имеет основание причислять себя к интеллигентным силам деревни.

Если текущие события переживаемой кровавой войны не дадут нам возможности направить все свои мысли и силы на просветительную работу в настоящее время, то потом, когда смолкнет гром военной непогоды, мы должны, непременно должны, «за счастливую долю народную – жизнь всю до капли отдать»... Знаем, что это нелегко, знаем, что под тяжестью этого креста пастыри великого духа и силы часто падали на ниве Христовой, но какая это была духовно красивая, полная смысла жизнь и славная, кроткая смерть! Не терялись их святые имена в народной памяти и не зарастала к их могилам народная тропа. Пусть же их примеры воодушевят и нас, пусть их святые деянья зажгут и наши сердца, и мы в святом воодушевлении встанем на страже вверенного нам дела и будем сеять на ниве Христовой те святые семена, которые взойдут и расцветут потом цветом евангельской правды, цветом разумных народных познаний и цветом трезвого счастья людей!

1916 год

Владимир Кузьмин УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ¹

<...> Боевые, грозовые, тревожные двадцатые годы... Сколькo судеб они изломали, сколькo крови пролилось в той братоубийственной гражданской. Михаил Шолохов получил Нобелевскую премию за то, что сумел поведать о мыслях и судьбах донского казачества. Но Дон – не средняя Волга. Писали о тех временах Федор Панферов, Артем Веселый, хотя сегодняшнему читателю их имена почти не знакомы. И о судьбе семьи Петровских, наверное, мы мало что смогли бы рассказать, если бы не сохранились автобиографические заметки Сергея Петровича. Мысль же – начать писать их – пришла к нему тогда, когда он похоронил отца, после которого осталась небольшая тетрадь, где записаны были, хоть и кратко, многие факты из его жизни. Время наступало жестокое, и 39-летний Сергей Петрович понимал, как важно уберечь от случайных пуль семейную память, как нужно детям знать родовые корни, – то, что должно питать каждого человека. 22 января 1920 года он начинает писать свою автобиографию.

В прошлом рождественском номере был опубликован рассказ об открытии нового храма в Карлинском, и внимательный читатель заметил, что некоторые фамилии автор не называет, пряча их за инициалами. Он уже понимал, что новая власть свое отношение к религии высказала прямо, резко и жестко, потому и не хо-

¹ Газета «Ленинец» г. Майна Ульяновской обл. №156 – 1997 г., №№ 2, 3-4, 6, 7 – 1998 г. Печатается в сокращении.

тел принести хотя бы малейшей неприятности своим прихожанам.

Жизнь его, в общем-то, и не была отмечена какими-либо удивительными событиями.

Родился в 1881 году в семье потомственных священнослужителей. Алатырское духовное училище, Симбирская духовная семинария. В двадцать два года – священник прихода села Пятино ныне Инзенского района. В конце 1906 года он перемещен в с. Карлинское. «Первая моя служба в старом карлинском храме собрала, конечно, массу молящихся. В моем первом слове... красным звоном звучала мысль о той великой созидательной силе, которой имя – любовь. И к этой любви я звал мою новую паству, и в этой любви полагал всю сущность, весь успех моего пастырского делания, обещая со своей стороны отдать и любовь, и все мои лучшие силы души».

Новый священник заканчивает строительство красивейшего храма. Одновременно он заведует второклассной учительской школой, ежедневно давая по три урока. Он пробует свои силы при поступлении в Петербургскую духовную академию и, успешно сдав три письменных и четыре устных экзамена, зачисляется 22-м студентом и даже на казенный счет. Редкий случай: прихожане уговорили его остаться в селе, и он ради них отказывается от учебы в Петербурге.

Особая тема – его пастырская работа по борьбе с пьянством, в пламени которого погибала тогда паства. Отец Сергей вместе с прихожанами построил в селе

Дом трезвости, который стал своего рода местом паломничества, куда, по его словам, «ежедневно, с приходом поезда со станции Майна, подъезжали подводы и пары к нашему храму и Дому трезвости, и эти настрадавшиеся во власти «зеленого змия» люди со слезами и рыданиями припадали к аналою с Крестом и Евангелием и давали обеты трезвости».

Было дано до десяти тысяч трезвых обетов! Куда уж тут несерьезным обществам трезвости восьмидесятых годов. За этот огромный труд по отрезвлению народа священник был награжден золотым крестом из кабинета Его Императорского Величества, а в 17-ом году он возведен в сан протоиерея. Это была вершина его карьеры. Можно сказать, что судьба после этих наград и почестей ниспослала ему тяжелейшие испытания.

В 1918 году, после декрета советской власти об отделении школы от церкви, Петровский потерял возможность заниматься с учениками, не стало Общества трезвости. В 1919 убили отца Петра Григорьевича, а в 1921 от холеры умерла мать Пелагея Алексеевна, от тифа скончался крестный отец Петр Васильевич Векшин, в 1922 году опустили в могилу крестную мать Екатерину Алексеевну Знаменскую.

«За кем теперь очередь?» – записывает в своем дневнике Сергей Петрович, – может быть, за мной? ... В борьбе за кусок хлеба погибли все лучшие мечты и разбились в прах все идеальные стремления. Не страшна и смерть, не страшна и могила, в которую рано или поздно все равно придется уйти».

Осенью 1921 и зимой 1922 года пережили страшный голод, когда даже птицы погибли от бескормизы.

«Пасху 1922 года встречали со слезами, когда нужно было петь «Христос воскрес...», народ рыдал, и пение прерывалось плачем». Отец Сергей так и не смог произнести слов: «трапеза наполнена, насладитесь все, телец упитанный...».

В 1923 году в церкви произошел раскол, раскололась и паства в Карлинском, открылась другая, как сейчас модно говорить, альтернативная церковь. Политика ворвалась и в церковную тишину.

В 1926 году, понимая, что могут быть лишены казенной квартиры, Петровские строят свой дом, рассчитывая на него как на хоть и слабую, но защиту от житейских бурь. Но мог ли деревянный дом защитить от того урагана, который направлялся на церковь как социальный институт?..

Через несколько лет вынуждены были Петровские уехать из села прочь. Домик их был отдан под квартиры учителям. Уехали Петровские в Ульяновск. Бедствовали и голодали. К чести карлинских прихожан находились смельчаки, которые возили батюшке на пропитание картошку, другие продукты, позволяя хоть как-то сводить концы с концами.

В 1929 году Сергей Петрович Петровский был арестован, посажен в тюрьму, где сидел со многими другими священнослужителями. Приехавший с продуктами в город к Петровским карлинский житель рассказывал, что матушка пригласила его назавтра сходить вместе на

берег Волги, где арестованные перемывали картошку. Наутро отправились они на эту страшную свиданку, да охрана близко не подпустила, лишь издали помахали они батюшке рукой, поплакали, да с тем и ушли.

Каким-то образом, незадолго до смерти, Петровского отпустили из тюрьмы. У него развился туберкулез, он сильно кашлял. На сохранившемся снимке в лежащем в гробу мужчине никак нельзя признать того Сергея Петровича Петровского, про которого прихожане и спустя десятилетия говорили: «Батюшка у нас красивый был».

В его дневнике, где после 27-го года ничего не записывалось, появилась последняя запись, сделанная, по видимому, братом Леонидом: «Дорогой, незабвенный братец мой навеки оставил нас 1933 года января 3/16 дня, 7 час.45 мин. утра, понедельник».

<...> Погибли деды и отцы, но остались дети. В 1910 году у Сергея Петровича родился сын, которого тоже называли Сергеем. Отец запишет позднее в своем дневнике: «Как на первенце, на нем почтили все надежды, все радости и родительские мечты. Его окружили любовью... Учиться он начал рано... Способности его оказались хорошими, прилежание тоже было. К десяти годам (прим. автора) – он был уже вполне сознательным мальчиком, прислуживал мне в церкви, облаченный в маленький стихарик, разделял со мною легкие домашние работы, и уже радостное сознание родительского чувства, что я не

умру бесследно на земле, а буду жить в лице своего продолжающегося потомства, наполняло меня радостью.

Но вот разразился революционный ураган, создались новые условия школьного обучения и воспитания, и я с затаенной грустной думой взглядывая на эту беззаботную детскую головку, стал задаваться вопросом: «Что убо отроча сие будет?». Что выйдет из тебя, милое дитя? Пойдешь ли ты по той же заветной дорожке, по которой шел твой отец, или избереешь другую, свою? Возьмешь ли на себя тот крест, который с любовью взял на себя твой отец, или, устранившись его тяжести, избереешь себе другой жизненный путь? Духовная школа уничтожена, специального образования, готовившего детей духовенства к занятию церковных должностей, нет; думать, что пробел духовного образования и воспитания может восполнить семья, очень трудно. Пусть же будет воля Божия!».

Подрастал и второй сын Николай, родившийся в 1915 году.

И чем старше становились дети, тем больше чувствовали они свое социальное происхождение. В 1927 году 22 ноября Сергей Петрович Петровский (возглавлявший двенадцать лет школу) пишет в школьный совет Карлинской школы II ступени заявление: «С сердцем окрыленным надеждой, я решаюсь еще раз обратиться со своей наболевшей просьбой о принятии сына Николая в школу... Правда, мне тяжело изменять своей обычной скромности и начинать го-

ворить о себе, о своих прошлых школьных трудах, о любви к делу народного просвещения, но в данном случае это необходимо...

За десять лет до революции я вошел в карлинскую школу в качестве заведующего и окруженный родной сердцу моему крестьянской молодежью сразу почувствовал себя в той родной стихии, где так легко дышалось, жилось и работалось. Великолепная, народнически настроенная семья школьных работников слилась со своим заведующим и закипела работа: ремонтировалось школьное здание, ремонтировались постельные принадлежности (одеяла, матрацы), улучшился стол (вплоть до сладкого компота с белым хлебом), создавалась самая уютная обстановка жизни интерната, обнимавшего своей ласковой атмосферой такую деревенскую детвору, которая у себя дома часто видела только голод, да холод, да непролазную грязь. И это в течение 10 лет!..

Вот факты, ради которых можно на время забыть социальное происхождение сына моего Николая, чтобы открыть ему двери школы, как я открывал эти двери карлинской детворе, собирая ее то в тот, то в другой школьный улей.

...Я убедительно прошу школсовет допустить сына моего Николая или вольнослушателем I группы, или разрешить ему хотя бы просто посещать уроки наравне с другими учениками, чтобы вывести его из того ужасного положения, которое делает его уличным мальчишкой со всеми «прелестями» этого звания».

В просьбе ему было отказано. Николаю не разрешили даже присутствовать на уроках.

Сергей первым поедет в Ульяновск, получит специальность бухгалтера, будет поддерживать родителей в трудные години; похоронив отца, переживет его на десять лет. На фронт он не попадет по состоянию здоровья. В 1943 году Сергей Сергеевич Петровский, бухгалтер военного госпиталя, умрет от туберкулеза.

Николай, вопреки всему, научится фотоделу. В 26 лет уйдет на войну, защищать Родину-мать. Его фамилию Вы найдете в первом томе ульяновской Книги памяти погибших в годы Великой Отечественной войны: «Петровский Николай Сергеевич, призван Ульяновским ГВК, рядовой, пропал без вести в декабре 1943 года».

...Мать их пережила своего супруга, Сергея Петровича Петровского, на несколько месяцев. <...>

Владимир Кузьмин
КУДА ПРОПАЛ ДОМ ТРЕЗВОСТИ¹

Обидно, что когда говорят «русская болезнь», большинство сразу же понимает, что речь идет о пьянстве и о самом крайнем проявлении этой болезни – алкоголизме. Статистика свидетельствует, что много пьют и в других странах, и там смертельный дух ржи, винограда, ячменя, картофеля, риса, тростника, яблок и прочего зелья страшит своим губительным ядом. Но приклеилась эта болезнь к России. Она унесла и продолжает уносить жизни наших сограждан, далеко опережая и Чернобыль, и локальные войны. Стыдно и печально, что в практику вошли акции, в ходе которых врач-нарколог, выезжая в то или иное село, в очередь кодирует десяток, а то и более мужиков, да и женщин. Практика подобной борьбы с алкоголизмом, к сожалению, не прибавляет оптимизма. Конечно, есть примеры, когда лечение приносит исцеление от алкогольной зависимости. Но куда чаще должного результата не достигается, и через малое время болезнь возвращается и катит человека по наклонной к финальной ленточке.

Сто лет назад священник села Карлинского Сергей Петровский задумал открыть в селе при церкви Дом трезвости. И задуманное ему удалось осуществить. Впрочем, обо всем по порядку. И в начале – небольшой исторический экскурс.

¹ Газета «Ленинец» г. Майна Ульяновской области №№ 11-12, 13-14 – 2009 г.

**Четвертая государственная монополия
 на алкоголь**

В 1885 году по рекомендации правительства была проведена частичная реформа акцизной системы. Была введена бутылочная торговля, но коснулось это, в основном, столицу. Вместо кабака пришел трактир. Но мастеровой люд выпивал четвертинку водки у дверей лавки, отдавая посуду обратно и получая за нее деньги.

Общественность, прежде всего ученые во главе с Д.И.Менделеевым, ряд государственных деятелей, юристов и церковь выступили в поддержку введения в России государственной водочной монополии. Разрабатывалась она серьезно, проводилась осмотрительно, поэтапно, на протяжении восьми лет с 1894 по 1902 годы. Она не ставила задачу ликвидировать пьянство, как социальное зло. Монополия убирала некачественную водку и самогон из оборота, пыталась привить народу культуру потребления водки.

В 1904-1905 г.г. в период русско-японской войны фактически был введен запрет на торговлю водкой в ряде регионов страны. В годы первой русской революции в 1905-1907 г.г. ограничения сохранялись или действовали частично.

Мало кто знает о том, как упорядочена была торговля алкогольной продукцией. В городах она велась с 7 утра до 10 вечера. В сельской местности она прекращалась осенью и зимой в 18 часов, а весной и летом продлевалась до 20 часов. Во время общественных мероприятий – выборов в Думу, деревенских или волостных

сходов – торговля водкой строго запрещалась. Усились уголовные наказания за изготовление самогона. Сейчас об этом многие не знают, поэтому в 60-70-х годах введение ограничительных – регулирующих мер воспринималось людьми как некая выдумка советского правительства, которая якобы никогда не применялась в дореволюционную эпоху.

Уржумская чайная – читальня

Приступить к любому большому делу всегда нелегко. И формы работы надо было искать, собственно, новые.

Вот небольшая заметка в апрельском номере «Симбирских епархиальных ведомостей»:

«1 января 1904 г. минуло два с половиной года, как в селе Уржумском открыта чайная-читальня попечительства о народной трезвости. Прежде, чем коснуться действий этой чайной, необходимо ознакомить читателей с крестьянами означенного села. Как бывшие удельные, с уничтожением крепостного права они получили большой надел земли, благодаря чему всегда жили безбедно.

До введения военной монополии общество имело свой кабак, который сдавало в аренду, и большая часть арендных денег пропивалась в этом же кабаке. Пьянство было доведено до высших размеров. Помимо пьянства, единственным удовольствием крестьян были кулачные бои, которые доходили до того, что дрались не только с односельчанами, но и соседними крестьянами села Юшанского на лугах, которые тянутся на две версты.

В 1897 г. в Уржумское был назначен священник о. Николай Предместьин, который с первого же года своего служения начал внушать народу принципы нравственности, давал каждому совет, но общественный кабак убивал все благие начинания священника и действовал растлевающим образом на народную массу.

С открытием чайной-читальни о. Предместьин был назначен в помощь участковому попечителю с правом участия в делах чайной, и с этого времени чайная фактически перешла в его заведование. О. Предместьин всю душу вложил в это дело и в настоящее время результаты его деятельности налицо. Народ все свободное время проводит в чайной, пользуясь газетами и журналами, и читает под руководством и наблюдением своего священника. Сам батюшка каждую неделю читает народу что-либо духовно-нравственное или историческое. Отраднее видеть, как почти все село собирается в чайную не столько пить чай, сколько провести разумным образом свободное время. Зимой чтение начинается с 4 часов дня и нередко оканчивается в 12 часов ночи.

Драки прекратились и пьянство в селе заметно уменьшилось. Жаль только, что вследствие тесноты помещения чайной, не все желающие могут присутствовать на чтениях. А пользы от них много».

Вот такая история. Заметьте, в 1904 году не было в селе ни библиотеки, ни дома культуры, ни коллектива учителей.

Были священники и до о. Николая Предместьина. А вот он пришел и многое смог изменить.

В борьбе за народную трезвость

Симбирские епархиальные ведомости в 1906 году сообщали: «В ноябре священник села Карлинского, что на реке Гуще Сенгилеевского уезда Иоанн Лебедев и священник села Пятины Карсунского уезда Сергей Петровский перемещены один на место другого согласно их просьбам о перемещении».

Двадцатипятилетнему священнику, только недавно создавшему семью, новое место службы не понравилось. Одно радовало: в нескольких верстах от Карлинского, в Репьевке-Космынке, жили родители Петр Григорьевич и Пелагея Алексеевна. Отец был дьяконом здешнего храма.

Два последующих года не принесли особых изменений. В 1908 году Петровский сдает вступительные экзамены в Петербургскую духовную академию и поступает. А так как в Карлинском почти готов новый каменный храм, то Петровский планирует провести в нем первую службу и навсегда распрощаться с этим селом. Однако, по неожиданной для него и очень эмоциональной просьбе прихожан, он остается в селе. И первой задачей для себя как священника он ставит борьбу за народную трезвость.

В 1911 году в тех же ведомостях он печатает статью «Счастье просветления». Кстати, замечу, что в огромной по тем временам Симбирской епархии было всего пять-семь священнослужителей, регулярно публикующих свои статьи. В их числе был и молодой Сергей Петровский. В своих воспоминаниях он пишет: «Бу-

дучи в столице, я много слышал там о той противоалкогольной борьбе, которую вело духовенство, страдая за погибающую в пламени пьянства вверенную им Богом паству. В то время в Петербурге начинало процветать Александро-Невское общество трезвости. Я успел кое-что узнать, кое с чем познакомиться в этой области и решил перенести способы этой борьбы на свою приходскую почву, так как зло пьянства было у нас в деревне чересчур велико».

О том, что было сделано отцом Сергием, лучше расскажет он сам.

Счастье просветления

«Вечерня отошла. В вышине церковного купола замерли последние звуки песнопений, и на время все смолкло. Но толпа не спешила из церкви; наоборот, она поспешно двинулась к тому месту, где под сенью массивной хоругви с надписью «в память открытия общества трезвости» красиво и величаво смотрит из золоченой рамки кроткий образ Преподобного Сергия. Это – святыня трезвенников. На трудовые гроши этого серого люда сооружена она, на гробнице Преподобного в Троицкой Лавре ее освятили, с торжеством и со слезами умиления ее встретили, и вот с тех пор каждый праздник после вечерни собираются здесь трезвенники служить свой общий молебен и принимать новых трезвенников. Только около двух лет стоит святыня в этом углу храма, но немало уже перебивало здесь трезвенников, немало было на эти холодные каменные пли-

ты пролито горячих крестьянских слез. Тут плакали и сами трезвенники слезами раскаяния, слезами сожаления о безумно прошедших и нещадно убитых годах; плакали о потерянном счастье, о своей жизни разбитой, о безумствах, бесчинствах, грехах... А тут же, за их плечами, бились и рыдали в истерике их забытые жены, их страдающие матери: слишком уж тяжел был крест их жизни, слишком уж горька была чаша их и без того беспросветного бытия, отравленного дикими ужасами их пьяных мужей и сыновей. И вот здесь их непосильное горе просилось и вырывалось наружу, и они, эти страдальцы – русские женщины – неудержимо рыдали и свои потускневшие глаза с тоскливой мольбой поднимали к образу Преподобного, прося его сжалиться над их несчастной долей и отрезвить их беспробудно пьяных, оупелых и жалких мужей и отцов.

Вот и теперь вышли из толпы несколько человек, желающих дать обет трезвости, и встали вперед. Начался молебен небесным покровителям Общества трезвости. Запела вся толпа, закрестились мозолистые мужицкие руки. Наступил момент клятвенного обещания. В храме все стихло, и среди этой воцарившейся тишины с глубочайшим вниманием трезвенники стали внимать увещательному слову священника. Высказавши сначала свою радость по поводу доброго намерения собравшихся, он стал рисовать перед ними те картины зла, пороков и бедствий, какие роятся от пьянства.

Ему нельзя было не заметить, как потоки слез градом полились из глаз тех жен и матерей, которые при-

шли сопровождать этих новых трезвенников. Очевидно, дрогнули их наболевшие сердечные струны, отозвались печально-жалобным стоном и вылились потоками слез. Не устояли и сами виновники всех этих несчастий: вот видно, как тяжелая, крупная слеза скатилась с загорелой щеки мужика, вот тяжелый вздох вырывается из груди другого, а вот двое стоят низко опустивши голову и глубоко задумавшись, ровно вся эта пьяная бездна, до которой они дошли, только теперь открылась перед ними во всем ее ужасе. А тут еще проснулась и, как набатом, заговорила совесть, заговорила обличительно, настойчиво, беспощадно. «Бросить, бросить это проклятое пьянство, бежать от этой пропасти», – шевелится в голове мужика. А священник все еще продолжает развивать свою мысль. Он говорит о предсмертных муках и тоске пьяницы, говорит о его преждевременной могиле, о несчастных потомках его, которым в страшных припадках и ужасных конвульсиях всю жизнь потом суждено страдать за грехи своих отцов. «Не наследуют пьяницы царствия Божия», – говорит священник упавшим голосом: ему тяжело высказать эту последнюю и самую страшную истину, но... участь неизбежна, суд слова Божия непреложен. Страшно, жутко становится на душе пьяницы. Быстро у него созревает намерение покончить с прошлым, начать светлую трезвую жизнь. И вот быстро и решительно поднимает он свою дрожащую руку и уверенно и ясно произносит слова клятвенного обещания. Свершилось! Сила веры, сила священно-

го обета связала слабую расшатанную волю свернувшего с правого пути человека и вернула его к Богу, к счастью, к семье. Радужными надеждами засветилось его лицо, высоко и бодро поднялась его опущенная на грудь голова. На улице сгущались сумерки, дул холодный порывистый ветер, тяжелые свинцовые тучи плыли по мутному небу. Но не мог этот режущий ветер разогнать того тепла, каким согреты были в эти минуты сердца новых трезвенников и не могли эти нависшие мрачные тучи закрыть того благодатного света трезвенности, который открылся их очам».

Написано, согласитесь, высоким стилем, но учтем, что это не разовая беседа, это проверка общественности и семьи на умение держать мужское слово. И как мощен этот заряд воздействия словом на человека. К сожалению, как рассказывают очевидцы, при кодировании такого Слова, которое произносил Петровский, нет. Что поделаешь?..

Приходский дом

В первый год создания Общества трезвости в него вступило 105 крестьян села. Они дали клятвенное обещание воздержаться от спиртного. Само собой вырисовывалось, что для проведения антиалкогольной работы нужно было свое, особое помещение. Особенно это нужно было в условиях деревни.

Вот как рассуждал об этом отец Сергей. (Правда, Дом трезвости в Карлинском уже стоял четвертый год):

«Не будем говорить о жизни городской, где каждый

может найти себе соответствующее развлечение, где к услугам обывателя и доступные концерты, и народные чтения, и научные музеи, и картинные галереи и проч. Но наша заброшенная, темная деревня, на которую принято указывать, как на какую-то клоаку пьянства, разумными развлечениями печально бедна. Там в минувшие пьяные годы знали только одно развлечение – пьянство, и им «украшали» свои семейные и общественные праздники, свои печали и радости, свои барыши и убытки, – и вообще весь уклад своей монотонной скучной беспросветной жизни. Теперь в дни всеобщего отрезвления и просветления все сознали, что этого быть не должно и все дружно заговорили о необходимости в деревне таких мест духовного отдыха и благородного развлечения, которые в некоторых селах уже были созданы трудами священников и прихожан и сделались известными под именем «домов трезвости» или просто под именем «приходских домов». Здесь Сергей Петровский подразумевает свой опыт. Дом такой («трудами священника и прихожан») был построен в селе в 1912 году. Деревянное здание размером по периметру 20x12 м, высотой около 4 метров от пола. Прихожая и две комнаты, одна поменьше, другая – большая, которая могла вместить более сотни человек. Высокие окна не только делали комнату необычайно светлой, но и сразу же отличали дом от обычных деревенских, окна которых были втрое и более меньше из-за экономии тепла.

Памятник трезвого дела

Откуда добыл деньги на строительство священник Петровский, – трудно сказать.

Основной статьей дохода Общества были пожертвования и ... членские взносы. Как сообщается в Ульяновской-Симбирской энциклопедии, они составляли от 25 копеек до 1 рубля в год. Но особенно важно, что количество членов общества росло очень быстро.

В начале века в Симбирской епархии было 698 приходских церквей, однако подобные общества трезвости были открыты в 5 городских и 42 сельских приходах. Это цифры 1916 года. И далеко не каждый приход из 42 имел такой Дом трезвости, как при церкви с. Карлинского. В начале двадцатых годов, начав писать заметки о прожитом, Сергей Петрович Петровский не мог не вспоминать о работе по отрезвлению общества.

«Возвращаясь мысленно к тому, сравнительно недавнему прошлому, – писал он, – когда на почве нашего Карлинского прихода было посеяно, возросло и потом пышным цветом распустилось семя святой, благодатной трезвости, – я вспоминаю об этой работе, как о лучших днях своей жизни. Этот чудный трезвый свет, зажженный моей скромной и неумелой рукой, охватил и согрел не только мою паству и мой приход. Нет, к нам потянулась масса измученного алкоголем люда из окрестных сел, и из губернского города, и даже из других отдаленных городов и сел. Было нечто похожее на паломничество, когда ежедневно, с приходом поезда со станции Майна, подъезжали подводы и пары к нашему

храму и Дому трезвости, когда эти исстрадавшиеся от власти «зеленого змия» люди со слезами и рыданиями припадали к аналою с Крестом и Евангелием и давали обеты своей трезвости.

За все время основания общества трезвости и до начала революции было произнесено до 10 тысяч трезвых обетов, роздано было несколько десятков тысяч брошюр и листов моего составления и был сооружен памятник этого трезвого дела – Дом трезвости; многим сотням «бывших людей» был указан светлый путь жизни, многим женам, матерям и детям были отерты с лица их горькие слезы, а этого, кажется, довольно с меня, чтобы со спокойной душой и совестью сказать в себе: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко...».

Отец Сергей за эти годы подготовил и выпустил несколько брошюр. В последней брошюре, которую Симбирское Епархиальное духовно-просветительное Свято-троицкое Братство выпустило как листок для народа и отпечатало в типографии Токарева в 1916 году, он писал: «Для более успешной просветительской работы вообще и для целей народного отрезвления, в частности, необходим такой дом, который был бы местом молитвенных и трезвых собраний, аудиторий народных чтений, библиотекой-читальней, – и вообще, чтобы в этом доме сосредоточивался весь пульс церковно-приходской жизни, из стен которого все, побывавшие в нем, уносили бы в душе своей, как святые огоньки Великого Четверга, свет трезвости, религиозности, христианской любви и благочестивой настроенности, чтобы

здесь воспитывалась великая, трезвая, мощная Матушка-Русь.

В минуту досуга и в дни праздничного отдыха сюда поспешит уставший за трудовую неделю поселянин, здесь развернет полезную книжку, газету, листок, и за этим полезным занятием проведет здесь несколько свободных праздничных часов...

Сюда придет сельский учитель и будет читать или рассказывать, как на земле люди живут, раскроет дивные страницы русской истории, поведаст о великих именах исторических личностей и зажжет сердца слушателей огнем патриотизма, огнем святого воодушевления и русского героизма. Сюда в назначенный день и час соберутся деревенские подростки и дети и с ними здесь заговорят на понятном им детском языке».

И в то же время священник понимал, что деревня в своей массе читать в Дом трезвости сама не пойдет. Слишком она еще темна, слишком ничтожен в ней процент грамотных, сознательных людей. Ей бы сами читали, поясняли, беседовали и учили ее, а сама деревня, как неумный ребенок, еще не может пользоваться такой благородной роскошью, как библиотека-читальня. Существование ее без интеллигентных работников, без тружеников идеи все равно пользы никакой не принесет.

Золотой крест труженику идеи

В своих записках Сергей Петрович попытался оценить сделанное: «Не знаю, как будут взвешены и оцене-

ны эти труды мои на весах вечной Божьей правды, так как суд Божий не как суд человеческий, но по-человечески, по-земному, мои труды оценены, пожалуй, выше их заслуг.

Все положенные по моему сану награды посыпались на меня через самый короткий промежуток времени, а 31 декабря 1914 года мне была пожалована Высочайшая награда, исключительная в моем положении сельского священника, о которой нельзя было даже и мечтать, а именно: золотой крест.

Такое исключительное и высокое внимание можно было объяснить тем, что моей деятельностью по делу народного отрезвления осведомился тогдашний Обер-Прокурор Синода и результатом его доклада Императору явилась такая награда, которая сама по себе уже говорила, как высоко начинала цениться в тогдашних верхах пастырская трезвая работа».

В 36 лет он стал протоиереем. Со всякой наградой отец Сергей чувствовал, как увеличивается число завистников и недоброжелателей, которые при всяком удобном случае старались бросить грязью не только в него, но и в его любимое детище – дело трезвости. А это было особенно тяжело и больно.

Запрет – не выход

В 1914-м году, во избежание массовых беспорядков, вызванных протестом против начавшейся войны, царское правительство запретило продажу спиртных напитков. И этот запрет просуществовал до 1925 года.

Но запрет радости не дал. Водку заменили суррогаты.

Отец Сергей, рассказывая о том времени, отмечал: «Пьют денатурированный спирт и одеколон, приобретая их в лавках и аптеках для другого специального употребления, пьют лак и политуру, не страшась даже смертной опасности, какая грозит потребителям в данном случае. В деревнях изощряются в варке пьяного «кваса медового», о химическом составе которого ведаёт одна только темная душа их изобретателей, а о его опьяняющем и убивающем действии может судить только тот, кто имел несчастье, хоть раз в жизни, отведать его...»

Странное чувство, когда читаешь эти строки. Кажется, это написано не 90 лет, а 2-3 года назад.¹ Вот какие параллели.

Упавшая эстафетная палочка

Отмечая 1914 год, как рубеж в противоалкогольной борьбе, Петровский пишет: «Наступившие военные события, а затем революционный ураган смыли все старые формы жизни и сделали невозможной, да пожалуй и ненужной, эту противоалкогольную борьбу, так как наступившая вследствие гражданской войны общая государственная разруха не только закрыла все места пьянства, но и создала голод, холод и такую обстановку жизни, при которой моя деятельность, как священника, ограничилась только храмом, отнявши у меня тот Дом трезвости, над созданием которого я столько потрудился и с построй-

кой которого в голове моей зрело столько планов и розовых надежд в деле моего пастырства».

В конце двадцатых семья Петровских вынуждена будет уехать из села, перебраться в Ульяновск. После ареста, когда отца Сергея, больного, выпустят, жизни ему будет отмерено немного.

Ему, к счастью, не доведется видеть, как порушат его храм, а Дом трезвости переберут и поставят на новое место, рядом со школой. И на несколько десятилетий он превратится в школьный спортзал, пока ретивый руководитель школы сочтет, что построенный спортзал при Доме культуры делает старое здание ненужным. Зданиеломают на дрова. А упомянутый Дом культуры, построенный в ста метрах южнее места, где стоял Дом трезвости, мог бы взять на себя функцию Дома, о котором мечталось Петровскому, но и его судьбу, мерзнущего без отопления уже который год, счастливой не назовешь.

И все же сделанное отцом Сергием не прошло бесследно. Хорошо помню, как в пятидесятые годы в селе пьяницей считался всего один мужик. Не буду называть его фамилии. Пили, конечно, и водку, и фруктовое вино. Но на поминках пить принято не было. Водка в таких скорбных случаях позволялась лишь могильщикам. И самогон вошел в моду в селе только в 80-ые годы.

Так и не нашелся человек, готовый подхватить эстафету отца Сергея. Вот такая история.

¹ Статья опубликована в 2009 году.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Осенью 1917 года отцу Сергию исполнилось 36 лет. Он полон сил, энергии, планов, но октябрьский переворот перечеркнул всю его жизнь. Его молитвы, трезвенническая деятельность, опыт работы с людьми новой власти не нужны; его желание нести людям свет доброй жизни натывается на мракобесие и злобу.

В послереволюционные годы отец Сергей ведет жизнь сельского священника; вспоминая все, что ему дорого, пишет «Автобиографию». И можно только предположить, какого масштаба могла бы достичь его деятельность при благоприятных условиях.

Он не вмешивается в политику, но активно участвует, как благочинный, в сложной внутрицерковной жизни двадцатых годов. В справке, находящейся в архиве ФСБ, о протоиерее С.П.Петровском сказано: «Реакционер, лидер сергиевщины, весьма авторитетен, является одним из лидеров идейной борьбы с остальными церковными ориентациями. Неоднократно самовольно проводил благочиннические собрания. Очень осторожен и вместе с тем вреден».

Когда читаешь протоколы заседаний сельсоветов 20-х годов, в том числе и Карлинского, становится понятным, что главный для власти вопрос – как получить с крестьян налоги. Поэтому и отец Сергей, когда его арестовали в сентябре 1929 года, обвинив в антисоветской деятельности, которая, по материалам дела, выражалась в исполнении им обязанностей священника и благочинного и неуплате налогов, все силы направляет

на решение именно этого вопроса. Он пишет объяснения, что земли не имеет, в хозяйстве только одна корова, налоги уплачены и им, и его прихожанами, но, уже после ареста, сельсовет предъявляет новые счета.

С ужасом он осознает что семье в Карлинском не выжить, - началась «травля» его сыновей со стороны местных комсомольцев, а будет ли у него возможность защитить семью, вернется ли он из тюрьмы – неизвестно... Отец Сергей передает весточку жене - распродать имущество, расплатиться с сельсоветом и уехать с сыновьями к его брату в Симбирск.

Уголовное дело «рассыпалось». Обвинительное заключение было возвращено «на доследование», а так как доследовать, как видно, было нечего, отца Сергия выпустили из тюрьмы.

Попал он туда здоровым, а через несколько месяцев, в первых числах января 1930 года, домой вернулся совершенно больной человек.

Отец Сергей принес из тюрьмы туберкулез. В периоды просветов от жестоких приступов болезни он перебивается случайными заработками: плотничает, помогает в садах. Семья бедствовала, получить медицинскую помощь они не имели права, так как были «лишенцами», т.е. лишенными всех гражданских прав. Туберкулезом заболели супруга Надежда Дмитриевна, которая умерла следом за мужем, и старший сын Сергей, скончавшийся от этой болезни в 1943 году в возрасте 33 лет.

По словам Екатерины Петровны - сестры протоиерея Сергия, после тюрьмы он «выкашлял» свои легкие.

Обескураживает причина, указанная в свидетельстве о смерти, - «цирроз печени» - и это у человека, никогда не употреблявшего алкоголь. Так что же с ним происходило в тюрьме? С кем рядом он оказывался? Какие страдания перенес? Мы не знаем...

Умер отец Сергей 16 января 1933 года. Ему был 51 год. Похоронен в Ульяновске на старом городском кладбище (Воскресенский некрополь), недалеко от храма.

Он был соратником архиепископа Иоакима (Благовидова), возможно, поэтому и похоронили отца Сергия рядом с Владыкой, по левую сторону.

Упокой, Господи, души всех пострадавших за веру Христову!

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	7
Мечты и жизнь	123
Поездка в Белгород	132
В борьбе за народную трезвость	142
На празднике пятилетия существования Карлинского общества трезвости.....	174
Деятельность Карлинского общества трезвости за 1914 год	184
Краткая записка о том, как вести уроки трезвости в начальной школе	201
Алкогольный вопрос при свете переживаемых событий	230
Унесенные ветром. В.Кузьмин	244
Куда пропал Дом трезвости. В.Кузьмин	252
От составителя.....	268

СВЯЩЕННИК СЕРГИЙ ПЕТРОВСКИЙ
В БОРЬБЕ
ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ

Составитель Расторгуева М.К.

Подписано в печать . Формат
Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ №К .

Отпечатано в ООО «Мастер Студия», г. Ульяновск
432071, ул. Урицкого, 94, тел. (8422) 44-55-33